

ФГБОУ ВО «ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Якушева Александра Викторовна

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФРАЗА В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ:
КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКАЯ ДИСКУРСИВНАЯ МОДЕЛЬ**

Специальность 5.9.6. Языки народов зарубежных стран
(романские языки)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
А. В. Алферов

Пятигорск – 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФРАЗА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	15
1.1. Обыденная критическая лингвополитология и лингвоидеология..	17
1.2. Онтологические причины фразеологизации политического дискурса. Идеологическая идиоматичность	23
1.3.Функциональная семиотика фразеологизации политического дискурса. Процессы образования политической фразы	31
1.3.1. Дискурсивность.....	44
1.3.2. Текстуализация	49
1.3.3. Пуантированность и меморизация.....	58
1.3.4. Медиатизация, редискурсивизация, прецедентность и меметизация. Паремические малапропизмы.....	65
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I.....	73
ГЛАВА II. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЯ КАК МЕТОД КРИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ	78
2.1. Критическая лингвистика и политическая лингвоперсонология ...	78
2.2. Политический имидж как функциональная среда персональной политической фразеопаремии (ППФП).....	81
2.3. Адгерентный апеллятивный имидж политической персоналии.....	94
2.4. Лексико-креативный ингерентный делокутивный имидж политика	99
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II	103
ГЛАВА III. ФРАНЦУЗСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАЛАПРОПИЗМЫ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ: КОГНИТИВНО- ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРОЛОГИЯ	106

3.1. Концептуальность и концептуализация политической фразы.....	114
3.1.1. Лексико-концептуальный делокутивный имидж политика	117
3.1.2. Фразеопаремия как средство политической концептуализации	121
3.1.3. Риторико-прагматические черты внутренней формы ППФП	132
3.1.4. Интеракциональность и контекстуальность внутренней формы ППФП как следствие (де)текстуализации.....	137
3.2. Малапропизмы в адгерентном имидже французского политического класса	144
3.3. Малапропизмы в ингерентном и адгерентном имидже Э. Макрона	151
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III.....	158
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	162
БИБЛИОГРАФИЯ.....	169
ПРИЛОЖЕНИЕ I. ЭТАПЫ ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ МАЛАПРОПИЗМА	204
ПРИЛОЖЕНИЕ II. ДИСКРЕДИТАЦИЯ ИМИДЖА МАРИН ЛЕ ПЕН С ОПОРОЙ НА ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОПАРЕМИИ	207

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена изучению и системному описанию персональной политической фразы в медийном пространстве современной Франции. Работа выполнена в русле политической лингвистики, лингвистической идеологии, политической фразеологии и политической дискурсивной персонологии. Применяемая методология критического дискурсивного анализа направлена на изучение функционирования языка в социуме и позволяет выявить механизмы сочленения идеологических и дискурсивных структур общественного языкового сознания.

Феномен *меморизируемых политических высказываний* отмечен вариативностью его имплементаций, требующих системного рассмотрения. В настоящее время исследование данного явления осуществляется в разных научных перспективах, отличается многообразием терминологии и требует актуальной интегральной концептуализации.

Актуальность темы основывается на ряде факторов:

1) развитие социокультурных доминант в современной теоретической и прикладной лингвистике, обусловленных практической значимостью лингвокоммуникативных процессов в жизни социума;

2) малая изученность лингвокогнитивных механизмов образования и функционирования персональной политической фразы как социокоммуникативного феномена в лингвистике, в частности, в ее политической отрасли;

3) востребованность и частотность рассматриваемого социально-лингвистического явления в общественном сознании и современных политических медиапрактиках.

Культурологический аспект персональной политической фразы определяется её значимостью в общественном сознании, выделению её в качестве метаязыкового концепта медийной лингвополитологии, частотностью обсуждения в средствах массовой коммуникации, включающих электронные и печатные СМИ, социальные сети и проч.

Помимо социополитического медиапространства, областью бытования персональной политической фразы выступает обыденная лингвополитология [Голев, 2011] и лингвоидеология [Schieffelin, 1998] в самом широком ее представлении – от критического анализа дискурса средств массовой коммуникации до индивидуального восприятия политической реальности в ее дискурсивном разнообразии и противоречиях [Bourdieu, 1991; Dijk, 2020]. Данный феномен является языковой универсалией и в обыденной лингвополитологии обозначается в русском языке как *политический афоризм, политический мем, политический ляп*; в английском языке – *buzzword, soundbite, snowclone, quote, catchword, bullet* и др.; во французском – *formule, petite phrase, petite madeleine* и др. [Power Thesaurus; TLFi]. Выступая в пространстве интернет-коммуникации в качестве мемов [Молчанова, 2018], они получают спорадическое, интуитивное описание-комментирование под рубриками «нелепые высказывания / крылатые фразы / афоризмы / цитаты / перлы / ляпы политиков» [Тангир, 2007] и т.д. Бытовые номинации этих речевых единиц иногда строятся эпонимически – по имени их автора: *бушизмы, ширакизмы, путинизмы, макронизмы, черномырдинки* и т.п. И если в обыденной лингвополитологии они обычно относятся к квази- или антиафоризмам, по своей природе и функциям они значительно отличаются от афоризма в строгом понимании, занимая промежуточное положение между фразеологизмом и паремией, являясь по сути *фразеопаремией* и однофразовым текстом. Таким образом, встает вопрос о речезыковом и дискурсивном статусе этих единиц.

При этом в функциональном разнообразии политической фразы нами выделяется разряд *фразеопаремий с демотивационной интерпретантой*, критическим и ироническим оценочным прагмасемантическим потенциалом, который мы называем *паремическими малапропизмами* [Алферов, Якушева, 2018]. Феномен политической фразы в значительно большей степени становится предметом обсуждения во французском политическом медиадискурсе, чем в русской политической масс-коммуникации.

При трансдисциплинарном подходе исследование данного феномена может затрагивать разные аспекты: когнитивный, риторико-стилистический, лингвоконфликтологический, персонологический, фразеологический и др. [Голев, 2011; 2013; Achard-Bayle, 2008]. Тем не менее, лингвистический феномен политической фразы универсален и является прежде всего актуальным объектом политической лингвистики, лингвистической идеологии и политической лингвоперсонологии [Чудинов, 2017;2018].

В основе формирования жанра политической квазиафористики [Земская, 1996; Мечковская, 2009] лежат процессы когнитивной природы, связанные с текстуализацией, меморизацией и меметизацией сентенциальных единиц политического дискурса, процессы фразеосемиозиса, в частности, формирование дискурсивно-фразеологической *интерпретанты* – профилирующей составляющей политической фразы как семиотического феномена. На материале французского медийного пространства проводится прагма-когнитивный анализ персональной политической фразы, даются её структурные и функциональные характеристики, раскрываются когнитивные основания её аргументативной, гелотогенной и эристической функциональности.

Таким образом, **объектной областью исследования** выступает политическая дискурсивная фразеология как фактор формирования политического имиджа и как важная составляющая политической коммуникации.

Предметом исследования являются когнитивно-прагматические механизмы образования и функционирования *фразеопаремического малапропизма* как функциональной единицы фразеологического кластера политической лингвистики.

Степень разработанности проблемы. Предметных исследований выделяемого фразеопаремического разряда политической фразеологии практически не проводилось, за исключением некоторых теоретических положений в работах [Молчанова, 2018; Попова, 2019; Тамразова, 2021]. Во

французской лингвистике есть ряд теоретических и прикладных исследований смежных функциональных единиц (*formule, petite phrase*) [Amossy, 2016; Brasart, 1994; Krieg-Planque, 2006; 2011; 2013; Le Séac'h, 2015; 2022; Maingueneau, 2012; Paré, 2006; Seoane, 2018].

Высказывание политика становится дискурсивным событием в политическом дискурсе и в новостной повестке средств массовой коммуникации. Относимые, как правило, к политической афористике меморизированные высказывания (фразы) политиков функционируют как центральный элемент формирования **делокутивного имиджа** [Тамразова, 2020] отдельного политика и/или всего политического класса, становятся инструментом политического анализа, аксиологии и манипуляции. В таком качестве они представляют собой яркое проявление лингвистической идеологии, отражающей участие и роль языка в социокультурном самосознании и взаимовлиянии языка и власти [Bourdieu, 1991]. О значимости политической фразы свидетельствует огромное количество спонтанных и/или профессиональных сборников цитат и афоризмов политических деятелей всех времен и народов.

Общей **гипотезой исследования** явилось следующее положение о фразеологизации политического дискурса-текста:

Политический авторизованный дискурс подвержен атомизации: имеет способность распадаться на отдельные фрагменты (фразы), которые сами становятся определенного рода фразеологическим текстом идеологической и персонологической функциональности.

Процедурной гипотезой исследования стало положение о том, что когнитивная, семиотическая и функциональная природа **паремического малапропизма** зиждется на механизмах коммуникативно-когнитивной релевантности [Попова, 2019; Sperber, Wilson, 1995], что подтверждается проведенным анализом речезыкового материала.

Цель исследования заключается в комплексном анализе возникновения и функционирования фразеопаремических малапропизмов во французском политическом медиадискурсе.

Исследование ставит **следующие задачи**:

1. Определить функциональный объем и концептуальное содержание политической идеологии, политической персонологии и политической фразеологии как областей политической лингвистики, на интеграции которых строится системный анализ рассматриваемого явления.

2. Выяснить, является ли политическая фраза фразеологизмом;

3. Установить, к какому типу фразеологических единиц относятся цитируемые высказывания политиков в корреляции с такими понятиями как идиома, афоризм, «крылатая фраза» и т.п.;

4. Выявить мотивацию (внутреннюю форму) фразеопаремического малапропизма, связывающую план выражения и план содержания;

5. Вскрыть закономерности возникновения и функционирования в социополитическом дискурсе речезыковой единицы «политический малапропизм»;

6. Вывести доминантный критерий (структурный, функциональный, семиотический, когнитивный, дискурсивный, исторический) в образовании функционального разряда и медийного жанра политического малапропизма;

7. Описать функциональные критерии описания французских политических малапропизмов в пространстве политического дискурса Франции.

Положения, выносимые на защиту:

1. Единицей анализа лингвоперсонологии является политическая фраза как фразеопаремия и как опредмеченное высказывание политика, зафиксированное в медиапространстве политического дискурса и в наивной лексикографии обыденной лингвополитологии.

2. Семиотически политическая фразеопаремия представляет собой языковой знак с оценочно-прагматической интерпретантой, довлеющей над его первичной (денотативной) семантикой.

3. Базовыми когнитивными механизмами политической фразеопаремии выступают меморизация и меметизация как результат вторичной концептуализации и категоризации, воплощенных в медийной и обыденной лингвополитической текстуализации.

4. В политическом дискурсе языковая личность выступает в качестве субъекта и объекта, приобретая личностный, **ингерентный делокутивный имидж**, и медийный, **адгерентный делокутивный имидж**.

5. Исследования индивидуального или группового речевого портрета в политическом дискурсе направлены на идентификацию структуры и системных факторов формирования речевого имиджа политика или политиков, создаваемого как самими политическими субъектами, так и их окружением – соратниками и противниками, СМИ и сетевыми интернет-коммуникациями.

6. Когнитивной основой формирования паремического малапропизма становится нарушение *обобщенного принципа релевантности* речевого взаимодействия.

7. Политическая фразеопаремия делится на историзмы и оценочные малапропизмы. В основе меметизации малапропизма лежат такие характеристики, как аномальность плана выражения и/или плана содержания; гелотогенность; актуальность, ситуативность; имагогенность (формирование имиджа); полифония, провокативность и интерпретативная манипуляция.

8. Функциональная типология французских малапропизмов опирается на их когнитивные и прагмасемантические критические дискурсивные доминанты интерпретативной интенциональности: пропозициональную, иллюкутивную, аргументативную, интерперсональную, дискурсивную девиацию в плане выражения и/или плане содержания.

В результате исследования сформировалось общее определение рассматриваемого языкового феномена:

Политическая персональная фразеопаремия есть эманация¹ политического дискурса, социально значимая, текстуализованная и меморизированная монофрастическая структура, устойчиво воспроизводимая (меметизируемая), изначально отмеченная четкой авторской принадлежностью (авторизованностью), получающая дополнительную субъективную оценочную интерпретацию, прямо или косвенно характеризующую её автора.

Теоретико-методологическая основа исследования представлена интегративным комплексным анализом концепций в семиотике (Р. Барт, Л. Ельмслев, Ч.С. Пирс, У. Эко), когнитивной лингвистике и дискурсологии (М.М. Бахтин, Н.Н. Болдырев, Г.П. Грайс, Л.И. Гришаева, В.В. Дементьев, В.З. Демьянков, О.Г. Дубровская, О.К. Ирисханова, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, А.А. Кибрик, Е.С. Кубрякова, Дж. Лич, Д. Мэнгено, Л.В. Моисеенко, Д. Спербер, И.А. Стернин, Л.В. Цурикова, Д. Уилсон), политической медиалингвистике и критическом анализе дискурса (Э. В. Будаев, П. Бурдые, М.В. Гаврилова, Л.И. Гришаева, Т.М. Грушевская, Т. ван Дейк, В.З. Демьянков, А. Крейг-Планк, Г.Г. Молчанова, М. Фуко, Л.В. Цурикова, А.П. Чудинов, П. Шародо, Е.И. Шейгал), риторике и стилистике (Э.М. Береговская, А.А. Волков, М.Р. Желтухина, Е.Н. Зарецкая, Ю.В. Рождественский, Г.Г. Хазагеров), функциональной лингвистике (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, В.Г. Гак, Э. Гофман, М.А.К. Халлидей), фразеологии (Н.Ф. Алефиренко, А.Н. Баранов, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, Д.О. Добровольский, Е.А. Земская, А.А. Карамова, А.В. Кунин, Н.Б. Мечковская, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия, Г.А. Пермяков).

¹ Эманация (от лат. emanatio – истечение) – специальное извлечение из единого, целого. Эманация имеет признаки профанации [ФЭС: 794].

Материал исследования составили меморизированные и меметизированные высказывания французских политиков, отмеченные в разных источниках. В корпус исследования вошли извлеченные из документов (статьи, твиты, цитатники и т.д.) около 2000 политических фраз, из них около 1000 паремических малапропизмов, отмеченных в электронных версиях газет и журналов (L'Express, Le Figaro, Le Monde и др.), политических сайтов (France Info, Press Club, RTL), сборников политических фраз / мемов, изданных или существующих в интернет-пространстве в виде специальных подборок в рамках обыденной лингвополитологии в медиапространстве: «*La meilleure « petite phrase » de la semaine*», «*L'observatoire des petites phrases de la campagne présidentielle*», «*Les petites phrases de l'actu*» и т.п. Также материалом исследования стали скрипты теледебатов кандидатов в президенты Франции, сайты и массмедиа, фиксирующие французские фразеопаремии (*petites phrases*) и пейоративные апеллятивы (прозвища) французских политиков, в частности, портал *Humour et Politique* («Юмор и политика») сайта французского Пресс-клуба.

Методология исследования основывается на интегративном системно-функциональном подходе, включающем принципы когнитивно-семиотического анализа дискурса и критического дискурс-анализа (Т. ван Дейк, Н. Фэрклаф, А. Криг-Планк).

В ходе анализа языкового материала были использованы следующие **методы и технологии**:

- дефиниционный анализ;
- когнитивное и семиотическое моделирование;
- семасиологическое исследование речезыковых форм (сплошная выборка);
- метод установления категориальных признаков;
- типологический прагмалингвистический контекстуальный анализ.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественной романистике на материале современного французского языка

проводится многоаспектное изучение особенностей политической дискурсивной фразеологии, исследуется выделяемый автором разряд фразеопаремических малапропизмов, характеризующих представителей французской элиты и политического класса в целом, раскрываются когнитивные, структурные, функциональные особенности политической фразы во французском медиадискурсе.

Теоретическая значимость работы. Результаты, выявленные в ходе системного анализа фразеопаремий французского политического медиадискурса, дают представление о когнитивно-коммуникативных механизмах образования и функционирования данных речезыковых единиц, расширяют диапазон фразеологических исследований, вносят вклад в развитие политической лингвистики, исследования медиадискурса, теории языка, фразеологии, лингвокультурологии, лингвоперсонологии, сопоставительной и французской романистики. В работе вводятся и развиваются новые для политической лингвистики понятия: *политическая персональная фразеопаремия, идеологическая идиоматичность, вторичная дискурсивизация, ad hoc-концептуализация, адгерентный и ингерентный делокутивный имидж* и др.

Практическая ценность исследования определяется возможностью использования положений, теоретических и практических результатов работы в практике политических технологий, PR-менеджмента, политической рекламы, контрпропаганды, организации и анализа сетевых массмедиа и проч. Материалы исследования могут быть использованы в дидактических целях в практике французского языка, филологии и межкультурной коммуникации, курсах теории дискурса, журналистики и проч.

Апробация работы. Основные результаты работы отражены в 22 публикациях автора, 6 из которых – в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, 2 включены в международную наукометрическую базу Scopus, 14 статей в сборниках и материалах конференций; апробация

состоялась в выступлениях на международных, общероссийских и региональных научных конференциях: Научно-практическая конференция «Россия-Франция: на перекрестке культур» (Пятигорск, 2010); региональная межвузовская научно-практическая конференция молодых ученых, аспирантов и студентов «Молодая наука ПГЛУ» (Пятигорск, 2010; 2011; 2012); научно-практическая конференция «Университетские чтения ПГЛУ/ПГУ» (Пятигорск, 2010; 2011; 2012; 2023); международная научная конференция «Интеракционные аспекты языка и речи» (Пятигорск, 2012); II Международная научно-практическая конференция «Universum Romanum» (Пятигорск, 2012); VII международная конференция «Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака» (Москва, 2022); LVIII Международная научно-практическая конференция «Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации» (Пенза, 2022); XIII Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов» (Москва–Санкт-Петербург, 2022); Международный лингвистический конгресс «Языки мира – мир языков» (Пятигорск, 2022).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и двух приложений. Во введении определяются квалификационные признаки работы: предмет и объект исследования, актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, цель и задачи исследования, положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Политическая фраза как объект лингвистического исследования» рассматриваются теоретические основания исследования, определяется сущность рассматриваемого феномена, его место среди смежных речезыковых явлений, предпосылки и основные сущностные доминанты его исследования и типологизации. Во второй главе «Политическая лингвоперсонология как метод критической лингвистики» представлена функциональная область политической фразы.

Рассматриваются процессы отражения персонального дискурса политика в медиасфере и в критической обыденной лингвополитологии. В третьей главе «Французские политические малапропизмы в пространстве медиакоммуникации: когнитивно-прагматическая характерология» приводится функционально-прагматический анализ и типологическая классификация французских политических малапропизмов. В Приложениях приводятся текстовые иллюстрации некоторых ключевых положений исследования.

ГЛАВА I. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФРАЗА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Приоритетным объектом анализа политической лингвистики является политический дискурс, рассматриваемый как институциональная форма дискурса [Карасик, 2000] или дискурсивная формация [Фуко, 1996]), которая отражает установление политической и коммуникативной власти [Шейгал, 2000; Якоба, 2015; Bourdieu, 1991] одного дискурсивного субъекта (индивида, группы, партии и т.д.) над другими («другими», «чужими» [Гришаева, 2018]).

Важным методологическим принципом политической лингвистики представляется критический анализ дискурса [Гаврилова, 2017; Dijk, 2015; Fairclough, 2010], цель которого – рассмотрение механизмов взаимодействия когниции и интеракции, составляющих основу идеологически направленной текстовой и дискурсивной практики («...to capture the interplay between cognition and interaction which is a crucial feature of textual practice» [Dijk, 2015: 475]). Это позволяет раскрыть связи между языком, властью и идеологией, выявить особенности использования языка властными элитами, «имплицитные установки в системе социальных отношений и показать скрытые эффекты воздействия дискурса на эту систему» [Гаврилова, 2017: 54]. Особый интерес критический анализ проявляет к стереотипности и клишированности дискурсивного выражения идеологических установок в политическом социуме [Fairclough, 2010].

В основе системного анализа политического языка как объекта исследования лежит структурно-функциональная характеристика объемного коммуникативного материала – политической медиадискурсивной формации [Гришаева, 2010; 2014; 2019].

Отдельной объектной областью политической лингвистики можно считать политическую фразеологию (см., напр., [Карамова, 2015; Чудинов, 2006]). Как правило, фразеология рассматривается как синтетический и открытый кластер (уровень) языковой системы, который включает не только

представленные в классификации В.В. Виноградова три ядерные разряда элементов (фразеологические сращения, единства, сочетания), но и четвертый разряд – периферийные элементы в виде фразовых образований («фразеологических выражений») – паремий и афоризмов [Виноградов, 1977], включаемых во фразеологию в широком представлении [Телия, 1996].

Актуальным аспектом лингвополитологии является оценка политического дискурса и его речезыковых средств с точки зрения обычных носителей языка (*locuteurs “profanes”*), их осмысление в обыденной (наивной) лингвистике [Голев, 2011; Krieg-Planque, 2012; 2013].

Рассматриваемые нами фразеопаремические образования лежат на стыке нескольких фразеодискурсивных жанров: *цитата* [Козицкая, 1999; Саблина, 2011; Шагеева, 2005] – *однофразовый текст* [Береговская, 2015] – *афоризм* [Крячков, 2002; Туманова, 2012] и нек. др., выполняя особенные функции в пространстве обыденной политической коммуникации [Голев, 2011]. Поэтому эти речезыковые элементы выступают не только как медийный жанр политических мемов, но и как функциональный разряд политической фразеологии, образованный в результате вторичного семиозиса (см. ниже). При этом предметом исследования становятся в первую очередь когнитивно-семиотические механизмы, лежащие в основе меморизации и меметизации, ведущих к образованию *политического малапропизма* как единицы данного фразеопаремического разряда.

С другой стороны, эти фразеопаремические формы функционируют в политическом дискурсе в виде отдельного жанра, целиком и полностью относящегося к *аксиологической лингвоперсонологии* (ср. [Тамразова, 2021; Чудинов, 2018]). Поэтому целью исследования является установление как когнитивно-семиотических, так и функциональных характеристик политического малапропизма как жанра обыденной лингвополитологической коммуникации.

1.1. Обыденная критическая лингвополитология и лингвоидеология

Термин «обыденная лингвополитология» был предложен в работах Н.Д. Голева [2011; 2013] как аспект обыденной политологии – совокупности «профанных» суждений и «наивных знаний» о политике, которые сосуществуют с обыденной историей, философией и т.д. Однако «наивная» политология имеет большую актуальность, так как касается основ и перспектив социального бытия. Наивная лингвополитология отражает метаязыковое общественное сознание, направленное на анализ причин влияния политического языка как языка политического воздействия на жизнь социума [Там же].

Онтологические черты политического языка отражены в оценочных номинациях, выработанных общественным языковым сознанием и наивной лингвополитологией: бюрократический язык, канцеляризм, советизм и т.д. [Вольф, 2002; Голев, 2011; Paré, 2006; Sériot, 1986]. Понятие наивной, или обыденной политологии, имеет большое значение для исследований в политической лингвистике вообще [Голев, 2013; Achard-Bayle, 2008; Bernstein, 2010] и для предмета нашего исследования, в частности.

В свете теории критического исследования дискурса можно выделить три ипостаси политического дискурса как объекта социолингвистического анализа:

1. Дискурс как социальная практика, отражающая процессы властного гегемонизма и идеологические эффекты политической коммуникации.
2. Дискурс как дискурсивная практика, то есть дискурс как нечто, что производится, циркулирует, распространяется, потребляется в обществе.
3. Дискурс как текст, то есть лингвистические особенности и организация (структура и функции) конкретных речезыковых реализаций дискурса [Dijk, 2020].

Исследование **дискурса политической персоны** или совокупной политической элиты [Островская, 2015] следует направлениям анализа **критического исследования дискурса** [Fairclough, 2010]. Борьба за власть

есть одна из основных функций политической коммуникации, которая осуществляется посредством **коммуникативной деятельности политического субъекта** [Островская, 2015]. Цель политической коммуникации того или иного субъекта – воздействие на аудиторию для контроля и влияния на её политическую картину мира.

Критическая лингвистика [Dijk, 2015; Fairclough, 2018] подразумевает анализ политических текстов, опирающийся на политическую ситуацию, в которой были созданы данные тексты, рассматриваемые в соотношении с другими текстами с учетом значимости, которую они приобретают для политической жизни страны. Речь одного и того же политика воспринимается по-разному в зависимости от идеологических пристрастий его аудитории, от политического момента, от глубины проникновения в смысл высказывания, от симпатии и антипатии к личности и даже внешним качествам и характеристикам политического деятеля, его логоса, пафоса и этоса [Волков, 2015; Рождественский, 1997].

Рассматриваемые нами речезыковые единицы – меморизированные политические фразы, прежде чем стать предметом научного описания, выделяются как таковые в языковом сознании и языковой картине мира национального и интернационального социума, получая, как правило, эпонимические наименования (ср. *черномырдинки, macronneries, philipperies, trumperies* и др.) (ср. [Stegu, 2008]). В первом приближении их можно было бы отнести к *цитации* как дискурсивному явлению [Саблина, 2011], однако их воспроизводимость и фразовая идиоматизация явно свидетельствуют об их особом речезыковом статусе [Молчанова, 2018].

Анализируя *французскую политическую фразеологию*, нельзя не заметить некоторую «размытость» её терминосистемы [Amossy, 2016; Maingueneau, 2012].

Во французской терминологии эпистемический переход от метафоры (образа) к термину (понятию) характерен для обозначения различных

социолектов и речений (ср. *franglais*, *globish*, *petit nègre* [Amedegnato, Sramski, 2003], *novlangue* [Krieg-Planque, 2012] и др.

Терминология французской политической фразеологии также пересекается с обыденной лексикосистемой и общеупотребительными словами национального лексического фонда. Таковы термины «*bon mot*» и «*petite phrase*». В период их появления в языке они являлись синонимами со значением «острота, меткое замечание, афористическая фраза» [Cellard, Rey, 1991]. Со временем их семантическая и функциональная значимость изменилась.

В настоящее время фразема *bon mot*, проникающая как заимствование и в английский, и в русский языки, соответствует русскому «красное словцо» [ФРФС: 1031; Cassell's: 403; COD: 653], в котором так же, как и в термине *petite phrase* присутствует пейоративный диминутив (ср. «*Ради красного словца не пожалеет и отца*»).

В русской двуязычной лексикографии мы находим оба термина:

«*Petite phrase* – политическое изречение, запоминающаяся броская формула (из речи какого-либо политического деятеля)» [ФРФС: 1192].

«*Bon mot* – острота, каламбур, игра слов, яркое изречение» [НФРС: 710]:

«*BON MOT* – острота, остроумная шутка: *Et le marquis conta à Julien les anecdotes de Rivarol avec les Hambourgeois qui s'associaient quatre pour comprendre un bon mot. (Stendhal, Le Rouge et le Noir.)* – И маркиз рассказал Жюльену несколько анекдотических случаев о Ривароле и гамбургцах, которые собирались вчетвером, чтобы разгадать какую-нибудь его остроту. *Un bon mot vaut mieux qu'un mauvais livre. (J. Renard, Journal.)* – Острое слово стоит больше, чем тупая книга» [ФРФС: 1031-32].

Французский электронный словарь TLFi (Trésor de la Langue française Informatisée) дает интересные примеры употребления этих лексем:

– «*Diseur de bons mots, mauvais caractère*»; «*Je suis un fainéant, bohème, journaliste / Qui dîne d'un bon mot étalé sur son pain*» (NERVAL, Corresp., 1830-

55, p. 254); «*Chaque jour on nous apportait quelque méchant bon mot de M. de Talleyrand contre son maître, ou quelque cancan de coulisses*» (SAND, Hist. vie, t.2, 1855, p.348).

– *Dans le domaine pol. Petite phrase. Propos bref d'un homme politique, qui sert à frapper l'opinion. Ainsi donc, la petite phrase de Françoise Giroud n'avait pas été lancée au hasard. Dès l'ouverture, le Centre Pompidou doit s'attendre, comme une vulgaire maison de la culture ou un centre dramatique, à voir ses crédits sérieusement rognés* (Le Nouvel Observateur, 4 oct. 1976, p.69, col. 2) [TLFi: URL].

Словосочетание «*petites phrase*» в настоящее время имеет как терминологическое, так и обыденно-политологическое толкование [Seoane, 2018].

В обыденном политическом медийном дискурсе оно приобретает пейоративную коннотацию, благодаря оценочности прилагательного *petit* (= никчемный, посредственный, мелкий), то есть «пустая фраза (фразочка)», что сближает её со значением смысловой пустоты русских словосочетаний: *громкая фраза, правоцентристская фразеология* и т.д.:

«Dans son reportage paru le 9 décembre 2016, Le Monde décrit à la base du PS des **militants socialistes** «*partagés entre lassitude et agacement par le jeu des postures et des petites phrases* », alors qu'au sommet (en page suivante), Vincent Peillon clame son bonheur d'avoir pris ses distances après «vingt-deux ans de congrès et de bureaux nationaux du PS, d'élections, de campagnes et *de petites phrases*» [Ruhlmann, 2017 – выделено нами – А.Я.]

Многие научные исследования посвящены стилистическим аспектам политического дискурса, которые существуют параллельно в обыденной лингвополитологии. В частности, это касается партийно-канцелярского «языка», образно названного во французской обыденной и научной лингвополитологии «деревянным языком» (*langue de bois*).

Считается, что этот политический социолект имеет два измерения – дискурсивное и языковое [Kerbrat-Orecchioni, 2017; Krieg-Planque, 2017; Paré,

2006; Sériot, 1986]. В дискурсивном измерении происходит формирование и функциональные вариации политического социолекта (ср. [Гришаева, 2014; 2020]); в языковом – происходит осознание, не только научное, но и обыденное, его структурно-семантических (лексико-фразеологических) и функционально-прагматических (дискурсивных) характеристик.

П. Серио, в частности, показал, что за оценочной метаязыковой метафорой «*деревянный язык*» стоит особый предмет лингвистического исследования – семиотическая структура со своими функциональными лексико-грамматическими, стилистическими и дискурсивными характеристиками [Sériot, 1986]. Один из ведущих теоретиков политической лингвистики во Франции П. Шародо также отмечает эту реалию обыденной лингвополитологии: «Le discours politique est en effet souvent «illustré» par des formules ou expressions qui le stigmatisent plus qu'elles ne le mettent en valeur: on pense par exemple à la *langue de bois*, expression qui revient régulièrement pour décrire le discours politique [Charaudeau, 2005: 35] (*Дискурс политики часто «иллюстрируется» формулами и выражениями, которые скорее клеймят его, чем возвеличивают: прежде всего это «деревянный язык» – выражение, регулярно присутствующее при описании политического дискурса*).

Во французской «наивной» лингвополитологии симптоматично бурное развитие «спонтанной» политической лексикографии. В ней отражается метаязыковое и метадискурсивное осознание языка политики. В ходе нашего исследования было отмечено более 80 печатных и электронных сборников (в т.ч. не вошедших в библиографию диссертации), в которых собирается лексика, фразеология и афористика (фразеопаремиология – в нашем представлении) современного французского медийно-политического дискурса. Характерны литературно-публицистические названия этих «словарей»: «*Petit glossaire de la guerre civile yougoslave*» [Stoyanne, 1994] (*Словарик гражданской войны в Югославии*); «*La langue du capital mise à nu par ses locuteurs mêmes. Décodeur du sabir politico-médiatique*» [Vilette,

2009] («Язык капитала, разоблаченный его же носителями. Расшифровщик медийно-политического диалекта»); «*Le Petit Macron de la langue française: Décryptage savoureux des formules, mots rares et expressions de notre Président (Perles)*» [Thalès, 2017] («Малый Макрон»² французского языка: смачная расшифровка высказываний, редких слов и выражений нашего Президента. Перлы.); «*Les mots du pouvoir. Dictionnaire du prêt-à-penser*» [1995] (Слова власти. Словарь готового мышления).

При всем обилии и разнообразии такая «лексикография» носит лишь характер источника материала для научного лингвистического анализа.

Нетрудно заметить критическую тональность такой обыденной лингвополитологии, переходящей в обыденный «критичекий анализ политического дискурса» (ср. [Матыцина, 2019; Dijk, 2020; Fairclough, 2010]).

Таким образом, главным генетическим и функциональным источником становления концепта *langue de bois* и опредмечивания его основных качеств является общественное языковое сознание, направленное на взаимоотношения языка, общества и власти [Bourdieu, 1991]. Во французском языковом сознании, в совокупности своих стилистических признаков, канцелярит – *langue de bois* – становится идеологическим кластером национального медиадискурсивного пространства и национальной языковой картины мира, своего рода социолектом, предназначенным для социополитического управления, властного воздействия и манипуляции [Дзялошинский, 2012; Bourdieu, 1991; Fairclough, 2010].

Такая общественная критическая заостренность на вопросах политического языка в его культурологической значимости для жизни национального социума позволяет говорить об идеологическом измерении лингвистической политологии, или о *лингвистической идеологии* [Гришечко, 2017; Зуев, 2005; Foucault, 1994; Krieg-Planque, 2018; Woolard, 1998]. По

² По аналогии с французскими словарями Le Petit Robert, Le Petit Larousse (Малый Робер/Лярусс)

³ По аналогии с prêt-à-porter – готовое платье, ширпотреб

определению О.С. Гришечко: «лингвистическая идеология рассматривается как своего рода связующее звено, позволяющее раскрыть связи между особенностями перцепции конкретного языка и особенностями социальных и культурных систем, «внутри» которых носители этого языка социализируются» [Гришечко, 2017: 62].

В терминах О.С. Гришечко, «в понятие лингвистической идеологии входят прежде всего явные (эксплицитные) и неявные (имплицитные) предположения людей касательно связей языка с их социальным опытом, а также политическими и экономическими интересами» [Там же: 62-63].

Исследования языковой идеологии могут быть сфокусированы как на использовании национального языка, так и на индивидуальных языковых идеологиях в качестве «стратегических инструментов поддержания социальной власти и политического доминирования» [Леонтьева, 2022; Щетинина, 2018; Krieg-Planque, 2018].

Одним из аспектов метаязыковой рефлексии в обыденной лингвополитологии является лингвоперсонология, отражающая отношение общества к политическому классу в целом или отдельным представителям правящих элит, проверяющая функциональность и эффективность политического класса как государственных и политических менеджеров, как избранных исполнителей воли и интересов избирателей [Голев, 2013: 35; Островская, 2015].

Остановимся на некоторых базовых характеристиках политического дискурса, лежащих в основе его фразеологизации и идиоматизации.

1.2. Онтологические причины фразеологизации политического дискурса. Идеологическая идиоматичность

Очевидно, что институциональность и регламентированность политического дискурса ведет к стереотипизации мыследеятельности его акторов [Щедровицкий, 1997]. Стереотипность отражает административно-идеологическую доминанту, совокупность концептов политического

мышления, речевых действий, обеспечивающих достижение и удержание политической власти, направленных на решение задач управления и т. д. [Чудинов, 2006; Bourdieu, 1991; Dijk, 2015; Fairclough, 2010]. Это отражается в семантико-стилистическом аспекте – в речевых автоматизмах, повторении управленческих и идеологических клише, в идеологической доктринальности, стилистической ограниченности, референциальной размытости.

Транснациональный канцелярит, обладающий языковыми универсалиями, исследуется системно, с выделением таких особенностей, как субстантивация, безличные конструкции, пассив, гипербола, эвфемизм и проч. [Алпатов, 2018; Дементьев, 2016; Шестов, 2005; Thom, 1987].

Как было отмечено, институциональность политического дискурса предполагает деперсонализацию речи политика [Карасик, 2000; 2007], стереотипизацию и фразеологизацию речи, наполненной «фразами-клише» и речевыми штампами с большей или меньшей референциальной и смысловой наполненностью: фр: «*intérêt commun*», «*banalisation*», «*construction européenne*», «*développement durable*», «*logique ethnique*». «*hold up électoral*» (ср. [Абабий, 2019; Якушева, 2012]), «ценовой беспредел», «нужды трудящихся», «благосостояние народа», «политическая необходимость». Такие устойчивые словосочетания-клише (*figements* [Amossy, 2016; Krieg-Planque, 2013]) приобретают характер идеологем, характеризующихся, помимо стереотипности и референциальной размытости, контекстуальным смысловым содержанием «здесь и сейчас» [Романова, 2019].

Во французской обыденной лингвополитологии существует аналог «универсального штампея» из романа «Золотой теленок» (И. Ильф, Е. Петров [ИПЗТ]) – «Уроки политического канцелярита» («*Cours de langue de bois*») [<http://publictionnaire.humanum.fr/notice/langue-de-bois/>] (Рисунок 1):

1	2	3	4
<i>Mesdames, messieurs,</i>	<i>la conjoncture actuelle</i>	<i>doit s'intégrer à la finalisation globale</i>	<i>d'un processus allant vers plus d'égalité.</i>
<i>Je reste fondamentalement persuadé que</i>	<i>la situation d'exclusion que certains d'entre vous connaissent</i>	<i>oblige à la prise en compte encore plus effective</i>	<i>d'un avenir s'orientant vers plus de progrès et plus de justice.</i>
<i>Dès lors, sachez que je me battraï pour faire admettre que</i>	<i>l'acuité des problèmes de la vie quotidienne</i>	<i>interpelle le citoyen que je suis et nous oblige tous à aller de l'avant dans la voie</i>	<i>d'une restructuration dans laquelle chacun pourra enfin retrouver sa dignité.</i>
<i>Par ailleurs, c'est en toute connaissance de cause que je peux affirmer aujourd'hui que</i>	<i>la volonté farouche de sortir notre pays de la crise</i>	<i>a pour conséquence obligatoire l'urgente nécessité</i>	<i>d'une valorisation sans concession de nos caractères spécifiques.</i>
<i>Je tiens à vous dire ici ma détermination sans faille pour clamer haut et fort que</i>	<i>l'effort prioritaire en faveur du statut précaire des exclus</i>	<i>conforte mon désir incontestable d'aller dans le sens</i>	<i>d'un plan correspondant véritablement aux exigences légitimes de chacun.</i>
<i>J'ai depuis longtemps (ai-je besoin de vous le rappeler ?), défendu l'idée que</i>	<i>le particularisme dû à notre histoire unique</i>	<i>doit nous amener au choix réellement impératif</i>	<i>de solutions rapides correspondant aux grands axes sociaux prioritaires.</i>
<i>Et c'est en toute conscience que je déclare avec conviction que</i>	<i>l'aspiration plus que légitime de chacun au progrès social</i>	<i>doit prendre en compte les préoccupations de la population de base dans l'élaboration</i>	<i>d'un programme plus humain, plus fraternel et plus juste.</i>
<i>Et ce n'est certainement pas vous, mes chers compatriotes, qui me contredirez si je vous dis que</i>	<i>la nécessité de répondre à votre inquiétude journalière, que vous soyez jeunes ou âgés,</i>	<i>entraîne une mission somme toute des plus exaltantes pour moi : l'élaboration</i>	<i>d'un projet porteur de véritables espoirs, notamment pour les plus démunis.</i>

Ermisse M.A.E.

Рисунок 1. «Cours de langue de bois» («Уроки политического канцелярита»)

Высмеивая демагогичность⁴ французского *langue de bois*, авторы этой людической зарисовки предлагают играющим в «Обучение политическому канцеляриту» начинать фразу с любой ячейки первой колонки, добавляя словосочетание из любой ячейки второй колонки, продолжая текстом из любой ячейки 3 и 4 колонок. Получаются вполне семантически связные

⁴ О научном представлении понятия «демагогия» см., напр., [Тартыгашева, 2010].

(когерентные), но демагогические – семантически размытые (псевдореферентные) высказывания (ср. [Алферов, 2020а,б]).

Например:

1) 1.1– 2.4 – 3.5 – 4.8: «*Mesdames, messieurs, la volonté farouche de sortir notre pays de la crise conforte mon désir incontestable d'aller dans le sens d'un projet porteur de véritables espoirs, notamment pour les plus démunis*» (Дамы и господа, непреодолимое желание вывести нашу страну из жесточайшего кризиса усиливает мое решительное стремление следовать по пути создания надежного проекта, направленного на поддержание чаяний самых обездоленных);

2) 1.8 – 2.3 – 3.1 – 4.5: «*Et ce n 'est certainement pas vous, mes chers compatriotes, qui me contredirez si je vous dis que l'acuité des problèmes de la vie quotidienne doit s'intégrer à la finalisation globale d'un plan correspondant véritablement aux exigences légitimes de chacun*» (И, конечно же, мои дорогие соотечественники, вы не станете мне возражать, если я скажу, что текущие проблемы повседневной жизни должны стать неотъемлемой частью общего плана, действительно соответствующего справедливым требованиям каждого).

Эта игра присутствует в медиапространстве французской обыденной лингвополитологии в различных ее форматах: на сайтах, блогах и печатных публикациях обыденной политической лексикографии (см. выше), в юмористических телепередачах, скетчах и даже политических мастер-классах и семинарах по «Дезинтоксикации от политического канцелярита» («*Atelier de désintoxication de la langue de bois*») [Krieg-Planque, 2017; 2018].

Риторическая четырехчастная структура представленной здесь политической фразы достаточно прозрачна в свете концепции «Теории риторической структуры» [Mann, Thompson, 1988]. Первый элемент представлен пафосным апеллятивом – обращением к целевой аудитории (*mes chers compatriotes, peuple français* – французский народ, мои дорогие соотечественники и т.д.), либо декларативом, выражающим цель

высказывания (*Purpose*): *affirmer, déclarer, dire, clamer* – утверждать, провозглашать и т.д.) от первого лица (*je*) в связке с анафорическим, по отношению к обращению, местоимением «вы/вам» (*vous*).

Второй элемент – номинативное обозначение проблемы (*Non-volitional Cause*), составляющей причину высказывания, синкретически совмещающей в себе риторические элементы «очевидности» (*Evidence*), обстоятельства (*Circumstance*), оценки (*Evaluation*) и «мотивации» (*Motivation*): *sortir notre pays de la crise* (вытащить страну из кризиса), *l'acuité des problèmes de la vie quotidienne* (актуальность проблем повседневной жизни) и т.д. (ср. [Якоба, 2015; Mann, Thompson, 1988]).

Третий элемент продолжает логико-синтагматическую причинно-следственную связь «*Cause – Consequence*» и планируемое волитивное решение (*Purpose – Volitional Solutionhood*): *la finalisation globale d'un plan* (выработка глобального плана), *doit nous amener au choix réellement imperative* (должна привести нас к осознанной необходимости выбора) и т.д.

Четвертый риторический структурно-семантический элемент – это планируемый волитивный результат (*Volitional Result*): *solutions rapides* (быстрые решения), *programme plus humain* (более человечная программа), *projet porteur de véritables espoirs, notamment pour les plus démunis* (надежного проекта, направленного на поддержание надежд самых обездоленных) (ср. [Mann, 1990]).

Помимо семантической размытости и абстрактности употребляемой лексики, отметим коннотативно-аксиологическую пафосность лексической семантики. Именно риторический *Пафос* подменяет собой аргументативный *Логос*, переводя политическое воздействие из модуса рационального убеждения (*convaincre*) в модус эмоционально-оценочной суггестивной импозиции, персуазивности (*persuader*) [Вольф, 2002; Дзялошинский, 2012; Дюбуа, 1986; Perelman, 1983].

Подчеркнем аутореферентный характер такой схемы, представляющей интенциональность *формы* плана содержания (Л. Ельмслев), а не

субстанцию референциального содержания (смысла) [Ельмслев, 2006], которое замещается «универсальным штемпелем», лексико-семантическими и синтактико-структурными штампами, стереотипами, шаблонами.

Стереотипизация имеет, помимо функционального – административно-идеологического, *когнитивный* и *семиотический* аспекты, фундирующие стереотипность и **идеологическую идиоматичность** (*концептуальную конвенциональность*) политического языка-дискурса [Durnova, 2013; Woolard, 1998].

Клишированность плана выражения приводит к псевдореферентности плана содержания, отражающей размытость когнитивных ментальных моделей [Dijk, 1995], стоящих за шаблонными демагогическими фразами политического «деревянного языка» [Amossy, 2016].

Одной из главных характеристик канцелярита является его идеологическая шаблонность. В обыденной (политической) металингвистике (*métalangage ordinaire*) она не раз становилась целью критической иронии [Charaudeau, 2015; Chosson, 2007; Clodong, 2006; Krieg-Planque, 2012].

Размытые ментальные модели рождают семиотически «непрозрачные» знаки-эмблемы (клише) [Reboul, 2018; Recanati, 1979; 2007], отражающие конвенциональные ментальные стереотипы [Dijk, 2015; 2020], свернутые «политические нарративы» [Shenhav, 2006], идеологемы, отличающиеся идиоматичностью плана содержания [Haugh, 2009; Sperber, 2007].

«У идеологемы, в отличие от термина, нет строго определённого (ограниченного) значения. Эти значения меняются в соответствии с политической прагматикой» [Малышева, 2009: 33; ср. Леонтьева, 2022; Щетинина, 2018].

Идеологема имеет концептуальный и языковой уровень. На более общем концептуальном уровне идеологема представлена в работах М.М. Бахтина, Е.А. Земской, Г.Ч. Гусейнова, Т.В. Леонтьевой, А.В. Щетининой как «смысловый стереотип» («гипотезы смысла» [Бахтин, 1975: 105]) в определенных «регистрах» национального языка – «словесно-

идеологических и социальных кругозорах», «языках-идеологемах», у которых своя «социально-идеологическая смысловая конъюнктура», «свой лозунг, своя брань и своя похвала» [Там же]. Такие идеологемы имеют «формы бытования» (Г.Ч. Гусейнов), выраженные разноуровневыми средствами от буквы и алфавита (ерь, кириллица [Гусейнов, 2004; 2005; Леонтьева, 2022]) до политического дискурса-нарратива [Кириллов, 2007; Shenhav, 2006], представляющего системы идеологем как средства отражения и формирования идеологизированного сознания [Земская, 1996: 23; Режабек, 2003].

В целом идеология определяется как некая мировоззренческая социальная «концептосфера»: «Идеология – это комплекс идей и концепций, с помощью которого человек понимает общество, социальный порядок и самого себя в этом обществе» [Кара-Мурза, 2002]. В политическом смысле идеология приобретает перформативность, организует действие с определенной политической целью. Эта цель достигается в первую очередь посредством языка и его символической власти [Бурдьё, 1993; 2017].

П. Бурдьё выделяет три функциональных поля языковой идеологии: 1) инструменты восприятия (познания); 2) инструменты выражения и 3) инструменты «мобилизации» (мотивации) и «демобилизации» (демотивации) [Bourdieu, 1971: 295-296]. По мнению Т.А. ван Дейка, дискурсивное измерение идеологии отражает воздействие политических идей на обыденную языковую деятельность, на процессы понимания идеологизированного дискурса, раскрывает значимость дискурса в воспроизводстве идеологии в социуме [Dijk, 1995].

В зависимости от символической силы языка (*language and symbolic power*), происходит формирование социального сознания и политического действия. Экспрессивность и «имплицативность» (суггестивность) языка усиливают власть, аморфность и невыразительность – ослабляют воздействие, нивелируют языковую идеологию [Bourdieu, 1991: 156].

Поэтому под *идеологической идиоматичностью* нами понимается даже не столько план выражения идиомы как «сложившейся в данном языке стереотипной нормы, клише» [Апресян, 1995: 11], сколько план содержания, который, по мнению А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, сводится «к двум основным идеям – **переинтерпретации** и **непрозрачности**» [Баранов, 1996: 52 – выделено нами – А.Я.].

Идиоматичность может пониматься в широком и узком значении термина. В узком значении «идиоматичность – свойство единиц языка (слов, сочетаний слов, предложений), состоящее в неразложимости их значений на значения единиц, вычлняемых в их формальном строении, и соответственно в несводимости значения целого к значениям частей в данной их структурно-семантической связи» [Телия, 1996: 145].

По определению А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, идиоматичность в широком значении выступает как «осложненность способа выражения содержания – осложненность не в смысле максимального усложнения языковых форм как таковых, а “концентрированности” выражения и сложности понимания» [Баранов, 2008: 51].

Такая идиоматичность свойственна, на наш взгляд, не только уровню словосочетания и предложения, но и разным речевым и литературным жанрам (притча, иносказание, «эзопов язык», острота, анекдот и т.д.) [Дементьев, 2016; Дмитриев, 2005], литературным идиолектам – языку писателя [Радбидь, 2012], социолектам (жаргоны, арго [Amedegnato, 2003; Boudard, 1990]).

Она свойственна профессиональным и институциональным дискурсам, в том числе и политическому дискурсу [Карасик, 2000; Леонтьева, 2022; Малышева, 2009; Шейгал, 2000; Paré, 2006].

Это происходит в силу того, что политический язык как дискурсивный инвариант (*type*) характеризуется «смысловой неопределенностью, фантомностью, фидеистичностью» [Шейгал, 2000], требующими «переинтерпретации» в определенном употреблении (в контексте «здесь и

сейчас»). Поэтому в интерпретативную смысловую составляющую *актуального политического дискурса (token)* имманентно встраивается интенциональность (понимание) самого интерпретатора [Желтухина, 2004] и референция к автору и/или энунциатору того или иного конкретного дискурса (высказывания) [Гак, 1998; Алферов, 2001].

За «непрозрачными», «идиоматичными» стереотипами французского политического дискурса (*stéréotype, clichés, formule* [Amossy, 2016; Krieg-Planque, 2013]) стоят не столько действительные («энциклопедические») политические концепты [Голев, 2013], сколько *ad hoc*-концепты, формируемые интенциональностью говорящего субъекта, приобретающие смысл только в контексте их употребления [Bernstein, 2010; Carston, 2010; Casasanto, 2015; Searle, 1985].

Например, идеологическая формула «*Liberté, Egalité, Fraternité!*» существует в коллективной ментальной сфере всех французских политиков, однако «финальная интерпретанта» [Пирс, 2000; Эко, 2007] лозунга-идеологемы «Свобода! Равенство! Братство!» приобретает совершенно разную концептуализацию в ментальных моделях различных партий и политиков, в идеологии, программах и в политическом действии [Болдырев, 2016; Bourdieu, 1971; 1991]). Именно такую идиоматическую «непрозрачность» [Баранов, 1996] мы называем идеологической идиоматичностью политического дискурса.

1.3. Функциональная семиотика фразеологизации политического дискурса. Процессы образования политической фразы

Как следует из вышеизложенного, политическая фразеология, ставшая предметом исследования как в России, так и во Франции, проистекает из более широкого контекста – политического дискурса и его основных характеристик. Фразеологизация политического дискурса дает основание рассматривать область нашего исследования как **дискурсивную фразеологию** (ср. [Fiala, 1987]).

В рамках фразеологических и лексикографических изысканий предметом исследования становятся особенности канцелярита (*langue de bois*): политическая (в т.ч. авторская) неология, политические шаблоны – обороты и фразы (*formule, petite phrase*), афоризмы и высказывания политиков, [Абабий 2019; Якоба, 2015; Якушева, 2012; Le Séac'h, 2015; Mayaffre, 2021; Mercury, 2001; Clodong, 2006; Paré, 2006; Chosson, 2007; Nicolaï, 2017; Thalès, 2017; Toupictionnaire, URL].

Политический язык, во-первых, ограничен условиями речезыковой деятельности в определенных рамках медийной и/или институциональной (напр., партийной, парламентской и т.д.) дискурсивной формации: отбором и употреблением языковых средств, наиболее эффективных в политической коммуникации, обусловленной особыми целями и речевыми стратегиями её акторов [Гаврилова, 2015б; Иссерс, 1999; Шейгал, 2000]. Во-вторых, язык политики структурно и системно изоморфен национальному языку, воплощая его уровневую организацию [Бенвенист, 1974; Chomsky, 1988].

Политическая лингвистика как самостоятельная научная парадигма требует постоянной диверсификации методологии и уровневой структуризации предметной области исследования – дискурсивного (медийного) пространства политической коммуникации. Поэтому выделение языковых уровней анализа политического языка необходимо для системно-научного содержания политической лингвистики [Гаврилова, 2005; 2015б; Карамова, 2013; Чудинов, 2006; Шейгал, 2000]. Одним из уровней политического языка является фразеологический уровень, используемый для анализа политического дискурса [Чудинов, 2006: 23-24].

В России существует давно устоявшаяся парадигма фразеологических исследований, вскрывающих суть структурной организации, процессов образования и функционирования различных разрядов фразеологизмов [Алефиренко, 2018; Баранов, 1996; 1999; 2008; Виноградов, 1977; Гак, 1963; 1998; Ковалева, 2004; Мочалина, 2011; Ожегов, 1974; Телия, 1996; Тармаева, 1997; Шанский, 2015], включая паремические единицы [Бочина,

2015; Ваганова, 2002; Мокиенко, 2010; Пермяков, 1970; Тангир, 2007; Туманова, 2012; Фелицына, 1980].

Политическая дискурсивная фразеология представляется новой развивающейся парадигмой политической лингвистики [Карамова, 2013; 2015; Чудинов, 2006;] и включает в свою предметную область несколько кластеров речезыкового материала: идеологемы и их воплощение в плане выражения и в плане содержания [Леонтьева, 2022; 2012; Щетинина, 2018] в исторической перспективе [Гусейнов, 2004; 2005; Земская, 1996;], в межкультурной коммуникации [Баско, 2017], в персональном языке политиков [Бородинова, 2017; Крячков, 2002; Патрушева, 2011; Худяков, 2018]. Тем не менее, политическая фраза в целом и фразеопаремические малапропизмы в частности остаются непознанной до конца реалией политического медийного дискурса.

Во французской дискурсивной лингвистике политическая фразеология сосредоточилась на исследовании феномена фразеологизации (*figement*) отдельных фрагментов политического дискурса (*clichés, formules, lieux discursifs, petite phrase*) [Krieg-Planque, 2006; Le Séac'h, 2015] и их особенностей: вычленяемости из текста (*détachement énonciatif, détextualisation*) [Maingueneau, 2012], метадискурсивной категориальности (*une catégorisation méta-agissante*) [Seoane, 2018] и нек. др.

Учитывая особый фразеологический статус исследуемого нами феномена политической фразеологизации, сосредоточимся на релевантных для него характеристиках.

В самом общем представлении фразеологическая единица – это воспроизводимое сочетание слов, устойчивое по структуре, составу и своему значению [Шанский, 2015].

Структурно-семантический и функциональный статус фразеологизма определяется несколькими релевантными признаками: устойчивость состава, структуры, формы компонентов, воспроизводимость, общеизвестность, переносное значение, смысловая целостность [Телия, 1996; Ковалева, 2004].

Кроме того, в качестве сопутствующих условий функционирования отмечаются: частота употребления в разных речевых ситуациях, семантическая емкость, функциональная целесообразность, соответствие языковой норме, адекватность обозначения предмета или явления действительности [Баранов, 2008; 2013].

По мнению А.А. Карамовой, «предмет политической фразеологии в наиболее широком ее представлении охватывает:

1) традиционно выделяемые **фразеологизмы** (сращения, единства, сочетания): *страна правового нигилизма, политика двойных стандартов, средний класс, гомо советикус, казарменный коммунизм, кресла зашатались, сильные мира сего* и т.д.;

2) **выражения – политическую афористику:**

– **памятные фразы** (запомнившиеся высказывания, обычно ситуативные, не выражающие глубоких идей, призывов и т.д.): «Жить стало лучше, жить стало веселее» (И.В. Сталин, 1935); «Лягу головой на рельсы, если цены будут повышены» (Б.Н. Ельцин, 1991); «Процесс пошёл» (М.С. Горбачёв, 1985); «Мать русская, отец юрист» (В.В. Жириновский, 1991) «Хотели как лучше, а получилось как всегда» (В.С. Черномырдин, 1993);

– **призыв** (обращение, выражающее политическую идею, политическое требование): *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!* (призыв марксистско-ленинской идеологии);

– **лозунг** (выражение руководящей идеи, часто неявное выражение призыва): *Наша цель – свободная, богатая, здоровая и сильная Россия* (Программа партии «Яблоко»);

– **слоган** (лозунг или девиз, выражающий общее заявление, итог, вытекающий из программных заявлений): *Вместе победим!* (Д.А. Медведев, 2008); *Вместе – мы сила!* (Программа партии «Рождённые в СССР»);

– **девиз** (краткое выражение руководящей идеи в целях вдохновить): *Россия, труд, народовластие, социализм!* (Программа КПРФ);

3) **неустойчивые перифразы**, представляющие собой описательную характеристику власти России, других стран, идеологии, проводимой политики, политически значимого периода: *тандем Медведев - Путин* (Аргументы и факты. № 4. 2008); *новоиспечённые господа* (Советская Россия. 1998. 19 февраля); *новое «поколение» руководителей* (Правда. 1998. 10 февраля); *нынешние самозванцы России* (Вместе. 1998. 19 февраля);

4) тяготеющие к устойчивости (частотные в употреблении) **экспрессивные обороты** (обычно ситуативные, привязанные к конкретному периоду, лицу или событию): *сталинские репрессии, сталинские лагеря, хрущёвская оттепель, эпоха перестройки* (оттепели, застоя, советская, тоталитарная), *режим правящий* (советский, сталинский, брежневский, ельцинский, путинский)» [Карамова, 2015: 39-40 – выделено нами, цитируется с сокращениями – А.Я.] .

Нетрудно заметить, что, в обобщенной типологии политической фразеологии можно в целом выделить два принципиальных типа единиц: **номинативные** и **предикативно-сентенциальные** (дискурсивно-текстовые фразеологизмы, «фразеологические выражения» и высказывания). Первые тяготеют к традиционной фразеологии, единицы которой отличаются большей формальной жесткостью и *языковой идиоматичностью* [Апресян, 1995]. Вторые коррелируют с паремиями и афоризмами («памятные фразы», лозунги, слоганы, девизы) как «свободными высказываниями», состоящими из слов со свободными значениями [Бочина, 2015; Ваганова, 2002; Пермяков, 1970] и характеризуются концептуальной и *идеологической идиоматичностью* (см. выше).

Изначально широкое понимание политической фразеологии основывается на включении в состав фразеологии, помимо традиционно выделяемых типов фразеологизмов [Виноградов, 1977], паремический кластер – афоризмы, пословицы и поговорки [Пермяков, 1970], а также когнитивно-дискурсивные аспекты фразеологизации «он-лайн» («смысл в действии» [Золотых, 2008; Огнева, 2019; Durnova, 2013]). В терминах

фразеологии Н.М. Шанского такие единицы классифицируются как устойчивые «фразеологические выражения» [Шанский, 2015], которые могут присутствовать в дискурсе политика («адгерентная фразеология», следуя А.А. Карамовой) [Карамова, 2015].

Однако в дискурсивном подходе фразеологизации подвержены и сами высказывания политиков, выделяемые из текущего политического дискурса [Гаврилова, 2017; Худяков, 2018]. Очевидно, что данные речезыковые единицы отличаются и от фразеологизмов, и от паремий в их дифференциальном представлении [Алефиренко, 2017; 2018]. Главной дифференциальной чертой фразеологизированных политических высказываний, выступающих в качестве фразеопаремических речезыковых единиц, является их остаточная дискурсивность, контекстуальность, *идеологическая ad-hoc идиоматичность* [Алферов, 2020а,б; Carston, 2010], требующая интерпретации, авторизованность – интенциональная концентрированность на авторе («черномырдинки», «бушизмы», «ширакизмы», «макронизмы» и т.д.).

Такие «опредмеченные» высказывания политиков относятся к «ингерентной политической фразеологии» [Карамова, 2015] и существуют в двух режимах – «он-лайн» и «офф-лайн» [Кибрик, 2015].

Высказывания «он-лайн» – это текущие высказывания политика (token), рассматриваемые как потенциальные фразеопаремические единицы, которые при определенных условиях могут фразеологизироваться, становясь «политической фразой» (type). Их функции сводятся к двум основным иллокутивным позициям: *информационной ассерции* и *аргументативной ассерции*:

- 1) X сказал «Y» и
- 2) X сказал «Y», следовательно Z.

В отличие от паремий и «крылатых выражений» (афоризмов), такие элементы тесно связаны с социополитическим дискурсом, вне которого либо не существуют, либо только впоследствии, в диахронии языкового узуса,

становятся частью общей (транс)национальной фразеологии, паремиологии и афористики (*Alea jacta est – Жребий брошен; Carthage must be destroyed; Yes We Can!; I have a dream; Процесс пошел* и т.д.). Но как и афоризмы, и паремии, они могут рассматриваться как текст-знак [Пермяков, 1970], как сложное речезыковое образование, которое может иметь статус языкового знака [Гвоздев, 1983] (ср. [Бредис, 2019]).

Предикативно-сентенциальные фразеопаремические единицы существуют в политическом дискурсе в двух идиоматических ипостасях – менее и более фразеологизированных.

1. В «он-лайн» употреблении речь идет о передаваемой речи политика (*discours rapporté* [Caillat, 2016]) – высказываниях-цитациях, выполняющих роль аргумента в речевом взаимодействии «здесь и сейчас», например, в политических дебатах, в критических выступлениях оппонентов или хвалебных речах сторонников с целью дискредитации или, наоборот, поддержки его политического имиджа. Такие цитации «он-лайн», как правило, превалируют в виде прецедентных феноменов в ассертивной и аргументативной функциях в текущей политической коммуникации в СМИ, а также, например, в контраргументативной функции в жанре предвыборных визави-дебатов (*face to face*) на пост президента (*les débats de l'entre-deux tours*) [Тамразова, 2021; Kerbrat-Orecchioni, 2017] и др. (см. ниже).

2. В контексте обыденной лингвополитической метадискурсивной рефлексии [Seoane, 2018; Krieg-Planque, 2018] цитаты политика «офф-лайн», отделяясь от *генетического* дискурса (*détachement énonciatif* [Maingueneau, 2012]) и приобретая формальную целостность и идиоматичность (*figement* [Krieg-Planque, 2017]), становятся эмблематическими знаками, своего рода квазиафоризмами [Береговская, 2015] (ср. «*petites phrases*» [Krieg-Planque, 2011]), создающими зачастую противоречивый речевой имидж, «фразеологический портрет» политического деятеля [Тамразова, 2021] (см. ниже).

Есть немалые формальные основания отнести меморизируемые

высказывания политиков к разряду афоризмов. Действительно, политической фразе, как и афоризму, свойственен ряд основных структурно-функциональных и конституально-категориальных признаков, таких как *сверхсловность* и *монофразовость*, относительная *дискурсивная автономность*, *устойчивать*, *идиоматичность*, *номинативность*, *воспроизводимость*, *текстуальность*, *выразительность* и *экспрессивность* (фасцинативность) внутренней и внешней словесной формы (тропеичность) [Иванов, 2020]. Причем, большинство этих признаков присущи и фразеологизмам (ср. [Виноградов, 1977; Телия, 1996]). Дифференциальным признаком для афоризма признается *сентенциальность* («афористичность», «универсализм» [Иванов, 2020]) – выражение в ёмкой нетривиальной остроумной форме **значимой истины**, «общего места», максимы, *обладающей философской или житейской пронизательностью* и воплощением культурных и гуманистических ценностей [Ваганова, 2002; Иванов, 2016; 2020; Королькова, 2006; Крячков, 2002; Мечковская, 2009; Патрушева, 2011; Тангир, 2007; Туманова, 2012; Maingueneau, 2014].

В большинстве своём афоризмы употребляются в функции рациональных аргументов людьми, ценящими экспрессивность их плана выражения и смысловую глубину плана содержания. Это качество роднит их с паремиями – пословицами и поговорками, отражающими «народную мудрость» [Мечковская, 2009; Пермьяков, 1970; Туманова, 2012]. Такие афоризмы (*гномы*, *сентенции*) часто выполняют роль «текста в тексте», воспроизводятся «к слову», иногда в усеченном или трансформируемом виде [Королькова, 2006; Krieg-Planque, 2006].

Другим дифференциальным признаком афоризма является его «паспортизация» [Королькова, 2006], – эксплицитно отмечаемая авторская принадлежность – авторские афоризмы (*апофегмы* и *хрии*, анекдотические афоризмы и максимы как афоризмы моралистические [ЛЭС: 43]).

Следующая степень фразеологизации (идиоматичности) афоризма [Мечковская, 2009] состоит в нейтрализации авторства, когда афоризм

воспринимается как паремия без эксплицитного указания на автора высказывания (гномы, или сентенции [ЛЭС]), имея генетическое авторство: *Время – деньги! / Time is money* (Бенжамен Франклин); *Гвардия погибает, но не сдаётся / La garde meurt mais ne se rend point* (général P. Cambronne); *С милым рай в шалаше* (русский педагог и поэт Нигмат Ибрагимов) [Иванов, 2020]. В этом случае авторская принадлежность становится внутренней формой, прецедентностью [Моисеенко, 2015], генетический источник которой входит в интерпретацию афористического знака. Этот знак переходит в разряд паремии: «*Надо, Федя, надо!*» (к/ф «Операция ‘Ы’ и др. приключения Шурика»); «*Восток – дело тонкое*» (к/ф «Белое солнце пустыни»); «*Хотелось, как лучше, а получилось, как всегда*» (В.С. Черномырдин); «*Tombe les filles et tais-toi*» (франц. название американского к/ф *Play It Again, Sam*); «*Ça rentre pas dans les cases!*» (к/ф «Le Père Noël est une ordure»); «*Je vous ai compris!*», «*Vive le Québec libre!*» (генерал Де Голль) (ср. [Мечковская, 2009; Моисеенко, 2015]). Они уже не имеют афористичной смысловой наполненности и переходят в разряд фразорефлексов – формул, фразеопаремий, употребляемых «по случаю» в той или иной речевой ситуации [Гак, 1995].

Говоря об афористичности политической фразы, нельзя не отметить признак **контекстуальной несамостоятельности**, отмеченный Н.Б. Мечковской в «современном афоризме» (меме): «Если классический афоризм понятен вне контекста (и в этом смысле он самодостаточен), то современные крылатые фразы могут быть, с одной стороны, отрывочны и неполны, а с другой, – крайне зависимы от того контекста, в котором они возникли, – от кинофильма, телесериала, рекламного текста, популярной песни, эстрадной миниатюры и т.п.» [Мечковская, 2009: 91].

Однако есть фразы политиков, меморизация которых происходит исключительно *благодаря обыденной лингвополитологии*, общественной, но прежде всего медийной мета-лингвоидеологической рефлексии,

воплощенной и тиражируемой средствами массовой коммуникации (печатные и электронные СМИ, блоги, мессенджеры и проч.).

Основным свойством политической фразы является *автономность*, или «отделимость» (*détachabilité* [Maingueneau, 2012]) – способность отделяться от текста (детекстуализация) и приобретать свойства афоризма [Борисова, 2017; Ваганова, 2002; Иванов, 2020; Крячков, 2002; Мечковская, 2009; Патрушева, 2011] или скорее «однофразового текста» [Береговская, 2015]. Поэтому, если Д. Мэнгено называет это свойство «афоризацией» (*aphorisation* [Maingueneau, 2012]), то мы предлагаем термин «фразовая ретекстуализация», более точно отражающий суть данного процесса, учитывая тот факт, что не каждая политическая фраза приобретает свойства афоризма и может называться таковым. Понимая это, Д. Мэнгено делит процесс «афоризации» на «первичную афоризацию» – образование собственно паремий (афоризмы, пословицы, поговорки, слоганы, девизы) и «вторичную афоризацию» (деривативную) – производное от цитации появление фразового текста («*petite phrase*»), функционирующего как журналистский приём и целый речевой жанр [Idem].

Идиоматика таких «квазиафоризмов» связана не столько с повторяемостью или глубиной мысли, сколько с *эпатажностью* (шоковостью, пуантированностью) для аудитории «здесь и сейчас» (ср. «*phrase choc*» [Alduy, 2017], «пуанта» [Шмелева, Шмелев, 2002], или «триггер интерпретации» [Арустамян, 2011]).

То, что такая фраза привлекает внимание аудитории, придает ей свойство *когнитивной салиентности* (выделенности) [Ирисханова, 2014].

Во внутреннюю форму таких квазиафористических *мемов* (в той или иной мере) входит не только обязательная авторская принадлежность, но и ситуативная прецедентность (историческая ситуативность) и вытекающие из них значимости (*valeurs* – в терминах Ф. де Соссюра [Попова, 2019]): *историческая ситуативность, аномальность, гелотогенность и/или парадоксальность, тропеичность, оценочность* (персонологическая

аксиология), *эпатажность* («пуантированность») формы плана выражения и/или плана содержания [Вольф, 2002; Ельмслев, 2006]. Например, меморизированная фраза-мем Б.Н. Ельцина «*He так сели*» связана с конкретной исторической ситуацией, когда во время заседания правительства первый вице-премьер С. Степашин должен был после замечания Ельцина занять место рядом с премьером Е.М. Примаковым. Знаменитая фраза Де Голля *Je vous ai compris!* (Я вас понял!) также имеет непростую историю, а знаменитое «слово Камброна» («*mot de Cambronne*») в битве при Ватерлоо имеет известную двоякую историческую интерпретацию («*La garde meurt...*» vs «*Merde!*») [Citationpolitique.com].

В основе их фразеологизации лежит *идеологическая концептуализация* – широкий диапазон не семантических, но когнитивно-прагматических *интерпретационных преобразований* [Болдырев, 2011; 2018б; Молчанова, 2018; Пирс, 2000].

Отметим, что Р. Барт объединяет миф и идеологию, отмечая их часто конвенциональный, а значит корпоративно-субъективный характер. Он рассматривает их как «метаязыки», или «вторичные семиотические системы», семиотически равные между собой. Идеология, по Р. Барту, есть «введенное в рамки общей истории и отвечающее тем или иным интересам мифическое построение» [Барт, 1994: 75]. Идеология как миф, «получивший санкцию политического института» [Шестов, 2005: 95], отражается в речевом поведении и речевых практиках политических акторов, субъектов политической речевой деятельности [Charaudeau, 2005].

Политическое высказывание приобретает значимость политического действия, политического речевого перформатива как воплощения политической идеологии [Строганов, 2020; Charaudeau, 2005].

Например, многочисленные высказывания Ж.М. Ле Пена⁵, взятые вместе, складываются в *идеологический нарратив* – политическое кредо

⁵ Основатель крайне правой партии «Front national (FN)» (Национальный фронт с 1972 г.); с 2018 г. *Rassemblement national (RN)*, председатель – Марин Ле Пен.

партии и ее основателя. Например: «*L'anti-racisme, instrument politique d'aujourd'hui, comme le fut l'anti-fascisme avant guerre n'est pas un non racisme c'est un racisme inversé, un racisme anti-français, anti-blancs, anti-chrétiens*» [Le Parisien – URL] (Сегодня антирасизм – такой же политический инструмент, каким был антифашизм до войны, но это не контр-расизм, а перевернутый расизм, расизм антифранцузский, антибелый, антихристианский). Заметим, что обыденная лингвополитология на сайте французского «Le Parisien» относит данное высказывание к цитатам (citation) Ж.М. Ле Пена [<https://citation-celebre.leparisien.fr/auteur/jean-marie-le-pen>]. Смысл этого «расистского» политического высказывания заключается в *воздействии на аудиторию* через риторическую форму плана выражения (парадокс), вызывающем критический анализ и «разоблачение» как в обыденной, так и в критической лингвополитологии [Дейк, 2013; Fairclough, 2018].

Другим примером политического высказывания «здесь и сейчас» является фраза Э. Макрона «*Nous sommes en guerre*» (Мы ведем войну), произнесенная по поводу пандемии *Ковид-19*, ставшая национальным мемом и предметом разнообразных комментариев и пародий [Le Monde, 2020] (см. ниже). Меметизация высказывания Макрона превратила фразу во фразеологическую идиому, «фразеологическое выражение», близкое к паремии [Виноградов, 1977; Карамова, 2015].

Таким образом, в основе образования **фразеопаремии** как качественно новой речезыковой единицы (**дискурсивной идиомы**) лежит идеологическое идиоматическое мифотворчество (ср. [Режабек, 2003]). Политические декларации и асерции отражают иллокутивную и перформативную сущность такой гибридной речезыковой единицы.

Поэтому мы определяем языковой фразеологический статус рассматриваемых в работе единиц в следующей терминологии: авторские политические фразеопаремические идиомы, или **персональные политические фразеопаремии** (ППФП).

Двойное название подчеркивает, с одной стороны, признание непротиворечивости включения паремического фонда в широкое понятие фразеологии национального языка» [Телия, 1995; 1996], а с другой стороны, – наличие имманентных черт фразеологизации в данных паремических единицах (постоянство состава, воспроизводимость, относительная непроницаемость плана выражения и концептуальная идиоматичность плана содержания) [Бредис, 2019; Гвоздев, 1983].

Функциональной средой, порождающей политическую фразу, выступает медиаполитическая дискурсивная формация, имеющая целью текстуализацию политического деятельностного пространства [Гришаева, 2014].

Политическая фразеопаремия (ПФП) – текстуализованный фрагмент политического дискурса, имеющий, как правило, известный источник (авторизацию) и выполняющий определенные дискурсивные функции.

Динамический аспект фразеологизации дискурса можно рассматривать как вторичное произведение прецедентного высказывания [Моисеенко, 2015] (вторичный семиозис – см. ниже), когда употребление фразеопаремии – это *сверхтекст* (*surassertion* [Krieg-Planque, 2011: 27]), а его отправитель (*hyperénonciateur*) – это своего рода «сверхавтор» прецедентного текста.

Фразеологизации и текстуализации способствуют следующие свойства фразеопаремии:

– *план содержания*: смысловая выделенность (салиентность) – парадоксальность, сентенциальность (тематическая значимость), аргументативная сила, актуальность, референциальная релевантность и др.;

– *план выражения*: краткость, формальная выделенность – тропеизация: хиазм, аллитерация, параномазия и т.д.

Помимо вышеперечисленных признаков фразеологичности, **персональная политическая фразеопаремия (ППФП)** отличается конститутивными, связанными между собой категориальными признаками и функциями в политическом медийном дискурсе (ПМД).

К основным **категориальным признакам** ППФП в ПМД относятся:

- 1) дискурсивность: актуальность/событийность и эфемерность;
- 2) (де-)текстуализация и метатекстуальность;
- 3) пуантированность и меморизация;
- 4) медиатизация и редискурсивизация;
- 5) меметизация и прецедентность.

К основным категориальным характеристикам добавляются вытекающие из них и окказиональные: *тематическая важность, политическая актуальность, институциональность, перформативность, конклюдентность и декларативность (способность служить обобщением, выводом, решением), ситуативность, контекстуальность, аргументативная и персуазивная сила, фасцинативность, провокативность, парадоксальность (антитетичность), краткость, эвокативность (прецедентность), риторическая выделенность, тропеичность (семантическая асимметрия, анафора, хиазм, повтор, эллипсис, оксиморон, метафора, имплицитность, парадоксальность) и др.* (ср. [Желтухина, 2004]).

К основным **дискурсивным функциям** политической фразы можно отнести следующие функции:

- 1) референциально-информационная;
- 2) аргументативно-интертекстовая (прецедентная);
- 3) мотивационная (экспрессивно-оценочная положительная);
- 4) демотивационная (экспрессивно-оценочная отрицательная).

Остановимся подробнее на декларируемых характеристиках ПФП.

1.3.1. Дискурсивность

Генетически ППФП представляет собой высказывание – фрагмент и единицу анализа дискурса [Гак, 1998: 257-260], как правило, устного, реже – письменного. Как всякое высказывание, ППФП имеет два измерения – динамическое как процесс и акт (факт) произнесения высказывания «он-

лайн» (А.А. Кибрик) и статическое как результат – выражение «офф-лайн» в виде фразы, предложения (ср. *énonciation / énoncé* [Benveniste, 1970; Kerbrat-Orecchioni, 2002]).

Вслед за В.Г. Гаком можно выделить такие категории высказывания, как *ситуативность* (смысл зависит от ситуации употребления); *избирательность* (субъективность в отражении референта); *компрессия и избыточность* (имплицитность / эксплицитность); *направленность* (выбор информационного «фокуса» и «фона»; ср. [Ирисханова, 2014]); *информативность* (сообщение новой, значимой информации, нового знания; ср. релевантность [Попова, 2019; Sperber, Wilson, 1995]); *эфемерность* (сиюминутность, незакрепленность в языке); *уровневая интеграция* (в функции высказывания могут выступать разноуровневые единицы языка – слова, словосочетания, сверхфразовые единства, текст) [Гак, 1998: 257-260].

Функционально-интеракционный анализ позволяет добавить к этому перечню прагматические дискурсивные функции: *интенционально-иллокутивную, интерперсональную, аргументативную, интерактивно-дискурсивную* [Алферов, 2007; Halliday, 1978]. Последняя функция проявляется как способность высказывания формировать и, благодаря своим свойствам (см. выше), маркировать отдельные фрагменты динамического пространства интеракционного дискурса («*lieux discursifs*») [Krieg-Planque, 2006], приобретающие относительную смысловую и структурно-функциональную автономность (атомарность) в процессе производства дискурса в его формальном дискурсивном пространстве (в т.ч. текстовой фиксации) (ср. реплики в диалоге и проч.). Дискурсивные стратегии формируются из тактических речевых действий (актов), которые воплощаются именно в высказываниях, выполняющих ту или иную интенцию (иллокутивную цель), ту или иную социально-коммуникативную значимость: аргументацию, убеждение, анализ (вывод), определение, возражение и т.д. [Алферов, 2007; Дзялошинский, 2012; Иссерс, 1999].

ППФП как высказывание и как функциональная единица дискурса сиюминутна, ситуативна и эфемерна, выступая речевым тактическим ходом, закладывающим «здесь и сейчас» гарантию реализации идеологической и политической стратегии дискурсивного субъекта (энунциатора).

Во французской лингвистике, как уже отмечалось, фразема *petite phrase* (досл. *маленькая фраза, фразочка, – ср. словечко, словцо*) вошла в академический словарь *Trésor de la Langue française* в 1988 году с такой дефиницией: «*Propos bref d'un homme politique, qui sert à frapper l'opinion*» [Brasart, 1994: 106] (*Короткое высказывание политика, способное поразить общественное мнение*). В 1995 году появляется более социолингвистическое определение термина: «*Elément d'un discours, en particulier politique, repris par les médias pour son impact potentiel dans l'opinion*» [Petit Larousse, 1995: 778] (*Элемент дискурса, в т.ч. политического, повторяемый в медиасфере в силу его значимости для общественного мнения*). С этого времени термин *petite phrase* утвердился в лингвистической теории, став предметом пристального внимания французских лингвистов [Krieg-Planque, 2011; Maingueneau, 2012; Le Séac'h, 2015].

И в дальнейших определениях подчеркивается дискурсивная природа этой политической фразеопаремии («фразочки») и её функциональная телеология в медиапространстве:

«*Désigne d'abord une formule courte, mais bien frappée qui, par son caractère explosif, occulte dans les commentaires médiatiques le reste du texte ou de la déclaration dont elle est extraite: c'est autour d'elle que le débat politique va s'organiser. Puis, formule consciemment mise au point pour être relayée par les médias (ou comment le miroir suscite l'image)*» [Denquin, 1997: 105] (Обозначает прежде всего устойчивую формулу, короткую, но крепкую (досл. «выдержанную» – о вине), которая своим взрывным характером, отражаясь в медийных комментариях, заслоняет собой текст или декларацию, из которой была извлечена: именно вокруг нее возникает

дальнейшая полемика. Иногда: **хорошо продуманная формулировка**, легко подхватываемая, отражающаяся в СМИ, отображаемое в зеркале).

В данных определениях четко прослеживается встроенность ППФП в дискурсивное пространство и материальная автономность, самодостаточность и текстуальность фразеопаремии. Актуальность, событийность и эфемерность ППФП как однофразового текста, т.е. его «онлайн» дискурсивность, отличает политическую фразу от стандартной паремии (пословицы, афоризма): политическое высказывание имеет актуальный референт в виде пропозиции о событии (положении дел) или факте, актуальных «здесь и сейчас» [ЛЭС: 401]. Воспроизводимость ППФП, в отличие от паремии, может быть эфемерна, краткосрочна, релевантна не для широкой (национальной) «универсальной аудитории», а для узкого круга «частной аудитории» [Perelman, 1983]: политиков, их оппонентов, журналистов. Сама политическая фраза *творится* в актуальном дискурсе «здесь и сейчас», а потом, меморизируясь и воспроизводясь, становится фразеологической идиомой и паремией – ППФП.

Будучи атомарной единицей дискурса, высказывание несет иллокутивную нагрузку, формально способствующую ее автономизации. Иллокутивная функция маркирует высказывание-ППФП как речевое событие, имеющее определенную иллокутивную цель и перформативное измерение: *обещание, обязательство, поддержку, одобрение, требование, увещевание, угрозу, обвинение и приговор, отречение, разоблачение, обвинение, опровержение, оскорбление, извинение* и т.д.

В дальнейшем обсуждении ППФП в медиасреде – обыденной метадискурсивной интерпретации – оценивается часто не столько референтное (пропозициональное) содержание политической фразы, сколько уместность, релевантность выполнения ею своих иллокутивных и дискурсивно-прагматических функций. Как показывает проведенное исследование (см. ниже), основными дискурсивно-прагматическими функциями ППФП становятся:

1. **Аргументативная функция:** изначально возникает как цитация [Вежбицка, 1982], направленная на «уличение» оппонента или служащая опорой на авторитет единомышленника, прецедентного высказывания по формуле 'X сказал «Y»'. Впоследствии такая фраза (или её ключевая часть – пуанта) становится эмблематической, маркируя ту или иную позицию (кредо) политического актора. Таковы ППФП «Хотелось, как лучше, а получилось, как всегда» (В.С. Черномырдин), «Если враг не сдается, его уничтожают» (М. Горький – заголовок статьи в газете «Правда», 15. 11. 1930), «*Vous n'avez pas le monopole du cœur*» (V. Giscard d'Estaing) (У вас нет монополии на сердца французов), «*L'ensauvagement insupportable de notre société*» (Невыносимое одичание нашего общества) (см. ниже, а тж. Приложение II), «*Je suis une mère à chats, moi*» (Я кошачья мамочка) (Marine Le Pen) и др.

2. **Интерперсональная оценочная функция:** в пресуппозиции (интерпретанте) каждой цитируемой ППФП заложена оценка тех или иных качеств ее автора – политика, произнесшего ту или иную фразу в тех или иных обстоятельствах. Иногда ППФП напрямую становятся орудием дискредитации – обвинения, обличения, унижения, высмеивания и т.д. или, наоборот, валоризации – поддержки, одобрения, возвышения, восхищения и т.д. – того или иного политического актора (см. ниже, а тж. Приложение II).

3. **Интерактивно-дискурсивная (диалогическая) функция:** политическая фраза «глубоко и остро» контекстуальна, то есть зависит от контекста (ситуации) произнесения, диалогична и потенциально или явно полемична по своей природе. Как правило, её интерпретация придаёт ей совершенно другое значение, часто противоположное исходному (истинному), в силу нарочитой оторванности от генетического контекста и/или корпуса дискурса-текста. Такая диалогическая (интерактивная) интерпретация становится вторичным семиозисом ППФП, который часто тесно связан с последующей меморизацией и медиатизацией (меметизацией) политической фразы (см. ниже). Иногда сама ППФП связана с широким

политическим контекстом, содержит в себе интертекст, связанный с политической полемикой, с прецедентными высказываниями или действиями оппонентов и/или других политических акторов. Так, ставшее фразеопаремией высказывание французского политика, председателя социалистической партии (2008-2012 гг.) Мартины Обри (Martine Aubry), «*Il n'y a pas d'ordre sans justice*» представляет собой «общее место», риторический «топос», максимум: «Нет порядка без правосудия». Но смысл этого высказывания на самом деле имеет аргументативную функцию, так как диалогически связан с ранее произнесенным, также ставшим «политической фразой» (*petite phrase*), высказыванием бывшего Премьер-министра Д. Вильпена (Dominique de Villepin) «*Il y a un risque révolutionnaire en France*» (Во Франции назревает революция), сказанным в связи с экономическими реформами («*Il y a une forte colère qui s'exprime dans notre pays. Oui il y a un risque révolutionnaire en France (...) Il faut prendre cela très au sérieux*» [Europe-1, 2009]). В этом контексте ППФП М. Обри приобретает иллюкутивную силу угрозы или предупреждения в функции контраргумента.

1.3.2. Текстуализация

Высказывание политика отличается собственными текстообразующими семиотическими механизмами, направленными на смыслообразование, обусловленное функциональной телеологией, *вторичной дискурсивизацией* и вторичным семиозисом [Алефиренко, 2017; Барт, 1994] (см. ниже Рисунок 4).

В динамическом измерении медиаполитической коммуникации ППФП являются атомарными «текстовыми» составляющими дискурсивного медиапространства как совокупности дискурсивных свойств и функций («текст в тексте»). Л.И. Гришаева отмечает:

«В медиасреде появляются и становятся популярными и все более востребованными коммуникантами новые форматы дискурса и как следствие – новые типы текста. <...> В силу этого медиаресурсы фиксируют многочисленные образцы функционирования языка как средства познания и

коммуникации, причем синхронно в одном медиаресурсе сосуществуют средства как конвенциональные, так и окказиональные; как устаревшие, так и буквально только что появившиеся; как «одноразовые», так и имеющие шанс стать общеупотребительными, демонстрируя тем самым устойчивость и гибкость лексикона и структуры языка, приверженность разным традициям и креативность его носителей, а также богатство функционального потенциала разнородных языковых средств и их способность к адаптации к новым коммуникативным условиям и решению новых коммуникативных и когнитивных задач» [Гришаева, 2019: 6].

Относя ППФП к однофразовому тексту, мы опираемся также на положение Л.И. Гришаевой о вариативности текста в коммуникации: «Вариантов каждого типа текста в языковой культуре столько, сколько носителей языка и культуры и сколько раз прибегают к этому типу текста, решая соответствующую когнитивную и коммуникативную задачу» [Гришаева, 2020: 7-8].

Главным признаком текстуальности ППФП является вычленяемость (*détachement énonciatif* [Maingueneau, 2012]) из текущего «он-лайн» дискурса и/или «офф-лайн» текста (см. выше) и фразеопаремическая атомарность и автономность [Береговская, 2015; Леонтьева, 2022].

Рассматривая дискурс и текст недифференцированно, Д. Менгено говорит о принципиальной *детекстуализации* политической фразы – «фразы без текста» («*phrase sans texte*») как имманентного свойства ППФП [Maingueneau, 2012]. Только отделившись от корпуса дискурса-текста, высказывание может стать персональной политической фразеопаремией.

Во французской лингвистике категории «*petites phrases*», «*les phrases sans texte*» связываются, в первую очередь, с выделенностью из генетического текста (*une extraction d'un texte originel*), с выполнением функций цитаты (ср. [Козицкая, 1999; Саблина, 2011; Шагеева, 2005]). Интегральным свойством цитаты является первичная детекстуальность – извлеченность из оригинального текста и вторичная текстуализация

(превращение в самостоятельный текст, коррелирующий с паремизацией), которую Д. Менгено называет «афоризацией», точнее, вторичной или деривативной афоризацией («*aphorisation secondaire*» ou «*dérivée*» [Maingueneau, 2013]).

Афоризация – это такая же *потенциальная ипостась* высказывания «здесь и сейчас» (*énonciation* [Benveniste, 1970; Kerbrat–Orecchioni, 2002]), как и текстуализация. Другими словами, высказывание можно запомнить, а можно записать. Афоризация может быть заложена в самой природе афоризма (*par nature*) и выступать жанрообразующей категорией (максима, слоган), или означать намеренное отделение от текста (вторичная афоризация – заголовок, цитата – *petite phrase*) [Maingueneau, 2013: 108] (Рисунок 2):

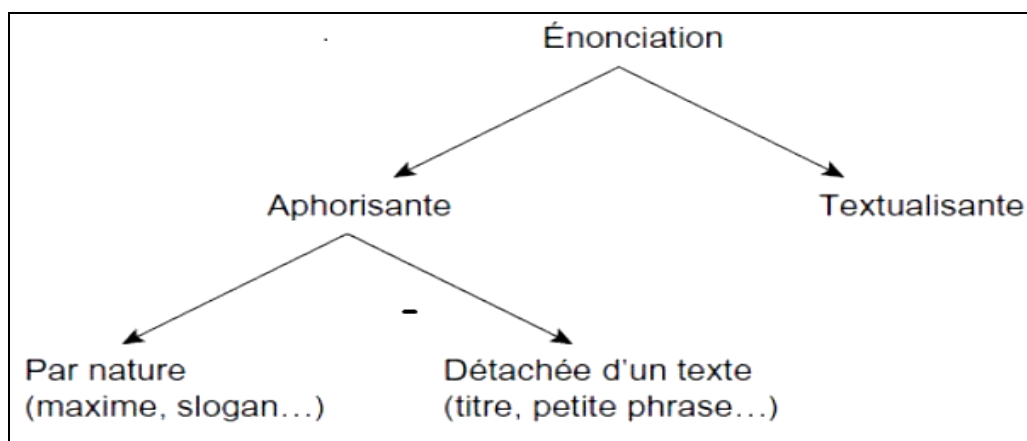

Рисунок 2. «Детекстуализация» фразеопаремии (по Д. Менгено)

Однако для запоминания (меморизации) необходимы определенные качества фразы, о которых пойдет речь ниже. Мы покажем, что разделяемая Д. Менгено текстуализация и афоризация тесно связаны между собой: вторичная афоризация выступает основой вторичного семиозиса (см. ниже – Рисунок 4) и является, по сути, вторичной текстуализацией, которая превращает высказывание «он-лайн» (*énonciation*) в высказывание (фразу) «офф-лайн» (*énoncé, phrase*).

Будучи изначально частью актуального политического медиадискурса «он-лайн», ПФП превращается в «офф-лайн» вариант однофразового текста [Береговская, 2015; Гришаева, 2020].

Как известно, инвариантные характеристики текста выделяются В.И. Карасиком по следующим параметрам:

«1) текст есть результат, а не процесс речи и обычно зафиксирован в письменной форме,

2) текст – это интенциональное произведение автора, обращенное к адресату, 3) существуют различные типы и жанры текстов,

4) существуют фундаментальные характеристики, свойственные всем текстам, – текстовые категории» [Карасик, 2002: 188].

К наиболее общим текстовым категориям можно отнести следующие инвариантные «факторы текстуальности»: *интенциональность, когерентность, когезия, информативность, воспринимаемость, ситуативность, интертекстуальность* [Рогова, 2009].

Текстуальные категориальные признаки ППФП ограничены по сравнению с характеристиками «полноценного» формата текста. В политической фразеопаремии как однофразовом тексте отсутствуют, как правило, заголовки, макро-единицы членения и некоторые другие элементы и характеристики (ср. [Гальперин, 1981]).

Будучи однофразовым текстом, ППФП вбирает в себя практически все характеристики монофразового текста и его функциональной качественной типологии [Береговская, 2015:19]:

1. Имманентный текст (в корпусе транспонированного дискурса).
2. Текст в тексте.
3. Текст из текста.
4. Метатекст, т.е. текст о тексте.

Изначально, как было отмечено выше, ППФП является текущим высказыванием в актуальном дискурсе политика, выполняющим информативно-референтную функцию, реализуемую посредством медиадискурса (транспонированного дискурса). Пуантированность, то есть ее смысловая ёмкость, «ударность» («phrase-choc»), формальная риторичность, эмоциональность и экспрессивность или, наоборот,

неуместность, аномальность, тривиальность, глупость и т.д., привлекающие внимание аудитории, способствуют её выделению из общего корпуса дискурса/текста. *Имманентно* политическая фраза существует как фрагмент дискурса, например, ППФП Э. Макрона «*Nous sommes en guerre*» (Мы ведем войну). Риторически повторенная 6 раз во время телеобращения президента 16 марта 2020 года об исключительных мерах по самоизоляции в период разгара пандемии COVID-19, эта фраза стала мемом и обсуждалась на первых полосах ведущих французских массмедиа. В произнесенной речи президента Франции, а затем и в транспонирующих эту речь текстах данная ППФП выполняет в логической структуре дискурса-текста *функцию аргумента* [Le Monde, 2020 – выделено нами – А.Я.]:

«*Nous sommes en guerre, en guerre sanitaire certes. Nous ne luttons ni contre une armée ni contre une autre nation, mais l'ennemi est là, invisible, insaisissable, et qui progresse. Et cela requiert notre mobilisation générale. Nous sommes en guerre. Toute l'action du gouvernement et du Parlement doit être désormais tournée vers le combat contre l'épidémie, de jour comme de nuit. Rien ne doit nous en divertir. C'est pourquoi j'ai décidé que toutes les réformes en cours seraient suspendues, à commencer par la réforme des retraites*»

Отмеченные признаки в большей или меньшей степени проявляются в ППФП в виде ее ингерентных функций «текста в тексте»: она сама может выступать в виде *метатекста*: заголовка, цитации и/или смысловой пуанты: призыва, лозунга, мотиватора/демотиватора и т.д.

Отмеченная в медиасреде, тиражируемая в виде цитаты и/или мема (см. ниже), ППФП становится «текстом из текста». И, наконец, подвергаясь критической интерпретации, аргументативной цитации, ППФП становится собственным *метатекстом*, своим дублем, вторичным знаком (см. ниже Рисунок 4). Каждый такой метатекст имеет свой исторический и ситуативный контекст, становится инструментом анализа и критики массмедиа. ППФП становится «свёрнутым нарративом», синкретичной эмблемой, отражающей определенную политическую концепцию политика.

В **Тексте 1 Приложения I** мы приводим пример ставшей фразеопаремией реплики Э. Макрона «*On ne vous mettra jamais en situation de danger*», адресованной французским преподавателям, и её металингвополитологический анализ в издании RTL.

Более того, ППФР может связываться в актуальном медиаконтексте с другими ППФП других политиков в некоем интертекстовом диалоге (см. **Текст 2 Приложения I**), когда медиасфера становится средой обсуждения не просто точек зрения, а метаоценки ППФП. Мы показываем это на примере ППФП – Э. Макрона и его премьера Э. Филиппа, возразившего на призыв оставаться на самоизоляции («*rester confinés*») «*Nous sommes en guerre*» (Мы ведем войну) своей обсуждаемой репликой об экономике Франции («*Nous ne pouvons pas rester confinés*») со ставшим мемом выражением «*le risque de l'écroulement*» (риск обрушения).

Э. Макрон ответил на эту реплику своей ППФП: «*Non, je n'ai pas ces grands mots*» (По-моему, слишком сильно сказано). Эти разногласия повлекли обсуждения в СМИ и явились порождающим контекстом для третьей ППФП Э. Филиппа: в ответ на вопрос журналиста об отношениях с президентом он ответил, что на фоне санитарной катастрофы: «*Les français s'en contrefichent*» (Французам на это наплевать). Попавшая в центр внимания массмедиа, в силу своей резкости и эксплетивы (вульгаризма), «*s'en fichent*» «наплевать» ППФП также заняла страницы СМИ и массмедиа на какое-то время. Конечно, помимо распространённости (индекс пропаганды – см. ниже), у каждой ППФП есть степень актуальности / злободневности и степень меморизации: некоторые фразы становятся полноправными афоризмами, входя в паремический код национальной культуры, другие – теряются в анналах массмедийной истории и специальных сборниках политической фразы (политического афоризма).

В своей актуальности «он-лайн» этот метатекст-знак характеризует идеологическую и дискурсивную «состоятельность» (компетентность, авторитет, логику, мораль и т.д.) автора-политика, производящего ППФП-

высказывание, которое служит знаком-эмблемой, отражающей политическое кредо и «идеологический нарратив» политического актора, а также их релевантность (успешность, эффективность, нравственность и т.д.) для адресной аудитории [Попова, 2019]. В конце концов, посредством перформативных высказываний, деклараций, выступлений, интервью, обращений и политических оценок отражается вся политическая деятельность публичного актора, субъекта политической коммуникации. Происходит текстуализация политических перформативных практик политического деятеля, формирование его персонального имиджа (см. ниже).

При анализе «спонтанных корпусов» ППФП (подборки в прессе, Интернете и проч.) выявленная выше оппозиция – **афоризация / (де)текстуализация** – рождает еще одну, смежную с ней оппозицию – *деконтекстуальность* (независимость от контекста) и *контекстуальность* (тесная связь с контекстом произнесения).

Деконтекстуальность ППФП свойственна афоризмам (максимам, сентенциям) (см., напр. [Мечковская, 2009; Тангир, 2007]), контекстуальность сохраняет статус фраз-высказываний, именно тех, что получают во французской дискурсивной лингвистике терминологическую номинацию *petite phrase* («фразочка») [Krieg-Planque, 2011].

Деконтекстуальность афоризма заключается в самодостаточности смысла («смысла содержания» или «смысла формы»), который реципиент извлекает из цельной фразеопаремической формы [Мечковская, 2009]. Такая ППФП в большей степени соответствует критериям «однословного текста» [Береговская, 2015], афористической паремии. Примерами политических сентенциальных афоризмов (изречений) наполнены многие печатные и интернет-сборники, например, «цитаты великих»: *«Войны начинают, когда хотят, но кончают их, когда могут», «После смерти я хочу попасть в ад, а не в рай. Там я смогу наслаждаться обществом пап, королей и герцогов, тогда как рай населен одними нищими, монахами и апостолами»* (Н. Макиавелли) [Citatnica.ru]; *«Война – это охота. Однако на войне дичь*

стреляет» (*La guerre, c'est comme la chasse, sauf qu'à la guerre les lapins tirent*), «Где заканчивается надежда, начинается смерть» (*La fin de l'espoir est le commencement de la mort*) (Ш. де Голль) [*Le Parisien*] и т.д. Такие сентенциальные афоризмы отражают философскую, нравственную, социокультурную рефлексию, называемую «универсальностью» [Королькова, 2006], не только в силу общечеловеческих ценностей, становящихся предметом их референции, но и потому, что такие формы получают признание художественной ценности, образуя, наряду с паремией, корпус малого квазилитературного жанра (ср. [Дементьев, 2010]) со своими классификационными и функциональными разрядами [Иванов, 2016].

Другой жанр – жанр современных медиаафоризмов формируется ППФП, серьезными и пародийными, ироническими: «*Il n'y a pas d'ordre sans justice*» (*Нет порядка без правосудия*) (Martine Aubry); «*Хотелось, как лучше, а получилось, как всегда*» (В. С. Черномырдин). Первый тип политических афоризмов отличается релевантностью «смысла содержания» и нетривиальностью «смысла формы» (квазиантонимия «лучше – всегда»; оппозиция «порядок – правосудие» – см. [Тангир, 2007]) и меметизируется, как правило, вне контекста произнесения. Как отмечает Н.Б. Мечковская, «в современных высказываниях-клише представлено, в отличие от классических фольклорных и литературных афоризмов, не позитивное знание о жизни («правда-истина»), не предписания и не запреты, но насмешливо-игровой намек на богатый смыслами и коннотациями сложный знак из произведений, созданных на основе мультимедийных семиотик» [Мечковская, 2009: 91]

Примером контекстуальных ППФП могут служить «историзмы» – меморизованные высказывания, понимание которых требует фоновых знаний: «*Я устал, я ухожу*» или «*Не так сели*» (Б. Н. Ельцин); «*Je vous ai compris!*» («Я вас понял» – Ш. Де Голль) и др.

Второй тип ППФП непосредственно связан с контекстом порождения высказывания ([новогодняя отставка Ельцина] и [смена вице-преьера в

правительстве РФ]). Такие мемы, как правило, сохраняют прецедентность смысла, авторскую принадлежность и историчность [Молчанова, 2018; Blackmore, 2000; Bonenfant, 2014].

Однако в конкретном употреблении (цитировании) эта интертекстуальность может исчезать в силу отсутствия соответствующего фонового знания у собеседника. «Хотелось, как лучше...», «*Je vous ai compris!*» («Я вас понял» – Ш. Де Голль), «*He tak seli*» – обычно такие цитации-мемы произносятся с особыми полимодальными маркерами (интонация, имитация голоса, мимика и т.п.) или обладают внутренними триггерами интертекстуальности (например, *recipient-design* – «проектирование собеседника»: разделяемые фоновые знания, уверенность в понимании аллюзии и т.п.) [Попова, 2019; Тамразова, 2021].

Как афоризмы, так и окказиональные фразы – квазиафоризмы – могут содержать или не содержать в себе триггеры рефлексивности (сентенциальности) и гелотогенности: нонсенс, абсурд, алогизмы, языковые аномалии и др. девиации в плане содержания/выражения. Однако их подборки, чаще всего, рассчитаны на гелотогенный эффект (кроме афоризмов «со смыслом» [Тангир, 2007]), причем, смех здесь выполняет амбивалентную функцию: *конфликтотенную* (насмешка усиливает критику и выступает как ликоущемляющий акт) и *конфликтотидную* (смех снижает степень конфликта, выступая средством митигации агональности отношений гражданского общества и политического класса) [Алферов, Якушева, 2018; Тамразова, 2021; Шаховский, 2008].

В основе вычленяемости ППФП лежит афористичность внутренней формы высказывания, т.е. смысловая ёмкость, завершенность [Алефиренко, 2018; Баранов, 2013; Ваганова, 2002; Золотых, 2008; Крячков, 2002; Патрушева, 2011; Тангир, 2007; Фелицына, 1980; Maingueneau, 2012], риторическая оформленность, метафоричность, парадоксальность и фасцинативность воздействия [Баранов, 2014; Соковнин, 2005; Тангир, 2007] – теми или иными свойствами ППФП привлекает внимание реципиента,

аудитории. Фасцинативность (парадокс, эпатажность, пуантированность) может проистекать из внешней формы плана выражения или внутренней формы плана содержания [Баранов, 2013; Дзялошинский, 2012; Ельмслев, 2006; Желтухина, 2004] (см. ниже).

1.3.3. Пуантированность и меморизация

Меморизация имеет две стороны – когнитивную и риторическую. Они соотносятся как внутренний и внешний механизмы этого речекогнитивного феномена. Риторическая составляющая отмечена еще со времен античной риторики [Аристотель, 1978; Волков, 2015; Тюпа, 2007] и входит в классический риторический канон: *inventio, dispositio, elocutio, memorio, actio* [Зарецкая, 1999; Рождественский, 1997; Robrieux, 1993]. Х. Перельман трактует *memorio* не просто как мнемонические техники запоминания подготовленной речи (см., напр. [Oléron, 1987]), но как свойство (не)подготовленной речи быть запоминающейся, как условие успешности и своего рода перформативный эффект *риторического акта (actio)* [Perelman, 1983: 649; тж. Reboul, 2018] (ср. [Дюбуа, 1986; Хазагеров, 2002]). Риторическая *memoria* – это специальная стратегия конструирования дискурса фасцинативного [Соковнин, 2005], легко запоминающегося и тиражирующегося («qui est la partie de la rhétorique qui s’occupe des figures et des formes favorables à la mémorisation et à la reprise» [Reboul, 1979: 32]).

Приведенная выше фраза Макрона «*Nous sommes en guerre*» риторически не случайна и отражает планируемый эффект воздействия и планируемый имидж произносящего её политика [Amossy, 2010]. Она есть результат взаимодействия четырех «стратегий» канона классической риторики [Аристотель, 1978; Рождественский, 1997; Oléron, 1987; Robrieux, 1993]:

– *inventio*: построение смысловой модели, концептуализация военной метафоры ПАНДЕМИЯ – это ВОЙНА;

– *dispositio*: начальное положение – смысловой и эмоциональный фокус дискурса-текста;

– *elocutio*: ораторское мастерство произнесения: ударение, паузы, интонирование, жесты и т.д.;

– *memorio*: создание легко запоминающейся фразы на основе предшествующих этапов риторического построения речи [Perelman, 1983: 541-542].

Именно *memorio* – свойство фразы, сделанной для запоминания, служит основанием для последнего элемента – *actio* – побуждающей функции риторики как искусства воздействия на умы и поведение аудитории [Oléron, 1987; Perelman, 1983].

Классический риторический канон предвосхитил, а точнее, изначально «вобрал в себя» [Eggs, 1999; Robrieux, 1993] категории, широко используемые сегодня в психолингвистическом и когнитивном анализе рекламы и др. воздействующих дискурсов: салиентность, суггестивность, фасцинативность, повторяемость, эвокативность, меморизация [Беданоква, 2018; Борботько, 2011; Ирисханова, 2014; Соковнин, 2005; Тамразова, 2021; Dominicy, 2009; Martignez–Manrique, 2009; Talmy, 2007].

Эти же механизмы действуют и в политической риторике и пропаганде, в частности, в технологиях создания политических лозунгов, призывов, стратегиях «промывания мозгов» [Дзялошинский, 2012; Иссерс, 1999; Шейгал, 2000; Шелестюк, 2008; Blackmore, 2000; Reboul, 2018].

Как отмечает О. Ребуль:

«La mémoire (memoria) – partie que les derniers rhéteurs latins plaçaient entre l'elocution et l'action, permettait non seulement de retenir mais surtout d'improviser (Память (memoria) – составляющая, которую последние риторы поместили между элокуцией и акцией, служит не столько запоминанию, сколько импровизации) [Reboul, 2018 – выделено нами – А.Я.]»

Меморизация является условием *sine que non* образования и функционирования афоризма и фразеопаремии. Среди приёмов риторической

меморизации всегда были тактики структурирования дискурса, в частности, выделенность определенной (чаще финальной) части текста – обобщающей, нормативной (обращенной к топосу – общему правилу, доксе), пафосной, торжественной, броской и т.п.

Свойства запоминающегося текста способствуют рассматриваемым процессам детекстуализации, меморизации и вторичной ретекстуализации таких *ключевых фраз (phrase choc)*, использованию их в качестве журналистского приёма, «крючка» (*une accroche*), позволяющего привлечь и стимулировать внимание аудитории.

Рекламные и политические лозунги рассчитаны на меморизацию не только за счет повторяемости, но и благодаря фасцинативности, салиентности, эвокативности, для чего используется языковая игра, юмор, гелотогенные (смехопорождающие) механизмы [Ильясова, 2003; Имшенецкая, 2004].

Меморизация и повторяемость («пропагандия» [Krieg-Planque, 2011]) характерны, в частности, для речевого жанра анекдота [Дементьев, 2010; Дмитриев, 2005; Санников, 2002; Fonagy, 1982]. Как известно, анекдот (фр. *petite histoire drôle*) создается, как правило, для устного «рассказывания» (ср. «рассказывание анекдота как речевой жанр» [Шмелева, Шмелев, 2002: 17]). Многие черты анекдота позволяют соотносить этот жанр с паремией в широком понимании (ср. «От поговорки до сказки» [Пермяков, 1970]): воспроизводимость, стереотипность («готовность»), невозможность или ограниченность трансформации текста (цитация), ведущая к запоминанию, меморизации, прецедентность и интертекстуальность, контекстуальность (фоновые знания), историческая и национально-культурная детерминированность и т.д.

Е.А. Шмелева и А.Д. Шмелев отмечают:

«Анекдот – это короткий связный текст <...>, произносимый говорящим намеренно, со специальной целью рассмешить слушающего, понятный слушающему (впрочем, понимание анекдота требует иногда от

слушающего некоторого усилия), произносимый в определенной ситуации, в которой уместно рассказывание анекдота, и связанный интертекстуальными связями с другими анекдотами и стереотипами анекдотического пространства. Любое нарушение одного из необходимых условий успешности функционирования рассказывания анекдота как речевого жанра приводит к коммуникативной неудаче. Так, например, анекдот, рассказанный слушателю, не знакомому с персонажами русских анекдотов, нарушает коммуникативную цель рассказывания анекдота, поскольку не кажется тому смешным» [Шмелева, Шмелев, 2002: 26].

Эти черты во многом роднят речевой жанр анекдота с политической фразой, передающейся «из уст в уста», пропагандированной и тиражируемой в СМИ, кочующей по Интернету в качестве мема.

Интерпретационным фокусом анекдота является *пуанта*, или «соль» анекдота. Обычно понимание анекдота, в силу его структурно-текстовых и семантических свойств (парадокс, языковая игра, аллюзия и т.д. [Фрейд, 1997; Шмелева, Шмелев, 2002]) связано с интеллектуальным усилием (отсроченным пониманием [Fonagy, 1982]). Пуанта является триггером имплицитного смысла анекдота [Арустамян, 2011], помогающим найти разгадку смысловой коллизии, спрятанной за внешней семантикой плана выражения [Беданокова, 2018].

Такова и ППФП. *Пуантированность* политической фразы заключается в том, что само по себе произнесенное высказывание может не представлять никакого интереса в своем семантическом содержании, связанном с пропозициональной референцией вне контекста и определенной ситуации произнесения. Однако её интерпретация предполагает языковую или идеологическую (культурологическую, политическую) *пуанту* – некий триггер, позволяющий именно так, а не иначе, толковать и оценивать в обыденном металингвополитологическом анализе данную ППФП. Такая пуантированность лежит в основе меморизации и тиражирования

политической фразы в качестве мема. В природе мема и процесса меметизации – та же культурологическая и коммуникативно-жанровая интенциональность, которая была свойственна уходящему с медиасцены анекдоту. Т.Е. Савицкая отмечает, что «пышный расцвет отечественной культуры анекдота в XX веке к нашим дням деградировал до реликтового нишевого жанра, будучи потеснен <...> сетевой культурой мемов, задавшей юмору новый формат» [Савицкая, 2013: 4] (ср. [Blackmore, 2000; Bonenfant, 2014]).

Французский политический анекдот – явление практически не изученное, которое ждёт дальнейшего исследования (ср. [Арустамян, 2011]). Мы отметим лишь тематическую релевантность юмористических фольклорных нарративов, посвященных актуальным реалиям политической жизни Франции. Отметим при этом различную степень вовлечённости адресата в контекст и логические усилия (инференции), которые, следуя теории релевантности [Sperber, Wilson 1995], требуются для понимания имплицитной «пуанты» – соли анекдота (например, знание факта что супруга президента когда-то была его учительницей):

(1)

– Comment fait-on pour avoir une bonne retraite quand on est prof ?		– Как можно получить хорошую пенсию, если ты учительница?
– On épouse un élève.		– Выйти замуж за ученика.

Другие анекдоты имеют более традиционную структуру и часто являются интернационально-стереотипными по смысловой инференции (семантической структуре «пуанты»):

(2)

Un gars pose son vélo contre le mur de l'Elysée, et s'apprête à partir. Un agent de la sécurité s'approche et lui dit :		Парень прислонил свой велосипед к стене Елисейского дворца и собрался уходить. Подходит сотрудник Службы безопасности и говорит ему:
– Monsieur, vous ne pouvez pas		

laisser votre vélo, ici.

– Et ben, pourquoi?

– Mais, ici passent des gens connus dans tout le pays. Le président de la République, des ministres et des députés!

– Oh, putain! Merci de m'avoir prévenu. Je vais mettre le cadenas!

– Месье, вы не можете оставить свой велосипед здесь.

– Это почему?

– Здесь проходят люди, известные всей стране. Президент Республики, министры и депутаты!

– О, черт! Спасибо, что предупредили. Я повешу замок!

Как видим, анекдот может обобщать имидж конкретного политика до критического отношения ко всему политическому классу, что является универсальной чертой политического анекдота [Шмелева, Шмелев, 2002].

Таким образом, меметизация (меморизация и медиатизация) основана на стереотипном тиражировании свернутого до формулы «нарратива» в его полимодальном воплощении [Докинз, 2013]. Как было отмечено, меметизация политической фразы, помимо тиражирования в СМИ, т.е. медиатизации, – сопровождается редукцией формы плана выражения: из ситуативного контекста дискурса текстуализируется фраза, например, «*Casse-toi, pauv' con*» (Н. Саркози), а затем происходит детекстуализация ключевого слова или словосочетания, например, «*poudre de perlimpinpin*» (Э. Макрон) (см. ниже). Этот ключевой элемент выступает в качестве меморизируемого и меметизируемого триггера, связывающего три структурных составляющих политического мема:

– ситуацию произнесения;

– характеристику политика;

– интерпретацию произнесенной фразы фолк-аудиторией (обыденной лингвополитологией), тиражируемую СМИ (*медиатизация*).

Меметизация и пролиферация («пропагация», распространение, тиражирование) в медиасреде распространяется далеко не на все высказывания политиков. Французские лингвисты предложили квази-

ироническую интерпретацию «процесса производства» политической фразеопаремии (*Fabrication d'une petite phrase*) (Рисунок 3):

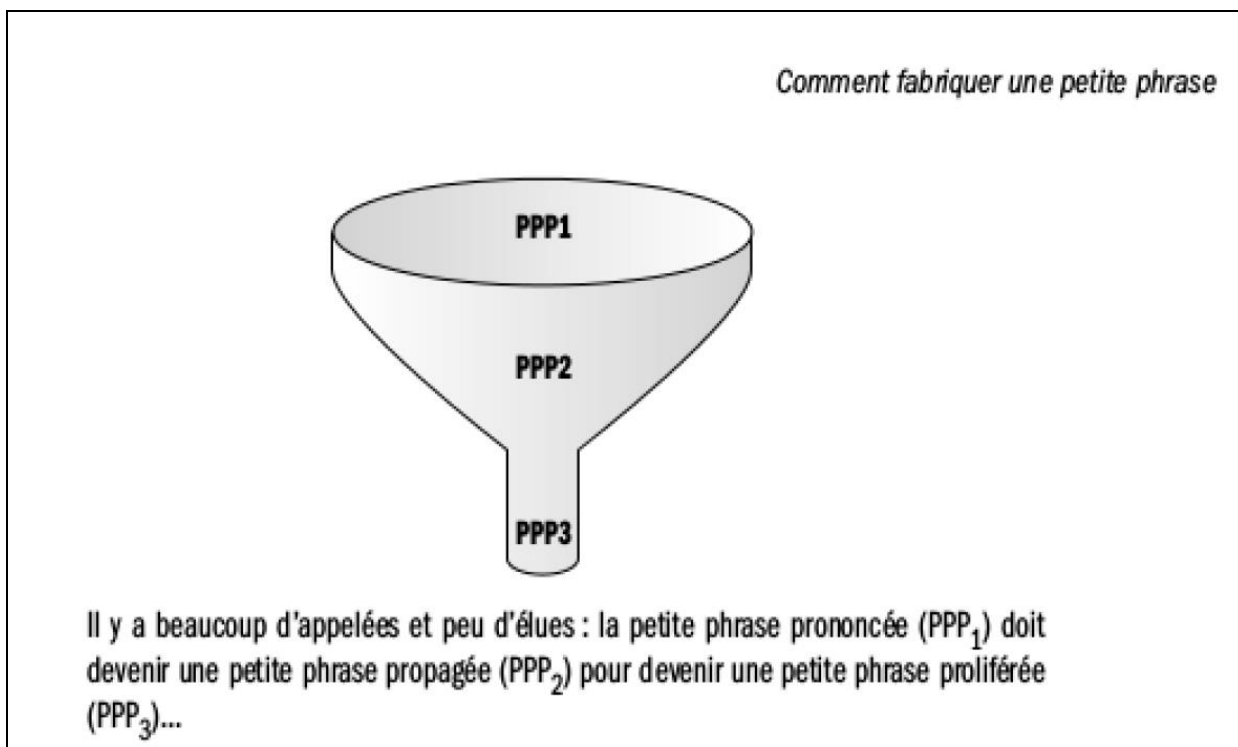

Рисунок 3. Как создать политическую «фразочку» - фразеопаремию

– Текст на Рисунке 3:

«Как создать политическую «фразочку». Много званых, да мало призванных»: PPP₁ – произнесенная фраза (высказывание) должна стать распространяемой (*phrase propagée* – PPP₂), чтобы стать затем распространенной (популярной) (*phrase proliférée*) PPP₃» [Gautier, 2016: 10].

В качестве фильтра, отсеивающего обычные высказывания от фразеопаремий, помимо перечисленных выше, можно отметить следующие категориальные признаки меметизации:

1. Аномальность плана выражения и/или плана содержания;
2. Реинтерпретация, полифония;
3. Гелотогенность (смехопорождение);
4. Актуальность, ситуативность;
5. Имагогенность (формирование имиджа);
6. Аксиологическое фокусирование;
7. Провокативность, интерпретативная профанация;

8. Жанровость и медийность (популярность, востребованность);
9. Деинституализация, десакрализация.

1.3.4. Медиатизация, редискурсивизация, прецедентность и меметизация. Паремические малапропизмы

Вторичная дискурсивизация – это приобретаемая ППФП при цитировании в медийном метадискурсе (дискурсе о ППФП) интертекстуальность, прецедентность [Моисеенко, 2015]. Цитирование персональных однофразовых текстов в актуальном дискурсе «он-лайн» часто является условием распространения (целевой пропаганды) данного высказывания политика, поэтому является условием *sine qua non* формирования политической фразеопаремии.

Для пропаганды политической фразы (распространения в идеологически-политических целях), помимо приведенных выше внутренних семиотических факторов функционально-дискурсивной природы ППФП, необходим идеологический интенциональный посыл, затрагивающий те или иные политические или культурно-социологические потребности как вторичного отправителя воспроизводимой ППФП, так и адресной аудитории.

Редискурсивизация в качестве цитирования и в качестве интерпретации и пародии приобретает признак полемичности, т.е. выступает в качестве эмблематичного «текста в тексте», рождающего отрицательную реакцию (оценку), контраргументацию, провоцирующую иронию, насмешку [Доронина, 2009]. Как «тексту в тексте», персональной политической фразеопаремии свойственна игра на противопоставлении: «"Текст в тексте" – это специфическое риторическое построение, при котором различие в закодированности разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия <...> Такое построение, прежде всего, обостряет момент игры в тексте: с позиции другого способа кодирования текст приобретает черты повышенной условности,

подчёркивается его игровой характер: иронический, пародийный, театрализованный смысл и др.» [Лотман, 1992: 155-156].

Вторичная, или *редискурсивизация* реализуется в дальнейшей медиатизации политической фразеопаремии. Фасцинативная фраза политика становится предметом обсуждения и пропаганды в электронных и печатных СМИ, в социальных сетях, блогосфере, мессенджерах, превращается в хэштеги и мемы. Как правило, эмоционально-оценочный модус медиатизации имеет демотивационную, т.е. отрицательную аксиологию. Так, известная фраза Э. Макрона в диалоге с молодым безработным «*La meilleure manière de se payer un costard, c'est de travailler*» (Лучший способ купить себе костюм – работать) [Le Figaro, 2016] (см. ниже) «превратилась в хэштеги в соцсетях и мессенджерах (Instagram, Twitter): #Costardgate (*Костюмгейт* по аналогии с Уотергейтом), #UnTshirtpourMacron (*МайкадляМакрона*)» [Алферов, Якушева, 2018].

Французские ученые предполагают, что мем может воплотиться в любой фраземе (*figement*) – лексической единице или словосочетании (*séquence syntagmatique*): к ним относится такая лексема, как *Brexit*, синтагма *Grenelle de l'Environnement*⁶, реплика диалога *Non mais allô quoi?*⁷, политическая фраза *Vous n'avez pas le monopole de...*⁸ [Gautier, 2016: 17].

Меметизация политической фразы связана с редукцией высказывания до ключевого элемента фразы, получающего функции *титульного номинатора* (заголовка): «*мочить в сортире*», «*poudre de perlinpinpin*» (см. ниже), «*Monsieur le premier-ministre*» (см. ниже). Иногда редукции не происходит, и сама фраза равна мему-номинатору: «*Je vous ai compris*», «Не так сели» и т.д.

Отрицательная интерпретативная аксиология политической фразы-мема подчеркивается иногда выделением отдельного разряда

⁶ Французский «Экологический Форум» – национальная конференция по защите окружающей среды в 2007 году.

⁷ Строка популярной песни, ставшая вирусным мемом в Интернете.

⁸ Начало ППФП В. Жискара д'Эстена (см. ниже).

квазиафоризмов, или «фрашек», по Э.М. Береговской [2015].

В другой терминологии обыденной и научной лингвополитологии такой жанр маркируется префиксом «анти–»: «антипословица», «антифраза», «антикрылатая фраза», «антикрылатое выражение», «антиафоризм» [Антонова, 2010: 96; ср. Мокиенко, 2005].

Для обозначения этого разряда меметизированных фраз А.В. Алферов предложил термин «паремические малапропизмы» (от фр. *mal à propos* – не к месту) [Алферов, Якушева, 2018], который отличается от традиционного стилистического термина «малапропизм» (ср. [Zvolenszky, 2015]). Традиционно в лингвистике этот термин обозначает оговорку или неправильное употребление слова вместо сходного по звучанию (*спасательная мысль, неутомимый голод; election – erection; epitaph – epithet* и т.п.) [Сковородников, 2011; Cassell's French-English, 1977; Cellard, Rey, 1991]. Расширяя значение термина, мы руководствуемся тем положением, что данный лексико-стилистический и/или речевой казус («ошибка», «оговорка» [Сковородников, 2011]) рассматривается обычно как *ляп, ляпсус* (ср. имя героя И. Ильфа и Е. Петрова *Ляпис/Ляпсус-Трубецкой* и ставшая «мемом» его фраза: «*Волны падали стремительным домкратом*» [ИПДС: 206]). Малапропизм распространен и в *политической эрратологии* [Гусейнов, 1997] в виде устных и письменных ошибок и опечаток в публичных выступлениях политиков. Ярким примером служит опечатка в Твиттере Д. Трампа, также превратившаяся в мем: «Despite the constant negative press *covfefe*...» («Несмотря на постоянное негативное *covfefe* в прессе...»). За этой формой (эрратемой) угадывается лексема *coverage* (освещение в СМИ), но при всей банальности этого «кейса» Интернет взорвался от комментариев и репостов, пародий и насмешек. В корпусе неологизмов и окказионализмов [The NOW Corpus] в 2019 году насчитывалось около тысячи пародийных употреблений *covfefe*, которые онлайн словарь «Urban Dictionary» характеризовал как неологизм в значении «опечатка, ляпсус, мем» («My grandmother just posted an epic *covfefe* on

facebook» (Моя бабушка запостила эпическую *covfefe* в Фейсбуке) [Urban Dictionary.Com]. Другие комментарии носили агональный посыл, направленный непосредственно на президента Трампа, чья личность вызывала у многих на Западе отрицательные оценки: «*When you want to say "coverage" but your hands are too fat and small to hit all the letters on your keyboard ...*» (Когда хочешь написать «coverage», но твои руки слишком маленькие и толстые, чтобы правильно попадать по клавиатуре...) [Urban Dictionary.Com]. Аксиологический заряд, направленный на энунциатора, является имманентным категориальным признаком политического малапропизма (см. тж. [Алферов, 2020б]).

Политические паремические малапропизмы – оговорки, «перлы», «ляпы», нелепые фразы политиков – в обыденной лингвополитологии, в большинстве своем, носят отрицательную или ироническую метаязыковую оценку, являются *демотиваторами*⁹.

Высказывания политиков в цитировании и повторении пародируются, трансформируются, высмеиваются, переходя из «гипотекста» в «гипертекст»¹⁰ [Береговская, 2015], подвержены *меметизации* [Гуторенко, 2019; Wonenfant, 2014] (см. ниже).

Каждая ППФП может иметь **индекс пропагации**, причем этот индекс медийной распространенности бывает очень высоким. По нашим подсчётам, приведенная выше фраза Э. Макрона «*La meilleure manière de se payer un costard*» в поисковике Google имеет 2 400 000 вхождений, коэффициент релевантности (соотношение релевантных и нерелевантных вхождений) для первых 10 страниц составляет около 0,85¹¹.

⁹ Демотиваторы трактуются нами в широком смысле как любая интертекстовая пародийная реакция на политическую мотивацию в различных формах (лозунг, заявление, призыв и т.д.), а не только как креолизованный жанр интернет-постеров (ср. [Бабина, 2013; Гуторенко, 2019]).

¹⁰ Под гипертекстом в данном случае понимается текст, рожденный другим текстом («гипотекстом») [Береговская, 2015: 21].

¹¹ URL:https://www.google.com/search?q=La+meilleure+mani%C3%A8re+de+se+payer+un+costard,+c%E2%80%99est+de+travailler&sxsrf=ALiCzsa_DSu-Q0vd9cDt6VM17_1m8bl

Особенности французской политической медиасферы определяются противоречиями между *политическим классом* и *гражданским обществом*, выявляемыми при посредничестве средств массовой коммуникации [Красин, 2012; Левин, 1997: 135; Моисеенко, 2019; 2020a]. Общественная самоорганизация формирует в медиасфере пространство «эпистемической бдительности» [Sperber, 2013] – обоюдной критической оценки действий этих двух главных социально-политических субъектов. И в агональных отношениях гражданского социума и политического класса необходимо минимальное социальное согласие, общественный договор относительно целостности социума [Сковиков, 2014]. Поэтому идеальная задача массмедиа – через информирование осуществлять влияние политиков на общество и общества на политиков (см. [Гришаева, 2014]). Одной из функций влияния и контроля выступает «обыденная» и медийная лингвополитология (см. выше) в виде метаанализа политического дискурса как пространства властных отношений [Дейк, 2013; Bourdieu, 1991; Dijk, 2020]. Такая функция медиасферы рождает новое понимание **социополитической агональности**. Обществу предлагается идеалистическая модель политической агональности не как конфронтации и стремления к взаимоуничтожению (ср. [Шейгал, 2000]), а как соревновательной (компетитивной) коммуникации» в рамках морали при акцентировании деонтологических принципов «эпистемической бдительности» [Алферов, Якушева, 2018; Муфф, 2004; Попова, 2019; Тамразова, 2021].

Поэтому формы коммуникативного контроля имеют два модуса: критически-конфронтационный и критически-митигативный (мейотический) (ср. [Шаховский, 2008]), в частности, гелотогенный – с привлечением такого средства коммуникативной агональности, как превращение негативного в смешное, сатирическое высмеивание социополитических пороков, маскируемых идеологическими языками (см. выше – канцелярит, новояз,

политическая идиоматичность, *langue de bois, novlangue*) [Krieg-Planque, 2012; 2013; 2017].

Юмор, ирония, сатира в политике существуют в обыденных манифестациях (анекдоты, карикатуры, мемы-демотиваторы и т.д.), с одной стороны, как мощное орудие дискредитации и насмешки над политическим противником, с другой [Латышев, 2003; Разуваев, 2002] – как альтернатива (сублимация) агрессии, конфликтности, средство снижения градуса противостояния и противодействия в разножанровой коммуникации [Будко, 2015; Дмитриев, 2005; Charaudeau, 2015].

Таким образом, в политике амбивалентный смех выполняет две функции: 1) усиления конфликтности (*конфликтогенность, эристичность*) и 2) снижения градуса агрессивной агональности (*конфликтоцидность*) [Алферов, Якушева, 2018].

Меметизация *паремических малапропизмов*, как образование высказываний-мемов, по мнению Г.Г. Молчановой, обусловлена как формальными, так и функциональными аспектами. Это, с одной стороны, компактность и ударность фразы-пуанты (ср. *phrase choc*¹²), а с другой стороны, – «парольная функция» и символизация [Молчанова, 2018].

Однако, функциональная значимость афоризма как разновидности паремии заключена в его сентенциальной пропозиции (содержании), хотя иногда и сохраняет авторство, [Алефиренко, 2017; Ковалева, 2004; Королькова, 2006; ЛЭС: 401]. Напротив, ППФП в большей степени несут имагогенную (имиджевую) функцию, функцию оценки и интерпретации ингерентного речевого поведения политического персонажа и создания аксиологического адгерентного имиджа политика.

Чаще всего *паремические малапропизмы* содержат непроизвольные **триггеры аномальности** (гелотогенной или диффамирующей). Обычно они рассматриваются как инструмент, с одной стороны, критики и насмешки над политическим противником или гражданского общества над политическим

¹² fr.wiktionary.org – URL: <https://fr.wiktionary.org/wiki/phrase-choc>

классом, а с другой, – как *медиаповод*, имеющий *конфликтоцидную функцию* («выпустить пар») [Алферов, Якушева, 2018; Алферов, 2020].

Так, на сайте Французского Пресс-клуба [Press Club de France] проводится ежегодный (начиная с 2002 г.) конкурс «Юмор и политика» (Humour et Politique) на лучший политический квазиафоризм – фразу политика, произвольно или непроизвольно ставшую (юмористическим) мемом. Победитель награждается призом. В 2016 году первое место занял президент Франсуа Олланд, который (надо отдать должное его чувству юмора) лично явился на церемонию за наградой и произнес речь, достойную профессионального пародиста [De Flanby à Pingouin – URL].

ППФП Ф. Олланда, получившие титульную номинацию «*hollandries*», чаще отражают чувство юмора автора: «*Quand on fait un mini-sommet, on a forcément de mini-conclusions*» («Когда мы проводим мини-саммиты, мы обязательно имеем мини-результаты»); «(à propos de son prédécesseur Nicolas Sarkozy): «*Il a gouverné pendant cinq ans, il connaît les erreurs à éviter. La preuve, il les a toutes commises*» («о своём предшественнике Н. Саркози: Он правил пять лет и хорошо знает, каких ошибок нужно избегать. Тем более, что он их все сам совершил») [Press Club – URL].

Говоря о природе афоризма, Н.Б. Мечковская подтверждает принятое нами деление политической фразы на адгерентную, – в силу отмеченности публикой (*petite phrase*), – и интенциональную ингерентную, риторически продуманную спичрайтерами или рожденную спонтанно самим политиком (*bon mot*): «В истории жанра есть две модели:

1) афоризмом становилась фраза исторического лица или персонажа, запавшая в сердца и умы слушателей (свидетелей, читателей, зрителей) и потому ставшая «крылатой» – т.е. повторяемой, тиражированной, транслируемой иногда через тысячелетия (как повеление Бога в конце первого дня творения: Да будет свет! (Быт 1, 3));

2) афоризм представлял собой фразу, которая была задумана автором именно как афоризм, т.е. как отдельное произведение данного жанра –

краткое и семантически ёмкое, мастерское создание словесного искусства, заключающее в себе «значительную» мысль (настолько значительную и настолько изящно выраженную, что автор предлагает ее вниманию публики)» [Мечковская, 2009: 81].

Такие ППФП рассматриваются в обыденной лингвополитологии как остроты («*bon mot*») и также составляют корпус «политических афоризмов»:

«*Si à 50 ans on n'a pas une Rolex, c'est qu'on a quand même raté sa vie*» (*Jacques Séguéla à propos de Nicolas Sarkozy en 2009*) («Если к 50-ти годам у тебя нет Ролекса, жизнь твоя не удалась» – Жак Сегела о Н. Саркози);

«*J'y pense le matin en me rasant*» (*Nicolas Sarkozy en 2003 sur sa possible candidature à l'élection présidentielle de 2007*) («Вспоминаю об этом, когда бреюсь по утрам» – Н. Саркози на вопрос, заданный в 2003 году об участии в будущих президентских выборах 2007 года) и т.д.

Таким образом, диапазон политического дискурса варьируется от безличного политического канцелярита к *идиосинкратичному* «здесь и сейчас» (идиоматичному, ситуативному, контекстуальному) персональному языку политика, отражающему его концептуальную (идеологическую) и языковую личность [Карасик, 2007; Караулов, 2007].

Более того, как следует из вышесказанного, политический дискурс в представлении французских медийных средств массовой коммуникации (СМИ, блоги, сети, мессенджеры) состоит из «идеологических атомов» – высказываний (фраз) политических деятелей, персонально ответственных перед обществом (избирателями) за результаты проводимой ими политики. Что подтверждает выдвинутую нами гипотезу (см. выше – Введение) об атомизации политического дискурса и его персонологической доминанте.

При этом политическая персонализированная фраза, принадлежащая тому или иному политическому актору (политику, партии, движению), становится фразеологической единицей политической лингвоперсонологии [Богин, 1984; Карасик, 2007. Чудинов, 2017; 2018].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

1. Исследования политического дискурса направлены на выявление связи между языком и его политическими реализациями в борьбе за власть и осуществление идеологического воздействия. Одной из ведущих парадигм политической лингвистики выступает критический анализ дискурса, направленный на выявление агональных и дискриминационных дискурсов, сквозь которые проявляются идеология и личностные качества (этос) политических персоналий – авторов этих дискурсов.

2. Актуальным аспектом лингвополитологии является оценка политического дискурса и его речезыковых средств с точки зрения обычных носителей языка (*locuteurs “profanes”*), их осмысление в обыденной (наивной) лингвистике. Наивная лингвополитология отражает метаязыковое общественное сознание, направленное на анализ причин влияния политического языка и языка политического воздействия на жизнь социума. общественная критическая заостренность на вопросах политического языка в его культурологической значимости для жизни национального социума позволяет говорить об идеологическом измерении лингвистической политологии, или о *лингвистической идеологии*

3. Одной из главных семантико-стилистических черт политического языка является его псевдореферентность – семантическая размытость и обобщенность содержания при максимально клишированном плане выражения (речевые стереотипы, канцеляризмы и т.п.). Совокупность отрицательных коннотаций, связанных с такими чертами политического языка, рождает критическое отношение к нему в обыденной лингвополитологии, выразившееся во французской критической номинации «*langue de bois*» («деревянный язык»).

4. Политическому канцеляриту свойственна **идеологическая идиоматичность**, то есть в узком смысле – неразложимость значения в широком смысле – сложность понимания, референциальная «непрозрачность», «фантомность», «фидеистичность». За «непрозрачными»,

«идиоматичными» стереотипами французского политического дискурса стоят *ad hoc*-концепты, формируемые интенциональностью говорящего субъекта, приобретающие смысл только в контексте их употребления «здесь и сейчас».

5. Политическая *дискурсивная фразеология* составляет один из уровней языкового анализа политического дискурса и включает в себя такие типы фразеологизмов, как традиционные ФЕ, политическая афористика (памятные фразы, призывы, лозунги) и т.д. Особым разрядом политической фразеологии, составляющим предмет исследования, являются предикативно-сентенциальные **фразеопаремические речевые единицы**, отличающиеся идеологической идиоматичностью, вызывающие коннотативно окрашенную интерпретацию в общественном сознании, характеризующую их автора (политического деятеля) – «черномырдинки», «бушизмы», «ширакизмы», «макронизмы» и т.д.

6. Политический авторизированный дискурс подвержен атомизации: имеет способность распадаться на отдельные фрагменты (фразы), которые сами становятся определенного рода фразеологическим текстом идеологической и персонологической функциональности. Высказывание политика становится дискурсивным событием в новостной повестке средств массовой коммуникации в двух ипостасях – «он-лайн» (информационно-аргументативной) и «офф-лайн» (фразеопаремической). В контексте обыденной лингвополитической метадискурсивной рефлексии цитаты политика «офф-лайн», отделяясь от *генетического* дискурса и приобретая формальную целостность и идиоматичность, становятся эмблематическими знаками, своего рода квазиафоризмами, создающими речевой имидж, «фразеологический портрет» политического деятеля.

7. **Политическая персональная фразеопаремия** есть эманация политического дискурса, социально значимая, текстуализированная и меморизированная монофрастическая структура, устойчиво воспроизводимая (меметизируемая), изначально отмеченная четкой авторской

принадлежностью (авторизованностью), получающая дополнительную субъективную оценочную интерпретацию, прямо или косвенно характеризующую её автора.

8. Меморизация фраз политиков происходит исключительно **благодаря обыденной лингвополитологии** – общественной медийной мета-лингвоидеологической рефлексии, воплощенной и тиражируемой средствами массовой коммуникации (печатные и электронные СМИ, блоги, мессенджеры и проч.). Идиоматика таких «квазиафоризмов» связана с *эпатажностью* (шоковостью, пуантированностью) для аудитории «здесь и сейчас» и когнитивной салиентностью (релевантностью, общественной значимостью). Во внутреннюю форму таких квазиафористических *мемов* (в той или иной мере) входит не только обязательная авторская принадлежность, но и ситуативная прецедентность (историческая ситуативность) и вытекающие из них значимости: *историческая ситуативность, аномальность, гелотогенность и/или парадоксальность, тропеичность, оценочность* (персонологическая аксиология), *эпатажность* («пуантированность») формы плана выражения и/или плана содержания. В основе их фразеологизации лежит *идеологическая концептуализация* – широкий диапазон не семантических, но когнитивно-прагматических *интерпретационных преобразований*.

9. Мы определяем языковой фразеологический статус рассматриваемых в работе единиц следующим термином: авторские политические фразеопаремические идиомы, или **персональные политические фразеопаремии (ППФП)**. **Политическая фразеопаремия (ПФП)** – текстуализованный фрагмент политического дискурса, имеющий, как правило, известный источник (авторизацию) и выполняющий определенные дискурсивные функции. В данных определениях четко прослеживается встроенность ППФП в дискурсивное пространство и материальная автономность, самодостаточность и текстуальность фразеопаремии. Актуальность, событийность и эфемерность ППФП как однофразового

текста, т.е. его «он-лайн» дискурсивность, отличает политическую фразу от стандартной паремии (пословицы, афоризма): политическое высказывание имеет актуальный референт в виде пропозиции о событии (положении дел) или факте, актуальных «здесь и сейчас». Воспроизводимость ППФП, в отличие от паремии, может быть эфемерна, краткосрочна, релевантна не для широкой (национальной) «универсальной аудитории», а для узкого круга «частной аудитории» – политиков, их оппонентов, журналистов. Сама политическая фраза *творится* в актуальном дискурсе «здесь и сейчас», а потом, меморизируясь и воспроизводясь, становится фразеологической идиомой и паремией – ППФП.

10. **Персональная политическая фразеопаремия** (ППФП) отличается конститутивными, связанными между собой категориальными признаками: 1) дискурсивность: актуальность/событийность (контекстуальность) и эфемерность; 2) (де-)текстуализация и метатекстуальность; 3) пуантированность и меморизация (афоризация); 4) медиатизация и редискурсивизация; 5) меметизация и прецедентность.

11. К основным **дискурсивным функциям** политической фразы можно отнести: 1) референциально-информационная; 2) аргументативно-интертекстовая (прецедентная); 3) мотивационная (экспрессивно-оценочная положительная); 4) демотивационная (экспрессивно-оценочная отрицательная).

12. Будучи однофразовым текстом, ППФП вбирает в себя практически все характеристики монофразового текста и его функциональной качественной типологии: 1) имманентный текст (в корпусе транспонированного дискурса); 2) текст в тексте; 3) текст из текста; 4) метатекст, т.е. текст о тексте.

13. Процесс меметизации (меморизации и медиатизации) основан на стереотипном тиражировании свернутого до формулы «нарратива» в СМИ, сопровождается редукцией формы плана выражения: из ситуативного контекста дискурса текстуализируется фраза.

14. В качестве фильтра, отсеивающего обычные высказывания от фразеопаремий, можно отметить следующие качественные условия меметизации: 1) аномальность плана выражения и/или плана содержания; 2) реинтерпретация, полифония; 3) гелотогенность (смехопорождение); 4) актуальность, ситуативность; 5) имагогенность (формирование имиджа); 6) аксиологическое фокусирование; 7) провокативность, интерпретативная профанация; 8) жанровость и медийность (популярность, востребованность); 9) деинституализация, десакрализация (демотивация).

ГЛАВА II. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЯ КАК МЕТОД КРИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

2.1. Критическая лингвистика и политическая лингвоперсонология

Личность политика представляет собой прежде всего профессиональную личность, которая обладает определенным набором, или комбинаторикой индивидуальных характеристик и институциональных, то есть связанных с профессиональной средой (политическим институтом) проявлений коммуникативной деятельности личности. Языковая личность как совокупность коммуникативно-речевых проявлений носит многомерный характер. Исследователя лингвоперсонологии привлекают **элитарные персоны**, играющие различные роли в политической жизни страны, – лидеры партий, депутаты, министры, руководители регионов, духовные лидеры и, конечно же, прежде всего первые лица государства – президенты [Гаврилова, 2006; Островская, 2015; Романова, 2009; Седых, 2016].

Вокруг каждой политической персоны создается аура его речей, выступлений, заявлений, высказываний. Как правило, она фиксируется теми или иными средствами массовой коммуникации. Даже устные заявления получают комментарии в прессе или в социальных сетях Интернета. Совокупность высказываний политика формирует его **персональный дискурс**, который можно исследовать по всем канонам дискурсивной теории.

Е.С. Кубрякова выделяет следующие направления **исследования дискурса**:

1. структурно-синтаксический подход, когда дискурс практически приравнивается к тексту или соответствует его фрагменту;
2. коммуникативный подход рассматривает дискурс как вербальное общение, диалог, функционирование языка в речи, употребление;
3. структурно-стилистический подход исследует дискурс как нетекстовую организацию речи, которая характеризуется ситуативностью,

спонтанностью, господством ассоциативных связей и высокой контекстуальной зависимостью [Кубрякова, 2004: 75].

Последний подход можно назвать прагматическим, так как прагматика речи отражает ситуативность употребления и интерпретации языковых единиц и высказываний [Гак, 1998: 525].

Когнитивно-прагматический подход, исследующий интерпретацию языковых и речевых единиц, применяется в нашей работе, что, однако, не означает отказ от семиотического и функционального подходов, ибо они дополняют друг друга.

Так, коммуникативный подход является основой представления дискурса как отражения идеологии и власти [Бурдые, 1993; Дейк, 2013], которое в свою очередь является базисом для критического анализа дискурса (КАД) – направления, положившего начало критической политической лингвистике и известного как *Critical Discourse Analysis* (CDA) [Дейк, 2013; Dijk, 2015; Fairclough, 2018].

КАД – это совокупность исследований, которые в первую очередь изучают властное доминирование, осуществляемое посредством дискурса, ведущее часто к злоупотреблению социальной властью, к легитимации и воспроизводству дискриминационного дискурса [Dijk, 2015].

Ван Дейк отмечает, что аббревиатура *CDA* употребляется в силу исторической привычки, хотя, по сути, проводимые штудии необходимо назвать «*critical discourse studies (CDS)*» – «**критические исследованиями дискурса**», объединяя этим термином все ведущиеся исследования политического и социального дискурса [Dijk, 2015: 466]. Другой основоположник КАД – Н. Фэрклаф – считает целью критики восстановление диалектических связей между дискурсом и действительностью, называя социально-политическую лингвистику *критической лингвистикой* [Fairclough, 2018].

Анализируя работы критической политлингвистики, Н. Фэрклаф выделяет несколько основных принципов критического дискурс-анализа (CDA):

- «1. Дискурс – это форма социального действия.
2. Отношения власти являются дискурсивными.
3. Дискурс составляет общество и культуру.
4. Дискурс выполняет идеологическую работу.
5. Дискурс является историческим.
6. Связь между текстом и обществом опосредована дискурсом.
7. Дискурсивный анализ носит интерпретативный и объяснительный характер.
8. CDA решает социальные проблемы» (цитируется по [Никифорова, 2003]) (ср. [Dijk, 2015]).

КАД позиционирует себя как критический социальный анализ, направленный на борьбу с социальным неравенством и дискриминацией для того, чтобы «говорить правду власти». Цель КАД – дать основу для этической оценки и критики политики и политиков. При этом, как отмечает Н. Фэрклаф, этические оценки, выносимые КАД, не всегда являются объективными, зависят от широкого политического контекста, от оценок аудитории и СМИ [Fairclough, 2018]. Этическая оценка соответствующих дискурсов привязана к историческому моменту и носит прагматический характер. Она исторически и субъективно обусловлена: политики могут быть искренними в своих выступлениях, но, тем не менее, не выдерживают проверку «широкой аудиторией» [Fairclough, 2010: 45].

Прагмалингвистический подход, развивающийся в критической лингвистике, выделяет четыре задачи критического исследования дискурса:

- 1) описание отношений между текстом, интеракцией и дискурсивной практикой;
- 2) выявление структурных особенностей дискурсивных практик;

3) интерпретация и объяснение функциональных характеристик дискурсивных практик;

4) выявление асимметрии в отношениях различных составляющих структурных и функциональных элементов дискурсивной практики (субъекты, пропозиции, речевые и аргументативные ходы и т.д.) [Гаврилова, 2015а: 265].

2.2. Политический имидж как функциональная среда персональной политической фразеопаремии (ППФП)

Политическая персонология является центральным функциональным кластером и активно развивающейся областью общей и политической лингвистики [Карасик, 2007; Моисеенко, 2020б; Чудинов, 2017; 2018], восходящей к теории языковой (коммуникативной, речевой) личности [Караулов, 2007; Карасик, 2002; Стернин, 2018]. Аспекты лингвистической персонологии достаточно разнообразны, междисциплинарны и сводятся к следующим основным направлениям:

- идиолект политика (фонетические, лексические, фразеологические особенности речи, идиостиль, «речевой портрет» и т.п.);
- дискурс политика (риторико-прагматические стратегии и тактики речи политика, концептуальные метафоры, контент-анализ и т.п.);
- речевой/коммуникативный имидж политика («заимствован лингвистикой у имиджелогии, науки о формировании определенного представления группы людей о том или ином субъекте / объекте» [Чудинов, 2017: 23]).

Мы рассматриваем пересечение этих аспектов сквозь призму проблемы персонального vs институционального речевого образа политика, выступающего в качестве *субъекта* и *объекта* политического дискурса.

Методологической особенностью нашего исследования становится семасиологический подход к рассмотрению речезыковых форм, являющихся категориальными признаками делокутивного имиджа не столько

конкретного политика (индивидуальный «речевой портрет») [Романова, 2009], сколько совокупного речевого имиджа французского политического класса.

Лингвистическая персонология фокусируется на конструировании речевого портрета коллективного или индивидуального субъекта – продуцента политического дискурса. Речевой портрет политика строится на основании различных аспектов и подходов к его исследованию [Ольшанский, 2003; Романова, 2009]. В данной работе устанавливается когнитивно-семиотическая дискурсивная модель формирования коллективного речевого имиджа современной политической элиты Французской республики через анализ интерпретативной составляющей политического дискурса [Алферов, 2020а,в].

Вышедшая из учения о языковой личности [Караулов, 2007], отечественная лингвополитическая персонология разрабатывается также на почве политлингвистики – науки о политической коммуникации [Чудинов, 2006].

Языковая личность как категория лингвоперсонологии является базовой для политической лингвоперсонологии в том смысле, в котором её определил стоявший у истоков отечественной лингвоперсонологии Ю.Н. Караулов. В его определении языковая личность – это:

«Любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [Караулов, 2007: 19]

Многие отечественные лингвисты, такие как И.Т. Вепрева, М.В. Гаврилова, Н.Д. Голев, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, А.П. Седых, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал не только внесли существенный вклад в развитие науки о политической коммуникации, но и уделяли пристальное внимание языковой личности политика (ср. [Гаврилова, 2017; Карасик, 2007]). В

отечественной лингвистике проблема речевого имиджа зиждется на плюралистическом представлении о говорящем субъекте как о *языковой личности* [Караулов, 2007], *словарной личности* [Карасик, 1994], *коммуникативной личности* [Стернин, 2018], *эмоциональной личности* [Нерознак, 1996] и *дискурсивной личности* [Болдырев, 2018б; Карасик, 2007]. В этих ипостасях отражаются подходы и фокусы исследования, взаимодополняющие друг друга. В работах отечественных ученых создан целый ряд терминов, обозначающих предмет исследования политической персонологии: *речевой идиостиль политика*, *риторический портрет*, *языковой образ*, *коммуникативный имидж политического лидера* [Чудинов, 2018].

Коммуникативное поведение, создание политических **«речевых масок»**, используемых политиками с целью влияния на избирателей, становятся предметом дискурсивных исследований политической лингвоперсонологии [Островская, 2015; Чудинов, 2017; 2018; Шпильман, 2006].

Коммуникативное поведение определяется социальным статусом политического лидера, зависит от тех стратегий и риторических приёмов, которые он использует в своих выступлениях [Стернин, 2018]. В отечественной и зарубежной политической лингвистике исследуется **риторическая личность** политика [Колесникова, 2015] и представляются характеристики его **этоса** (социального статуса, этического портрета, харизматичности и т.д.), **логоса** (манеры убеждения, качества ума и логического рассуждения, аргументации) и **пафоса** (тактики и стратегии воздействующей речи, эмоциональность, манипулирование аудиторией, соблазнение, поощрение интересам слушающих и т.д.) [Шейпак, 2015; Amossy, 1999].

«Риторическая личность» как термин лингвоперсонологии, по мнению специалистов, в наибольшей степени отражает идеи Аристотеля и

риторической традиции в политической дискурсологии [Amossy, 2010]. По определению Л. Н. Колесниковой:

«Риторическая личность – это видовое понятие языковой личности. Риторическая личность – это языковая личность, риторически образованная, обладающая риторической культурой, эффективно воздействующая и взаимодействующая с аудиторией своим словом, нравом, образом» [Колесникова, 2015: 43].

Таким образом, корреляцию различных ипостасей дискурсивной личности можно представить в виде следующей типологии (от общего к частному, от рода к виду):

- **языковая личность** (совокупность средств выражения, присущих носителю языка);
- **речевая личность** (проявление тех или иных приёмов, синтаксические обороты, речевые привычки и манера общения);
- **коммуникативная личность** (целостное восприятие субъекта коммуникации как субъекта его коммуникативного поведения);
- **риторическая личность** (умения и навыки воздействия на аудиторию, восприятие личности в совокупности его этоса, логоса и пафоса) (ср. [Колесникова, 2015]).

Интересную параллель между языковой и риторической личностью проводят исследователи, которые связывают *риторическую личность* с понятием «*речевой маски*», как персонального **имиджа**, который создает **сам дискурсивный субъект** в общении с аудиторией. При этом, если языковая личность ориентирована на **сознательный и несознательный выбор языковых средств**, которые являются продуктом употребления тех или иных идиолектно частотных лексических и фразеологических фрагментов языкового фонда, то «речевая маска» конструирует своё речевое поведение, чаще всего, путем отталкивания от собственной манеры речи, изменяя её в зависимости от целей и обстоятельств коммуникации [Шпильман, 2006: 56].

Понятие «речевая маска» связано, в большей степени, со стратегией «имитации речевого поведения», отличного от содержания собственной «языковой личности». Следуя концепции М.В. Шпильман:

«коммуникативная стратегия «речевая маска» выполняет следующие основные функции, которые зачастую реализуются комплексно:

- 1) манипулятивную;
- 2) имиджеобразующую;
- 3) игровую;
- 4) функцию самовыражения (самореализации)» [Там же: 11].

Данные функции требуют особых языковых средств на уровне лексико-фразеологических вербализаций – они являются областью «эксперимента» и «семантико-прагматических модификаций».

С другой стороны, существует восприятие «речевой маски» аудиторией, адресатом. Постоянно в коммуникации происходит оценка свойств «изображаемой» языковой личности и её речевого поведения (напр., излишняя эмоциональность, неуверенность, импульсивность, речевая агрессия vs харизматичность, уверенность, чувство юмора и т.д.). Происходит оценка её выбора эмотивно-оценочных единиц, вводно-модальных элементов, синтаксических конструкций, оборотов речи, с точки зрения их содержательности, логичности, уместности и т.д. В конце концов, возникает «языковой и психологический портрет», который рисует адресат (аудитория) в своем восприятии той или иной риторической личности. Многие исследователи связывают понятие «речевой маски» и «языкового и психологического портрета» с понятием «имидж» и «речевой имидж» [Гришаева, 2009; Кубрякова, 2012].

Операциональная редукция понятийной множественности говорящего субъекта происходит в единой функциональной категории – ИМИДЖЕ как ментальной концептуальной репрезентации субъекта речевой деятельности [Гавра, 2013; Гришаева, 2009; Карасик, 2002; Кубрякова, 2012; Тамразова, 2021].

В трактовке Е.С. Кубряковой «имидж — это то, кем или чем хочет выглядеть (казаться) объект в глазах окружающих», это специально создаваемый образ, «маска». В политических ситуациях формирование и поддержание имиджа направлено на обман, «на достижение исключительно внешнего эффекта, т. е. имидж оборачивается маской, надеваемой человеком в каких-то корыстных целях» [Кубрякова 2012: 171].

Е.С. Кубрякова отмечает, что концепт ИМИДЖ отличается от принятых в русской культуре концептов «мысленный образ», «представление», «символ» и до сих пор воспринимается как излишний элемент в лексике русского языка¹³. Тем не менее, слово «имидж» прочно вошло в язык со своим определенным содержанием, которое, по определению Кубряковой, сводится к следующему:

«Имидж на самом деле – это образ, или знак, который по тем или иным причинам предназначен для замещения реального объекта или личности, способен представлять некую организацию или лицо в диапазоне от государства и иных властных структур до характера и облика человека в восприятии и мнении других людей» [Там же: 69].

Таким образом, Е.С. Кубрякова подчеркивает знаковый характер понятия имиджа. При этом необходимо принять во внимание трехстороннюю сущность имиджа как семиотической единицы. Говоря о семиотике имиджа, должно обратиться к семиотической триаде Ч.С. Пирса. В его представлении есть три составляющие семозиса: тело знака, референциальный объект и интерпретанта [Пирс, 2000]. В нашей перспективе означаемым [Соссюр, 1990], или «телом знака» (Пирс), можно считать внешние проявления имиджа (речь, поведение, внешний облик, социальный статус и т.д.);

¹³ «Интересно отметить, что в современном употреблении слову *имидж* все чаще приписывается негативное значение именно из-за расхождения между тем, кем является человек (объект) на деле, и тем, кем он хочет казаться, или тем, какой образ он стремится представить. Имидж, таким образом, становится скорее обозначением маски человека, той роли, которую он хочет или вынужден играть» [Кубрякова, 2012: 170].

означаемое – это мысли, идеи, идеология и концептосфера человека как референциальное (внутреннее) содержание этоса-имиджа, совокупное суждение о нём окружающих; третьим и *главным элементом* семиозиса имиджа становится *интерпретанта* как свойство знака-имиджа-человека быть интерпретируемым [Пирс, 2000; Потенбня, 1999].

Интерпретанта определяет, как план выражения (речь, речевое поведение) соединяется с планом содержания – идеологией, какова мотивация внутренней формы знака-имиджа, почему, в нашем случае, тот или иной политик считается «хорошим» или «плохим».

Это понимание представляет имидж как совокупность трех составляющих: **объекта** (содержания), **знака-репрезентатива** (которым может быть любое внешнее представление объекта-содержания) и **интерпретанты** – способности знака быть интерпретированным. По мнению Е.С. Кубряковой, *«интерпретантой знака может выступать тот эффект, который знак производит»* [Кубрякова 2012: 171 – курсив наш – А.Я.].

Нам представляется, что имидж амбивалентен. Он создается по воле человека («маска») и помимо его воли, понятийно расширяясь до совокупной концентрации свойств и оценок человека, воспринимаемых и отчасти формируемых окружающими его людьми.

Французский политический дискурс становится областью исследований в лингвистике последних лет с акцентированием речевого поведения французской политической элиты, стратегий массмедийного дискурса в оценке персонального дискурса политической элиты [Chekmenev, Yakusheva, 2021; Kerbrat-Orecchioni, 2017].

Во французской дискурсивной лингвистике речевое поведение политиков всегда занимало одно из центральных мест в исследованиях политического дискурса [Charaudeau, 2012; Deias, 2020; Desproges, 1985; Foucault, 1994; Durnova, 2013; Hagège, 1985; Iduy, 2017; Kerbrat-Orecchioni, 2012; Krieg-Planque, 2018; Maingueneau, 2009]. Понятие этоса, развиваемое на основе традиций классической и неориторики [Amossy, 1999; 2010; Eggs,

1999; Maingueneau, 2014], во французской лингвистике становится аналогом понятия «языковая личность» с акцентом на риторико-аргументативный потенциал персонального дискурса [Amossy, 2010; Maingueneau, 2009].

Идею Аристотеля о взаимодействии Этоса, Логоса и Пафоса можно представить в виде особой воображаемой шкалы, представляющей взаимоотношения Логоса как рационального осознанного речевого поведения, Этоса как влияния социального и личностного статуса субъекта коммуникации и Пафоса как эмоционально-волевого воздействия посредством риторических приёмов на аудиторию [Тамразова, 2021].

Этос, по Аристотелю, воздействует через образ ратора, его качества – ум, рассудительность, сдержанность, решительность хитрость, твердость, развязанность, уступчивость и т.д. Таким образом, **этос – речевой образ** (*image*) говорящего субъекта как медийного персонажа, риторической личности, который отличается от его реальной языковой личности [Аристотель, 1978; Желтухина, 2004; Зарецкая, 1999; Карасик, 2002; Островская, 2015; Пефтиев, Бойчук, 2020; Рождественский, 1997; Amossy, 1999; Charaudeau, 2012; Maingueneau, 2002; Perelman, 1983].

Идеальная модель этоса, соответствующая идеальной нормативной риторической личности, не реализуема в современных условиях речевого взаимодействия. Некоторые обстоятельства, например, условия политической коммуникации не позволяют оратору следовать всем правилам риторической этики, политическая риторическая личность ставится в условия ситуативной и контекстуальной зависимости её этоса от агональности, враждебности политической коммуникации [Amossy, 1999].

С точки зрения отечественных ученых, специалистов по риторике, этос предполагает прежде всего риторическую нормативность и деонтологию речевого воздействия, которые «общество навязывает ратору» [Волков, 2015: 79].

В современных исследованиях выделяется, как минимум, два типа этоса говорящего субъекта – *Этос дискурсивный* и *Этос демонстрируемый*,

то есть *вербальный* и *невербальный* этос, этос внутри дискурса – дискурсивный и визуальный, внешний – *экстрадискурсивный* этос [Maingueneau, 2002]. Первый – это образ говорящего, который создается его речью, второй – это этос поведенческий, который отражает самопрезентацию стоящей за речью персоны [Гофман, 2000; Гофман, 2009; Maingueneau, 2002].

Дискурсивный Этос может проявляться спонтанно, ненамеренно, отражаясь в эмоционально-оценочной лексике, синтаксических конструкциях, в выборе модальных конструкций и т.д. [Kerbrat-Orecchioni, 2002: 32].

Политическая коммуникация в вопросе об **имидже публичной персоны** осложняется тем, что между *политическим классом*, **политической элитой** и **гражданским обществом** складываются противоречивые отношения. Между элитой и гражданами возникает «конфликт интересов», социополитические конфронтации, выражающиеся в негативной оценке политической элиты гражданским обществом [Алферов, Якушева, 2018; Красин, 2012; Островская, 2015].

В самом упрощенном представлении под политической элитой или политическим классом принято понимать участников политического процесса – государственных функционеров, которые относятся к «элитным группам» государства [Бурдые, 1993; Островская, 2015].

«Гражданское общество» – это контролирующий субъект, критически настроенный по отношению к политическому классу, в силу противоречий между стремлением расширить гражданские права и ограничить власть политических элит [Дейк, 2013; Красин, 2012]. Гражданское общество оценивает действия политического класса и активно формирует имидж политиков, отражающийся прежде всего в средствах массовой информации, но также и в социальных сетях, блогосфере и т.п. Чаще всего оценке подвергаются высказывания, заявления, декларации и другие речевые и законодательные акты политических деятелей – представителей законодательной и исполнительной власти, лидеров больших партий и т.п.

Таким образом, гражданское общество посредством публичной коммуникации (СМИ, социальные сети и т.д.) формирует **делокутивный имидж** политических элит, используя персональный дискурс как аргумент в своей критической оценке политического этоса, логоса и пафоса политиков. Главную роль в этом играют печатные и электронные средства массовой информации, делающие достоянием широкой публики критическую лингвополитологию.

Вслед за И.Г. Тамразовой, мы рассматриваем *делокутивный* (от речи) *имидж* политика как соединение двух ипостасей – *ингерентного* речевого имиджа, создаваемого самим субъектом политического дискурса, и *адгерентного* имиджа, опосредованного цитацией высказываний политика как имиджевого объекта:

«Ингерентный делокутивный имидж (этос) формируется самим говорящим, адгерентный имидж, в конечном итоге, есть результат оценивания имиджа оратора аудиторией, который закрепляется в общественном сознании и мнении посредством массмедиа» [Тамразова, 2021: 245 – выделено нами – А.Я.].

Делокутивный имидж – это знак, который по сути формируется всем «предыдущим дискурсом» политика с той или иной «интерпретантой» аудитории или комментаторов в лице журналистов или исследователей. Таким образом, делокутивный имидж – это речевой портрет политика, отражающий его языковую, речевую и риторическую личность, или «речевые маски», которые использует политический деятель для построения своего делокутивного имиджа.

Семиотическая сущность делокутивного имиджа (интерпретанта) имеет две стороны: интенционально-рефлексивную и интенционально-интерпретативную. Первая формирует *ингерентный имидж* политической персоналии – то, как политик «видит» и создаёт свой речевой имидж сам или с помощью PR-специалистов, формирующих его «риторический этос, логос и пафос» [Тарасова, 2013; Amossy, 2010].

Вторая характеристика отличает *адгерентный делокутивный имидж* – то, как воспринимаются и интерпретируются отдельные высказывания политика или его речевое поведение в целом разнообразной аудиторией – сторонниками и противниками из политического класса и/или электората.

Исследуя политический дискурс, мы имеем дело с конкретными политическими персоналиями и с совокупным политическим дискурсом. Поэтому можно следовать двум перспективам исследования: ономасиологической – от персоналии к её дискурсу [Худяков, 2018; Чудинов, 2017;] и семасиологической – от дискурса к созданию делокутивного образа персоналии [Гришаева, 2009; Нерознак, 1996] или определенной группы персоналий [Патрушева, 2011]. Следуя семасиологической перспективе, мы не идем путём исследования персонального дискурса конкретного политика (президента, губернатора, парламентария) [Чудинов, 2017; 2018], а через изучение отдельного речезыкового феномена – персональной политической фразы с её внутренними характеристиками (метафорикой, тропеистикой и т.д.) [Будаев, Чудинов, 2014; Желтухина, 2004]) характеризуем коллективный политический делокутивный имидж, состоящий, тем не менее, из персональных дискурсивных *локуций* – высказываний-мемов, современной политической элиты. Важным аспектом персонологии становятся «опредмеченные» высказывания политиков, существующие, по выражению А.А. Кибрика, в двух режимах – «офф-лайн» и «он-лайн» [Кибрик, 2015], представляемые в статике и динамике.

В первом случае речь идет о совокупности высказываний политика, составляющей его речевой портрет [Худяков, 2018], делокутивный имидж [Тамразова, 2020], с одной стороны, и составлении номенклатуры таких высказываний, превращение их в особый медийный жанр политического квазиафоризма (мема) и т.д. (см. выше).

В «он-лайн» коммуникации передаваемая речь политика (*discours rapporté* [Caillat, 2016]) – высказывания-цитации, выполняют роль аргументов в речевом взаимодействии «здесь и сейчас», например, в

информационных сообщениях в СМИ, в политических дебатах, в критических выступлениях оппонентов или хвалебных речах сторонников с целью поддержки политического имиджа [Гришаева, 2009: 294 Kerbrat-Orecchioni, 2012;].

В таком понимании политическая фраза меметизируется не случайно. Ведь **политическая фразеопаремия – это мем** [Brodie, 2009]. А, по определению родоначальника меметики Р. Докинза, мем – это ген памяти [Докинз, 2013; Blackmore, 2000; Bonenfant, 2014], **вмещающий в себя, а также порождающий и формирующий, в нашем случае, все достоинства и все пороки политического языка** (*langue de bois*).

Ингерентная порождающая интенциональность и адгерентная интерпретативная интенциональность высказываний-мемов, как правило, не совпадают. Иногда словам политика намеренно или ненамеренно придается определенный смысл, не соответствующий речевой интенциональности автора.

Таким образом, вслед за исследователями, мы можем разделить имидж на **внешний** («адгерентный») и **внутренний** («ингерентный») [Тамразова, 2021].

Внешний имидж – это то, какое впечатление производит на аудиторию тот или иной носитель имиджа. В политической имиджологии существуют исследования, в которых представлены образы политических персонажей, получающие метафорическую характеристику в виде условных ролей, которые эти персонажи исполняют. По мнению многих исследователей, политику приходится выполнять именно ту роль, которую он берет на себя, и которую навязывает ему аудитория – журналисты, избиратели, население (народ). Е.Н. Зарецкая выделяет следующий набор имиджевых ролей, или персональных типов – «типажей политика»: «АСКЕТ, МЫСЛИТЕЛЬ, ПРОФИ, РОМАНТИК, РЫЦАРЬ и ХОЗЯИН» [Зарецкая, 1999].

Д.В. Ольшанский предлагает другой набор ролей. Самая распространенная роль политика, принадлежащего политической элите –

«Властелин» или «Сталин», что соответствует роли ХОЗЯИН в классификации Е.Н. Зарецкой. Далее Д.В. Ольшанский выделяет роль «Отличник», принадлежащую человеку, который хочет показать своё соответствие идеальному образу государственного деятеля, в частности, соответствующего понятию о современном руководителе («технологичному менеджеру»), приверженцу демократических ценностей в глазах не только собственного народа, но и мирового сообщества (например, Д.А. Медведев). Еще один тип политика, выделяемый Д.В. Ольшанским, – «Сподвижник» или «Боярин». Такой тип государственного деятеля характерен для ближайшего окружения первого лица государства. Это образ политика, подчеркивающего соответствие идеалам и программе правящей партии, личной преданности руководителю (например, Р.А. Кадыров). Наконец, тип «Одиночка», который иногда появляется в политической элите. Для него нет необходимости заявлять о своей преданности политическому руководству, он, как правило, профессионал в своей сфере деятельности, имеющий непререкаемый авторитет в силу своих профессиональных достижений и репутации заслуженного профессионала, что соответствует персонажу ПРОФИ в классификации Е.Н. Зарецкой. Таков, например, образ министра иностранных дел России С.В. Лаврова (ср. [Ольшанский, 2003: 365–366]).

Исследования индивидуального или группового речевого портрета в политическом дискурсе направлены на идентификацию структуры и системных факторов формирования речевого имиджа политика или политиков, создаваемого как самими политическими субъектами, так и их окружением – соратниками и противниками, СМИ и сетевыми интернет-коммуникациями.

Речевой портрет политика наиболее достоверно проявляется в устных формах политического дискурса – интервью, пресс-конференции, ток-шоу.

Однако объективную картину деловитивного имиджа можно составить и по выступлениям самого политика в средствах массовой информации, в его Интернет-ресурсах – сайтах, блогах, мессенджерах. Формирование имиджа

политика в сети Интернет составляет политический медиадискурс, который играет важную роль в организации политической жизни страны так же, как СМИ.

Таким образом, в нашем исследовании мы высвечиваем три составляющие делокутивного имиджа отдельных представителей политической элиты Франции:

- 1) **адгерентный апеллятивный имидж политика;**
- 2) **лексико-креативный делокутивный имидж политика;**
- 3) **фразеологический делокутивный имидж политика (Гл. III).**

2.3. Адгерентный апеллятивный имидж политической персоналии

Вслед за А.В. Алферовым мы определяем речевой статус политической персоналии (этос политика) как элемент (атом, концепт) в политическом концептуальном пространстве – политической концептосфере [Алферов, 2020б]. Семиотическое содержание имиджа коррелирует с его когнитивной значимостью (смыслом). А.В. Алферов отмечает:

«Невозможно представить себе политическую концептосферу без образов политиков, которые воспринимаются как когнитивные образ-схемы – не всегда дифференцированные, холистические совокупности представлений и знаний, объединенные под именем-актуализатором [Якушева, 2014]. Знаковый политический персонаж приобретает черты концепта (ядро, периферию, концептуальную область, многоуровневую структуру, интенциональность, выделенность конкретных единиц и фокусность – концентрацию внимания на определенных эпизодах и т.д.)» [Алферов, 2020б: 56].

Упомянутое в цитате и описанное нами в указанной работе [Якушева, 2014] имя-актуализатор персонального политического концепта также имеет ингерентное и адгерентное выражение. В ингерентном выражении оно в целом совпадает с официальным и/или обыденным онимом – титулом и/или именем и фамилией политического деятеля (*Президент Российской*

Федерации Владимир Владимирович Путин, *Président de la République Française Emmanuel Macron*), которое может протокольно-этикетно и ситуативно варьироваться (*г-н Путин, М. Macron, М. Président, etc.*) [Якушева, 2014].

Адгерентная номинация *персонального политического концепта* ПУТИН / МАКРОН / ТРАМП /... и т.д. приобретает **аксиологическую функцию**, оказывающую влияние на персональную онимо-номинацию (ср. [Телегина, 2021; Фененко, 2019]. Прежде всего это относится к многочисленным во французском политическом дискурсе субстандартным апеллятивам (прозвищам) [Якушева, 2014].

Многообразие представленных в медийной среде субстандартных онимов политиков является типологической чертой французской политической коммуникации, заслуживающей отдельного предметного исследования, начатого в [Якушева, 2014]. Не будучи паремиями, прозвища, тем не менее, имеют меметический характер и медийное происхождение и бытование. Приведем лишь некоторые иллюстрации, составляющие адгерентный речевой имидж французского политического класса.

Прозвища политиков отражают либо отношение к качествам этоса политика, либо, чаще всего, они связаны со **звуковым образом его имени и фамилии** (ср. [Булгакова, 2016]). Здесь самый простой и формальный способ наименования – аббревиатура: *Valéry Giscard-d'Estaing* – «*VGE*», *Michèle Alliot-Marie* – «*MAM*»; *Dominique Strauss-Kahn* – «*DSK*»; *Nathalie Kosciusko-Morizet* – «*NKM*».

Французские имена позволяют видоизменять звучание: *Bernard* – *Nanar*; *André* – *Dédé*, *Dominique* – *Dodo*, например, Доминик Стросс-Канн известен и как «*Gros Dodo*» (Большой Додо), Бернар Тапи (*Bernard Tapie*) как «*Nanar*»; *Jean-Pierre Raffarin* – как «*Raff*». Кроме того, широко используются апокопы – усечение конца слова, в данном случае – имени и /или фамилии: *Jacques Chirac* – «*Chichi*», «*le Chi*»; *Françoise de Panafieu* –

«*Panaf*»; *Bernard Kouchner* – «*Koukouche*» (осложнение редупликацией); *Valéry Giscard-d'Estaing* – «*Valy*»; *Ségolène Royal* – «*Ségo*».

Иногда качества политика выступают **внутренней формой в языковой игре** на основе звучания его фамилии. Так, например, Кристин Лагард – бывшего министра экономики Франции – назвали в прессе «*Christine Lagaffe*»¹⁴, а Жана-Пьера Раффарена (*Jean-Pierre Raffarin*) – «*Raffarien*»¹⁵. Активно выступающий оппозиционер, Жан-Люк Меланшон, часто использующий обвинительный тон и критикующий власть, получает уничижительное прозвище по созвучию с его фамилией на основе перестановки слогов (каламбур-метатеза) – *Mélenchon* – «*Méchant Con*» (досл. – злой дурак). А известный политик Марк Лё Фюр (*Marc Le Fur*) получил прозвище «*le Führer*» («Фюрер») [Якушева, 2014].

Еще одним типом прозвищ во французском политическом дискурсе СМИ являются прозвища, содержащие реминисценции к историческим личностям, имеющим коннотативную окраску (оценочное значение), в свете их собственных качеств или действий, а также похожих событий в политической истории. Так, Кристин Лагард (*Christine Lagarde*) становится «*Marie-Antoinette*», Arlette Laguiller – «*La Saint-Just des Trotskistes*», Ségolène Royal – «*Jeanne d'Arc*», Guillaume Bachelay – «*Guimauve Le Conquérant*».

Среди французских политиков первое место в прозвищах и производных от своей фамилии занимает **Николя Саркози** (*Nicolas Sarkozy*). Приведем лишь несколько примеров:

– **прозвища политика:** *Super-Sarko*, *Tsarkozy*, *Starkosy*, *Sarkow-boy*, *Sarkowboy*, *Sarkozye*; «*Iznogoud*», «*Speedy Gonzalez*», «*Naboléon*»;

– **противники и уничижительные «ники»:** *Anti-Sarko*; «*Sarkoléon*», *Sarkophrénie* (< *Sarko(zy)* + (*schizo*)*phrénie*); *Sarkose* (< *Sarko(zy)* + (*névrose*); *Sarkonoïa* (< *Sarko(zy)* + (*para*)*noïa*); *Sarkofolie* (< *Sarko(zy)* + *folie*); «*Sarko*»,

¹⁴ la gaffe – ошибка, ляп

¹⁵ rien – ничего, ничтожество

«*le Petit Nicolas*», «*Nico le bigorneau*», «*Sarko 1er*»; *Président «bling-bling»* (за любовь к роскоши, «блестящим побрякушкам);

– **сторонники и проводимые реформы:** *Sarkomaniaque, Sarkocratie, Sarkophile, Sarkophilie, Sarkozerie, Sarkozien, Sarkozyen, Sarkozysme, Sarkommunion, Sarkozyste, Ultra-sarkozyste, Sarkoland, Sarkoboys Sarkoréalisme, «Super Président», «Super Sarko», «Omniprésident»;*

– **характеристики политики (прилагательные):** *Sarkogne, Sarkolage, Sarkolatéral, Sarkobradantesque, Sarkocompatible, Sarkodépendant, Sarkohabitation, Sarkolâtrie, Sarkophage* и др. (ср. [Абабий, 2019; Фененко, 2019]).

Из политиков-женщин наибольшее количество прозвищ получила Сеголен Руаяль в период предвыборной кампании на пост президента республики, значительная часть которых принадлежит её противнику – Н. Саркози и его сторонникам:

– **уничижительные («сексистские») «ники»:** «*dame aux caméras*», «*bécassine*», «*Zapatera*», «*Jeanne d'Arc*», «*dame blanche*», «*prisonnière des éléphants*», «*égérie*», «*gazelle*», «*madone*», «*Ségo*», «*icône*», «*copine candidate*», «*guerrière*», «*papillon*», «*pauvre petite femme*», «*patronne*», «*putschiste de dentelle barbelée*», «*rescapée de la boîte à couture*», «*rupture incarnée*», «*insoumise*», «*virtuose des symboles et des postures*», «*spécialiste des sujets subalternes*», «*Ségosphère*», «*pompadour*», «*fée du patchwork*», «*hirondelle*», «*oiseau*», «*la Gourde*», «*victime des méchants machos*»;

– **делокутивные прозвища** (из цитат самой Руаяль): «*femme*», «*mère*», «*solitaire*», «*la Française*», «*rebelle d'une famille catholique et militaire*», «*épouse*», «*jeune fille ardente*», «*fille de militaire*», «*femme libre*» [Якушева, 2014].

Бывший президент **Франсуа Олланд** (François Hollande) вызывал не очень большие симпатии у французов, наградивших его исключительно пейоративными прозвищами, упрекая его даже в склонности к юмору и шуткам («*Monsieur petites blagues*»). Осуждается его манера говорить,

обещать и его слащавость (« *Fraise des bois* », « *Fraise flagada* », « *Flanby* », « *le "moi je"* », « *Pépère* », « *Monsieur ni oui ni non* »), его неумение управлять государством (« *le Capitaine de pédalo* » – капитан педального катамарана), его несамостоятельность, «немужественность» (« *Monsieur Royal* » от фамилии Сеголен Руаяль, его жены), наконец, его внешний вид, фигура и вечно топорщащийся сзади пиджак родили знаменитое прозвище « *le Pingouin* » («Пингвин»), прозвучавшее из уст Клары Бруни – супруги Николя Саркози.

Марин Ле Пен получает немало прозвищ, связанных с её позицией в вопросе об иммигрантах, выхода Франции из Евросоюза (« *Madame Frexit* » – (< France + exit, телескопное слово). Ниже мы остановимся на речевом портрете этого видного французского политика.

Характерным примером, демонстрирующим частоту употребления прозвищ уничижительного характера, оскорбляющих личность политика, является диалог между претендентами на пост президента Франции в дебатах между Ф. Олландом и Н. Саркози (« *Les moments clés du débat Hollande-Sarkozy* » [Le Monde, 2012]). Политики упрекают друг друга в неуважительных прозвищах, обидных номинациях:

N. Sarkozy: « *Quand on m'a comparé à Franco, à Pétain, à Laval, et pourquoi pas Hitler, vous n'avez pas dit un mot...* » (Когда меня сравнили с Франко, Петэном и Лавалем, вы не возражали).

F. Hollande: « *... j'ai eu droit à tous les animaux du zoo, j'ai eu droit à toutes les comparaisons les moins flatteuses* » (Я сам удостоился названий всех животных в зоопарке и самых неллицеприятных сравнений)» [Le Monde, 2012].

Таким образом, внешний делокутивный имидж, который получает французская элита от коллег-политиков, противников, а иногда и сторонников, и в основном от журналистов, концентрируется в их прозвищах, – как правило, уничижительных, чаще смешных, редко – мелиоративных (положительных). Эту черту французского критического

дискурса можно считать характерологической, то есть доминирующей во французском медиапространстве.

Таким образом, критический дискурс СМИ формирует адгерентный внешний имидж политика. В создании адгерентного имиджа участвуют внешние по отношению к политику субъекты. Такими создателями внешнего имиджа являются:

- 1) общество в лице его представителей (соцсети, интернет-комменты);
- 2) СМИ в лице журналистов и проч. (карикатуристы и т.д.);
- 3) оппоненты политика (блоги, Твиттер, СМИ, публичные заявления).

Газеты и телевидение представляют информацию, которая воздействует на получателя, отражая намерения журналистов выставить тот или иной политический персонаж в положительном или отрицательном свете по принципу «свой-чужой» [Гришаева, 2009]. Часто такое отражение есть следствие политического заказа противодействующих персонажу оппозиций (см. Приложение II).

Речевой портрет политика наиболее достоверно проявляется в устных формах политического дискурса – интервью, пресс-конференции, ток-шоу. Однако объективную картину делокутивного имиджа можно составить и по выступлениям самого политика в средствах массовой информации, в его Интернет-ресурсах – сайтах, блогах, мессенджерах. Формирование имиджа политика в сети Интернет составляет политический медиадискурс, который играет важную роль в организации политической жизни страны так же, как СМИ [Гришаева, 2009; 2010; 2014].

2.4. Лексико-креативный ингерентный делокутивный имидж политика

Речезыковая креативность политика как часть его ингерентной языковой личности заключается в способности к окказиональной и неологической номинации (ср. [Абабий, 2019; Якушева, 2012]).

Отечественные ученые-когнитивисты отмечают:

«Лингвокреативность дискурсивной личности, понимаемая как

способность коммуниканта каждый раз порождать новые алгоритмы и способы речевой деятельности, новые структуры знания, оказывает непосредственное влияние на сферу общения. Она проявляется на уровне онтологии, т.е. первичной концептуализации и категоризации объектов и событий, на уровне эпистемологии – изменения картины мира и ее отдельных участков за счет вторичной концептуализации и категоризации, а также в конструировании новых языковых единиц для обозначения новых или интерпретации существующих реалий» [Болдырев, 2018б: 18].

В спонтанной речи проявляется общий уровень интеллекта политика, его чувство языка, грамотности, начитанности и креативности.

Яркой чертой деловитого имиджа нынешнего президента **Эммануэля Макрона** является его вокабуляр, персональный словарь, который изобилует всякого рода архаизмами и достаточно редкими литературными словосочетаниями, которые воспринимаются иногда с улыбкой, иногда как признак его «претенциозности» и «высокомерия».

К таким словам и выражениям относятся: *l'irénisme* (благодушие), *croquignolesque* (смехотворный), *poudre de perlimpinpin*¹⁶ (пыль в глаза, обман), *carabistouilles*¹⁷ (бредни, рассказы), *jupitérien*¹⁸ (подобно Юпитеру) и др. (ср. [Логинова, 2019; Пейтиев, Бойчук, 2020]).

Такой вокабуляр далёк от обыденной речи «глубинного» народа, говорит о разносторонней начитанности, широте кругозора, где-то об аристократизме Макрона, что не прибавляет ему симпатии среди простых французов. К этому добавляются высказывания-мемы (см. ниже), которые по тем или иным причинам вызывают критику и даже возмущение «высокомерием» (*arrogance*) действующего президента.

¹⁶ « Ce que vous proposez, Madame Le Pen, c'est de la poudre de perlimpinpin »
[<https://www.topito.com/top-mots-vocabulaires-macron-traduits>]

¹⁷ « Sur la baisse des dotations communes, il ne faut pas raconter des carabistouilles »
[<https://www.topito.com/top-mots-vocabulaires-macron-traduits>]

¹⁸ « J'incarnerai une présidence jupitérienne. »
[<https://www.topito.com/top-mots-vocabulaires-macron-traduits>]

Еще более яркой характеристикой делокутивного имиджа политических субъектов французской элиты является словотворчество, порождение новых слов, языковая игра в словообразовании и каламбуры.

Примеры такого характера отмечаются исследователями, стоящими на принципах критического анализа дискурса (см. выше), заносятся в специальные словари (см., напр. [Tourpictionnaire]) и составляют предмет политической неологии [Абабий, 2019].

Среди авторских **окказионализмов** французских политиков встречаются два типа лексических номинаций: пандемические (узуальные) и эндемические (собственно окказиональные), то есть получившие и не получившие популярность. Первые, пандемические, уверенно утвердились в медийном узусе, стали достоянием широкой аудитории и употребляются как **неологизмы** наравне с другими политическими терминами [Алферов, Кустова, 2020б].

К такому авторскому неологизму можно отнести придуманное **Ж.Л. Меланшоном** слово-«портмоне» *Merkhollande*¹⁹ для обозначения политического тандема А. Меркель и Ф. Олланда.

Достаточно регулярно в прессе возникает термин *lepénisation* (des esprits) («лепенизация умов») – слово, придуманное **Робером Бадантером** (Robert Badinter), для обозначения влияния во французском обществе идей партии «Национальный фронт», возглавляемой Жаном Мари Ле Пеном, а затем и его дочерью Марин Ле Пен (см. выше). Вошло в национальный словарь **Nouveau Petit Robert** ставшее термином словосочетание *la France d'en bas* («Франция снизу» = «простые» французы), окказиональная номинация, ставшая употребительным политическим термином. Её автор – французский политик, экс- премьер Жан-Пьер Раффарэн.

К курьезным случайным авторским неологизмам можно отнести прилагательное *abracadabrantesque*²⁰ – знаменитый *окказионализм* Жака

¹⁹ «Hollande assume «ce social-libéralisme». Après Merkozy, voici Merkhollande. Mais Merkhollande est né en grande pompe» [Jean-Luc Mélenchon]

Ширака, яркий фрагмент, наряду с его «ширакизмами» (см. ниже), составляющий делокутивный имидж этого видного политического деятеля Франции. Ряд авторских неологизмов французских политиков мы представим в виде следующей таблицы (Таблица 1):

Таблица 1.

Политические авторские неологизмы (окказионализмы)

Окказионализм	Политик
Употребление в ко-тексте	
<u>Austéritaie</u>	<u>Jean-Luc Mélenchon</u>
<i>"L'Europe austéritaie" (Titre) : "autoritaie dans sa méthode, la construction européenne a imposé l'austérité (...). De cette double caractérisation est né un mot, "austéritaie"</i>	
<u>Rilance</u>	<u>Christine Lagarde</u>
<i>...la politique française de sortie de crise est un un mix de "rigueur" et de "relance", c'est à dire la "rilance".</i>	
<u>Méprisance</u>	<u>Nicolas Sarkozy</u>
<i>"Des réponses qu'on va regarder avec cette méprisance, cette attitude hautaine."</i>	
<u>Bravitude</u>	<u>Ségolène Royal</u>
<i>Qui va sur la Grande muraille conquiert la bravitude"</i>	
<u>Turbuler</u>	<u>Jean-Pierre Chevènement</u>
<i>"turbuler le système"</i>	
<u>Ripoublique</u>	<u>Jean-Marie Le Pen</u>
<i>"la République des ripoux."</i>	
<u>Inénervable</u>	<u>François Fillon</u>
<i>"Je suis inénervable, donc je ne m'énervai pas"</i>	
<u>Montgolfite</u>	<u>Marine Le Pen</u>
<i>"Le problème de la politique, c'est la Montgolfite. C'est une maladie assez répandue qui fait gonfler la tête"</i>	

Авторские неологизмы создают положительный образ политика как человека творческого, обладающего чувством юмора, чувством языка, креативными словообразовательными ресурсами. В основе этих неологизмов лежат регулярные схемы построения лексики по следующим моделям:

²⁰ "C'est abracadabrantésque" [Toupictionnaire]

- функциональный сдвиг: **Montgolfite**;
- телескопия: **Austéritaie, Rilance**;
- конфикация (префикс+суффикс): **Inénervable, Bravitude**;
- вербализация (суффиксация): **Turbuler**;
- «верланизация» (метатеза+ жаргон): **Ripoublique** и т.д.

Однако большую часть словоупотреблений приходится признать окказионализмами, не ставшими новыми политическими терминами, но ставшими неотъемлемой частью речевого портрета и делокутивного имиджа политиков, создавших их случайно или осознанно.

Формируют делокутивный имидж политика и лексемы, образованные от имени собственного (эпонимы), которые косвенно подтверждают значимость политической персоны для политической истории страны. Таковы эпонимы:

Chiracophobie (J.Chirac); **Cressonisation** (Edith Cresson); **Sarkocratie/hyperprésidence** (Nicolas Sarkozy); **Juppettes** (Alain Juppé); **Merkozy** (A. Merkel + N. Sarkozy); **Raffarinade** (Jean-Pierre Raffarin); **Villepinisque** (Dominique de Villepin); **Berlusconneries** (Silvio Berlusconi) и др.

В отличие от авторских политических неологизмов (см. тж. [Абабий, 2019; Фененко, 2019] типа «*méprisance*» (Н. Саркози), «*lepénisation*» (Р. Бадантер) [Якушева, 2012], **политическая фраза**, равная или превышающая объем предложения, рожденная в политическом дискурсе как высказывание политика «здесь и сейчас», как было отмечено в первой главе, проходит этап узуальной меморизации и меметизации, приобретая парадигматическую устойчивость и воспроизводимость, становясь фактически фразой-текстом с персонологической аксиологией, характеризующей как ингерентный, но прежде всего адгерентный делокутивный имидж политика.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

1. В политическом дискурсе языковая личность выступает в качестве субъекта и объекта, приобретая личностный, **ингерентный делокутивный имидж**, и медийный, **адгерентный делокутивный имидж**. Единицей

анализа лингвоперсонологии является политическая фраза как фразеопаремия и как опредмеченное высказывание политика, зафиксированное в медиапространстве политического дискурса и в наивной лексикографии обыденной лингвополитологии.

2. Для политической персонологии в большей степени характерен структурно-стилистический (риторический) и коммуникативный подходы в исследовании дискурсивной личности политика. В совокупности оба подхода образуют прагматический критический подход политической лингвоперсонологии, отражающий отношения языка, идеологии и власти.

3. Критический анализ дискурса политика предполагает критический социальный анализ, этическую оценку политиков; описание отношений между текстом и дискурсивной практикой; выявление структурных особенностей дискурсивных практик; интерпретацию и объяснение функциональных характеристик дискурсивных практик; выявление асимметрии в отношениях различных составляющих структурных и функциональных элементов дискурсивной практики.

4. Новым положением в политической персонологии становится выдвижение многомерности речезыковой личности политика, представляющей совокупность языковой личности (средства выражения, присущие носителю языка), речевой личности (речевые привычки и манера общения). коммуникативной личности (коммуникативное поведение), риторической личности (воздействие на аудиторию в совокупности его этоса, логоса и пафоса). В данной работе устанавливается когнитивно-семиотическая дискурсивная модель формирования коллективного речевого имиджа современной политической элиты Французской республики через анализ интерпретативной составляющей политического дискурса.

5. **Делокутивный имидж (ДИ)** – это прецедентные высказывания, персональный дискурс политика, меморизированный и отраженный в суждениях и оценочных мнениях других (журналистов, аудитории).

6. Мы выделяем три семиотических параметра концептуально-

тематической классификации речевого имиджа, следуя принятой нами семиотической модели Ч.С. Пирса: **репрезентамен** (форма выражения) – **объект** (концепт как форма плана содержания) – **интерпретанта** (структура внутренней формы, мотивирующей соединение обоих планов).

7. Мы отмечаем три составляющих делокутивного имиджа отдельных представителей политической элиты Франции: 1) адгерентный апеллятивный имидж политика; 2) лексико-креативный делокутивный имидж политика; 3) фразеологический делокутивный имидж политика.

8. Семиотическая сущность делокутивного имиджа имеет две стороны: интенционально-рефлексивную и интенционально-интерпретативную. Первая формирует *ингерентный имидж* политической персоналии – то, как политик сам «видит» и создаёт свой речевой имидж, или свой «риторический этос, логос и пафос». Вторая характеристика отличает *адгерентный делокутивный имидж* – то, как воспринимаются и интерпретируются отдельные высказывания (или речевое поведение в целом) политика разнообразной аудиторией – сторонниками и противниками из политического класса и/или электората.

9. Внешний делокутивный имидж, который получает французская элита от коллег-политиков, противников, а иногда и сторонников, и в основном от журналистов, концентрируется в их прозвищах, – как правило, уничижительных, чаще смешных, редко – мелиоративных (положительных). Многообразие представленных в медийной среде субстандартных онимов политиков является типологической чертой французской политической коммуникации, заслуживающей отдельного предметного исследования. Не будучи паремиями, прозвища имеют меметический характер и медийное происхождение и бытование.

10. Внутренний ингерентный делокутивный имидж представлен риторической и лингвокреативной компетенцией политика и проявляется в сознательной и спонтанной языковой игре и авторском окказиональном словообразовании.

ГЛАВА III. ФРАНЦУЗСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАЛАПРОПИЗМЫ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ: КОГНИТИВНО- ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРОЛОГИЯ

Политическая лингвистика имеет дело с дискурсом конкретных политиков и с совокупным политическим дискурсом. Поэтому можно следовать двум перспективам исследования: ономазиологической – от персоналии к её дискурсу [Фененко, 2019; Чудинов, 2018] и семасиологической – от дискурса к созданию делокутивного образа персоналии [Гришаева, 2009; Нерознак, 1996] или определенной группы персоналий [Алферов, 2020а]. Следуя семасиологической перспективе, мы не идем путём исследования персонального дискурса конкретного политика (президента, губернатора, парламентария) [Худяков, 2018], а придерживаемся методологии изучения отдельного речезыкового феномена (как, напр., концептуальная метафора, тропеистика и т.д. [Будаев, Чудинов, 2014; Желтухина, 2004]), характеризующего коллективный политический делокутивный имидж, состоящий из персональных дискурсивных *локуций* – высказываний-мемов современной политической элиты.

Их ингерентная (порождающая) интенциональность и адгерентная интерпретативная интенциональность, как правило, не совпадают. Интенциональность говорящего не совпадает с интерпретацией аудитории, что отражается и закрепляется в средствах массовой коммуникации, включая интернет-медиа (блогосфера, Твиттер, Инстаграм, Телеграм и т.д.). Иногда несовпадение интенции и интерпретации комментируют сами политики («говоря это, я имел в виду»), либо разнообразные спонтанные интерпретаторы и собиратели высказываний («перлов») политических персонажей. Как было отмечено в первой главе, данные речезыковые единицы отличаются и от фразеологизмов, и от паремий в их дифференциальном представлении [Алефиренко, 2017; 2018].

Данная категория – персональные фразы-высказывания политиков – фиксируется в следующих терминологических вариантах, отражающих зоны

наложения их функциональности на смежные речезыковые явления: *окказиональные паремии, авторские окказионализмы, квазиафоризмы* и т.д. Гиперонимом этих термино-вариаций в нашей работе становится термин **фразеопаремическая единица – ППФП**. Двойное название подчеркивает признание непротиворечивости включения паремического фонда в широкое понятие фразеологии национального языка [Телия, 1996].

Как было отмечено, афоризм как разновидность паремии, хотя и сохраняет авторство [Алефиренко, 2017; 2018; Мечковская, 2009], его функциональная значимость заключена в самой его сентенциальной пропозиции (содержании) [ЛЭС: 401]. ППФП в большей степени несут имагогенную (имиджевую) функцию, функцию оценки и интерпретации ингерентного речевого поведения политического персонажа и создания аксиологического адгерентного имиджа политика. В преломлении к лингвоперсонологии ППФП становятся персональными характеристиками и единицами делокутивного имиджа политика, превращаясь в **персональные политические фразеопаремии – ППФП** – как особый жанр политической фразеологии – меметизируемые и меморизируемые высказывания политических персоналий (квазиафоризмы, «ляпы», «перлы»). Подчеркивая отрицательную оценочную коннотацию, их часто ироническую интерпретацию, мы называем этот медиажанр – **политические паремические малапрописмы** (см. выше) как особую разновидность ППФП.

При анализе спонтанных «корпусов» (сборников, подборок в прессе, Интернете и проч.) отмечается свойственная ППФП, с одной стороны, *деконтекстуальность* (независимость от контекста) и, с другой стороны, противоположная ей *контекстуальность* (тесная связь с контекстом произнесения). Первая категория ППФП приобретает качества афоризмов (см., напр. [Мечковская, 2009]), вторая – сохраняет статус фраз-высказываний, получивших во французской дискурсивной лингвистике

терминологическую номинацию *petite phrase* («фразочка») [Krieg-Planque, 2011] (см. выше).

Примером двух типов ППФП могут служить меморизованные высказывания: «Хотелось, как лучше, а получилось, как всегда» (В. С. Черномырдин) и «Я устал, я ухожу» или «Не так сели» (Б. Н. Ельцин). Первая фраза отличается нетривиальностью «смысла формы» (квазиантонимия «лучше» – «всегда») и меметизируется вне контекста произнесения. Второй тип ППФП непосредственно связан с фоновыми знаниями контекста (в широком смысле) порождения данного высказывания («новогодняя отставка Ельцина» и «смена премьер-министра в правительстве РФ»). Такие мемы, как правило, сохраняют прецедентность смысла, авторскую принадлежность и историчность [Антонова, 2010; Мечковская, 2009]. Обычно такие цитации-мемы произносятся с особыми маркерами (интонация, имитация голоса и т.п.) или основаны на внутренних триггерах интертекстуальности, в частности, разделяемых знаниях [Демьянков, 1996] и метазнаниях о знаниях собеседника (т.н. *recipient design* – «проектирование собеседника» [Mustajoki, 2012]), рождающих уверенность в понимании аллюзии, интертекстуальности и прецедентности ППФП.

В отличие от собственно фразеологизмов («равных слову»), многие фразовые формы, включая ядерные паремические – пословицы и поговорки, – существуют в виде устойчивых формул, обладающих дискурсивной самостоятельностью [Баранов, 2008: 69] и выносятся иногда в отечественной лингвистике за рамки собственно фразеологии [Туманова, 2012], либо включаются в крайнюю периферию паремиологии – афористику [Ожегов, 1974; Ваганова, 2002].

Находясь на периферии фразеологического фонда национального языка, они получают еще одно квазитерминологическое наименование – «крылатая фраза» / «крылатое выражение» [Фелицына, 1980]. Основное свойство этого разряда – прецедентность (интертекстуальность), трактуемая как «общее знание», или «предзнание» [Моисеенко, 2015], *цитируемое* в

ходе речевого взаимодействия [Козицкая, 1999]. Основное отличие малапропизмов от всех вышеперечисленных фразеологических форм в широком смысле [Телия, 1996] состоит в особых когнитивно-семиотических механизмах, лежащих в основе образования и функционирования данного фразеопаремического разряда.

Семиотическая составляющая фразеопаремии представляет собой вторичный семиозис, как его представлял Ролан Барт [Барт, 1994].

В работе «Мифологии» Р. Барт представил структуру вторичного семиозиса [Барт, 1994: 79] в следующей схеме (Рисунок 4):

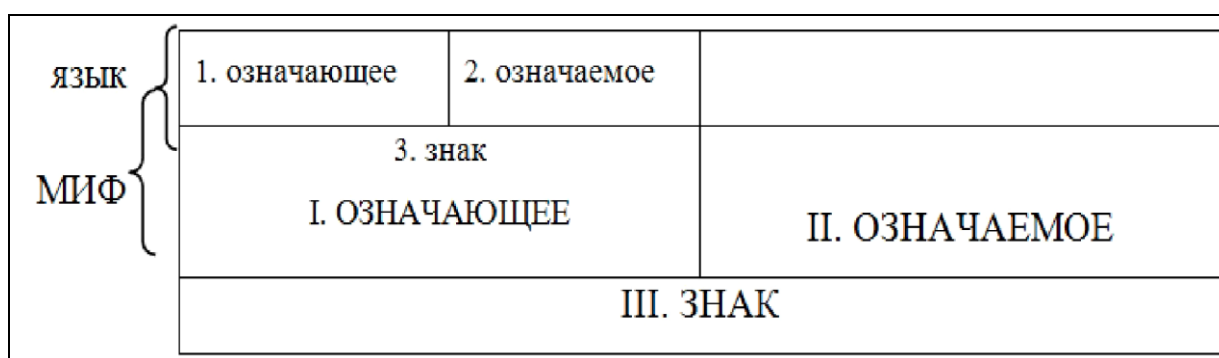

Рисунок 4. Структура вторичного семиозиса (Р. Барт)

Выведенный Р. Бартом механизм образования вторичного знака-мифа имеет отличительные черты семиозиса: идеологичность (см. выше, тж. [Леви-Стросс, 2000]), оценочность и аргументативность [Баранов, 1990; Карасик, 2002; Kerbrat–Orecchioni, 2002; 2012], стереотипность [Молчанова, 2018], прецедентность [Моисеенко, 2015], жанровость [Барт, 1994; Бахтин, 1986; Дементьев, 2010]. Политическая фраза в образе фразеопаремии имеет все признаки политического речевого жанра.

Подчеркнем сходство функций мифа и мема. По мысли основателя меметики Докинза, мем, как и миф, выступает в роли фундамента в строительстве «генофонда культуры» [Докинз, 2013], мем становится «геномом общей памяти», построенной на подражании и сходстве (мемезисе) [Brodie, 2009].

Так, если семантическое ядро обычной фраземы формируется смысловыми элементами, возникающими в результате взаимодействия

соответствующих лексических и грамматических компонентов, то перенос денотативных и коннотативных значений в случае фразеологизации политических высказываний выходит за пределы их собственного референциально-семантического ядра [Ковалева, 2004].

На стадии фразеологизации политического высказывания возникают новые коннотативные (мифологические) семы, относящиеся к его интерпретации, складывающиеся во вторичный семиозис [Барт, 1994], когда **означающим** нового (вторичного) знака является «цитация» знака первичного [Болдырев, 2018а; Вежбицка, 1982; Козицкая, 1999; Саблина, 2011; Шагеева, 2005], а **означаемым** – эксплицитные или имплицитные интерпретации (смыслы), вкладываемые в содержание воспроизводимого первичного знака (ср. [Алефиренко, 2017]).

Условная идиоматичность малапропизма определяется различного рода переинтерпретациями исходной семантики высказывания. Однако в этом и состоит отличие политической фразы от идиомы. Фразеологизм, как правило, сохраняет различные виды переинтерпретации (референциальная, контекстуальная и т.д.) на уровне внутренней формы своей семантики [Алефиренко, 2017; Баранов, 2013].

Выступая в пространстве интернет-коммуникации в качестве мемов [Молчанова, 2018], они получают спорадическое, интуитивное описание-комментирование под рубриками «нелепые высказывания известных политиков», «перлы», «крылатые фразы», «афоризмы», «цитаты политиков (“со смыслом”» [Тангир, 2007] и т.д.

Адгерентная интерпретация политической фразы отражается и закрепляется в средствах массовой коммуникации, включая СМИ и интернет-медиа (блогосфера, Твиттер, Инстаграм и т.д.), либо самими политиками («говоря это, я/он имел в виду»), либо в обыденной лингвополитологии – разнообразными профессиональными и спонтанными интерпретаторами – журналистами и собирателями высказываний («перлов») политических персонажей.

Таким образом, с точки зрения семиотической организации ППФП, главным компонентом семиозиса этого сложного знака становится, по Ч.С. Пирсу, интерпретанта как внутреннее свойство знака «быть интерпретируемым» [Пирс, 2000]. Сам смысл медиатизации как разворачивающейся цитации состоит в актуализации этого свойства – в публичной оценочной интерпретации первичного значения ППФП и порождения вторичного семиозиса, в терминах Р. Барта. *Интерпретанта, привносящая во вторичный семиозис отрицательные коннотации, превращает ППФП в паремический малапропизм, оцениваемый в обыденной лингвополитологии как «ляп», «перл» и т.д.* Интерпретанта отдельного знака распространяется на семиозис дискурсивных единиц, приобретая функции когнитивно-дискурсивной интерпретанты: «Когнитивно-дискурсивная интерпретанта – это присутствующее в дискурсе указание на ту концептуальную область, характерную для того или иного социума или культуры, которая задается субъектом для понимания соответствующего дискурса (области его определения) и с позиции которой должен интерпретироваться его смысл; это выбор определенных языковых средств, используемых для репрезентации данной области в этом социуме или культуре» [Болдырев, 2016: 33].

Таким образом, когнитивным механизмом, порождающим ППФП-малапропизм как фразеологический знак, является интерпретация как внутреннее свойство знака (в виде интерпретанты знака) [Пирс, 2000] и интерпретативная функция языка в целом [Болдырев, 2011], основанная на ассоциативных механизмах сознания [Овчинникова, 2002] и *вторичной концептуализации* [Болдырев, 2018a], приводящей к переосмыслению первичной семантики исходного высказывания

Когнитивно-семиотический подход позволяет представить фразеопаремические малапропизмы как результат вторичного семиозиса [Барт, 1994]: над первичной семантикой высказывания выстраивается новая интерпретационная семантика, на коннотативном уровне представляющая

значимость, или релевантность данного высказывания в контексте его произнесения [Sperber, Wilson, 1995]. Именно эта интерпретативная семантика становится аксиологической интерпретантой нового знака – ППФП-малапропизма, содержащего во внутренней форме термина метасему «аномалии» – отклонения от содержательной (нравственной, общественной) нормы, речезыковой и поведенческой нормы, а также нарушения (обмана) ожиданий аудитории (ср. «эффект обманутого ожидания» [Умеренкова, 2009]). Вторичная семантика есть воплощение «креативного фраземосемиозиса» [Алефиренко, 2017], обусловленного двумя интенциональными интерпретационными стратегиями – людической (игровой, гелотогенной) и эристической, или агональной [Тамразова, 2021]. Если первая представляет собой когнитивно-экспрессивный акт насмешки, то вторая направлена на дискредитацию политика – автора «неуместного», с точки зрения интерпретирующей аудитории, высказывания [Алферов, Якушева, 2018].

Функционирование паремических малапропизмов в политическом дискурсе далеко не однозначно. Вторичная интерпретация этих высказываний, проходя через два когнитивных процесса – меморизацию и меметизацию – вносит данные высказывания в анналы политического дискурса и речевого портрета политика. Гелотогенная или эристическая интерпретации превращают данные фразеопаремические единицы в малапропизмы, которые приобретают функцию дискредитации в политическом дискурсе.

Приведем пример, иллюстрирующий как ингерентные, так и адгерентные механизмы образования (меморизации) и функционирования (меметизации) малапропизмов французских политиков, вошедших в фразеопаремический фонд политической лингвоперсонологии. Это «крылатая фраза» Шарля Де Голля «*Je vous ai compris!*» (*Я вас понял!*). Понимание смысла этой политической фразы и причины её меморизации и

меметизации связаны с историческим контекстом, она может рассматриваться как фразеологический историзм.

4 июня 1958 года, в период окончания алжирской войны, Де Голль произнес речь перед толпой алжирских французов («*rieds noirs*»). Разгоряченные своими лидерами, они требовали от президента Франции отказаться от политики деколонизации. «Я вас понял!» прозвучало двусмысленно: с одной стороны, фраза была воспринята как выражение согласия и одобрения требований собравшихся, с другой – как дискурсивный акт уступки или перебивания «Я вас услышал, теперь послушайте, что я скажу». Характерно, что впоследствии история подтвердила второе прагма-функциональное значение этой фразы Де Голля, признавшего право Алжира на самоопределение. Его посчитали предателем и даже пытались убить сторонники «Французского Алжира», террористы ОАС (тайная военная организация). Поэтому исторически его «крылатая фраза» меметизировалась именно во втором прагматическом значении *решительного полемического речевого хода*, став одновременно и меморизованной фразой («крылатой»), и *голлизмом*-малапропизмом, подчеркивающим, в зависимости от интерпретационной интенции, либо восхищение волевым и мудрым первым президентом Пятой республики, умелым оратором, либо порицание высокомерия и вероломства хитроумного политика. В таком значении данный фразеотекст употребляется в речи, выполняя свои речевые функции (согласие/перебивание и т.д.) и «эвоцируя» прецедентный деголлевский контекст.

Поэтому, как мы видим, интерпретация этого и многих других малапропизмов аксиологически амбивалентна в зависимости от отношения к произнесшему его политику, к его этосу и харизматичности [Charaudeau, 2012].

Малапропическая интерпретация фразы Де Голля подтверждается (и усиливается) различными вторичными интерпретациями и пародиями журналистов, юмористов и проч. Так, в пародийной интерпретации этой

фразы юмористом П. Депрожем (Pierre Desproges) «*Je vous ai compris!*» – превращается в людический (языковая игра) фразовый омофон, якобы адресованный президентом своим противникам: «*Je vous hais! Compris?*» (Я вас ненавижу, понятно?) [Desproges, 1985: 44].

Вторичная интерпретация исходной политической фразы становится первичной для малапропизма, превращая его в демотиватор [Якоба, 2015], который в совокупности с его этимологом – высказыванием политика – можно рассматривать как однофразовый «текст-блендинг» в соединении его прецедентного и актуального употребления (в том или ином контексте).

Говоря о **когнитивной составляющей** модели персональной политической фразеопаремии, необходимо представить *концептуальное содержание* политической фразы-мема как эмблематического знака-имиджа политика.

3.1. Концептуальность и концептуализация политической фразы

Политическая фразеопаремия отражает **идеологическую составляющую делокутивного** имиджа (концептосферы) политика. Другими словами, политическая фраза в наиболее ёмкой, стремящейся к афористической форме должна выражать, как это делает паремия, квинтэссенцию того или иного слота или фрейма концептосферы политика и маркировать его этос, то есть отражать его «ум, честь и совесть». Действительно, история знает немало политических афоризмов глубокого, яркого философского, политологического, гуманистического, а иногда парадоксального, юмористического содержания. Однако, в силу указанных выше характеристик политического канцелярита, речь политика часто бывает псевдореферентной, банальной, демагогичной, иногда косноязычной. Политик как «персональный концепт» с определенным концептуальным содержанием отражается в своем делокутивном имидже, который формируется определенной медиаполитической «концептуальной областью» [Неретина, 2011; Carston, 2010].

Эта область включает не только ментальные репрезентации той или иной политической повестки (события, проблемы, задачи), но и прагматические политические интенциональности (интересы) и когнитивные предубеждения (*cognitive bias* [Haselton, 2006]), которые определяются картиной мира самого адресанта, политической дифференциацией («свои» / «другие» / «чужие») [Гришаева, 2009; 2010; 2014], «фактором адресата» [Неретина, 2011: 64; Степанов, 1985] – «универсальной» или «частной» аудиторией [Perelman, 1983], имплицативной (персуазивно-аргументативно-суггестивной) стратегией [Попова, 2019] и т.д.

Политики как *персональные политические концепты* связаны, прежде всего, с тем или иным фреймом политической концептосферы во взаимодействии с другими фреймами и слотами, её составляющими (ср. [Гаврилова, 2006]).

Применяя к паремиологии лексико-фразеологический подход [Тангир, 2007], можно рассматривать данную категорию – персональные фразы-высказывания, функционально приближающиеся к категории «однофразового текста» [Береговская, 2015], – как *окказиональные паремии*, как авторские фразеопаремические окказионализмы или *квазиафоризмы*.

Как и афоризмы, *политические квазиафоризмы*, или, в нашей трактовке – персональные политические фразеопаремии (ППФП), имеют сильно выраженную паспортизацию (авторскую принадлежность). Однако, в отличие от афоризмов «со смыслом» [Тангир, 2007], функциональная значимость которых заключена в самой их сентенциальной пропозиции (содержании), ППФП выступают в первую очередь как составляющие речевого портрета политика, его «делокутивного имиджа» [Тамразова, 2021].

Часть ППФП, действительно, приближается по форме к поговоркам и даже входит по праву в национальную узуальную фразеологию: «Хотелось, как лучше, а получилось, как всегда» (В. С. Черномырдин); «Процесс пошёл» (М.С. Горбачёв); «Мать русская, отец юрист» (В.В. Жириновский). Другие –

контекстуальные ППФП – тесно связаны с исторической ситуацией их произнесения. В одной из публикаций мы отмечали:

«Так, знаменитое «мочить в сортире» – эмоциональное высказывание в серьезном и трагическом контексте борьбы с терроризмом, – только став мемом, кажется сегодня забавным, благодаря своей эристичной – не только по содержанию, но и по форме – интенциональности. Эта маркированная форма выражения эристической интенциональности приобрела *релевантность* как сильная имиджевая характеристика политического лидера. Поэтому, говоря о гелотогенности рассматриваемого материала, следует помнить, что афористическая меморизация имеет свое жанровое измерение: её функционал – это, прежде всего, личностная оценочная «дейктизация», прагматическая указательная функция, маркирующая тот или иной политический персонаж» [Алферов, Якушева, 2018: 185].

Таковы и непонятные сами по себе (вне исторического контекста) ППФП – «Je vous ai compris!» («Я вас понял» – Ш. Де Голль), «Не так сели», «Я устал, я ухожу» (Б. Н. Ельцин).

Проведенное исследование современного французского политического дискурса позволило выделить два основных типа ППФП: историзмы и малапропизмы («ляпы»). Историзмы максимально приближаются к афоризмам, однако в большей степени зависят от контекста и могут быть подвержены редукции и превратиться в лексико-фразовые идиомы (ср. *náчатъ* – М.С. Горбачёв): *la France d'en bas; l'avenir en commun* (Jean-Luc Mélenchon) (*Франция снизу; коммунальное будущее* – Жан Люк Меланшон); слоганы: *Rendre aux français leur pays et leur argent!* (Marine Le Pen) (*Отдать французам их страну и их деньги* – М. Ле Пен); *Le changement, c'est maintenant!* (F. Hollande) (*Перемены – сегодня!* – Ф. Олланд); меморизированные фразы, ситуативные паремии (собственно ППФП): *Je ne céderai rien ni aux fainéants, ni aux cyniques, ni aux extrêmes* (E. Macron) (*Я не уступлю ни лентяям, ни циникам, ни экстремистам* – Э. Макрон). Исторические ППФП, становясь мемами в Интернете и СМИ, могут

оставаться аксиологически нейтральными для аудитории, либо получают отрицательную интерпретацию со стороны политических противников и критиков-журналистов. Тогда они переходят в другой разряд – в разряд *малапропизмов* – «неудачных» по форме и/или содержанию «ляпов» политиков.

3.1.1. Лексико-концептуальный делокутивный имидж политика

Анализ политических выступлений показывает частотность тех или иных лексических средств, составляющих речевой портрет политического деятеля. Часто употребляемые лексические единицы представляют концепты – единицы языковой картины мира, которые отражают **концептуальную картину мира политика** и её **доминанты** [Болдырев, 2018б]. Под доминантами обычно понимают «болевые точки», представляющие для того или иного политика наиболее важные аспекты политической картины мира. Эти лексические единицы передают отношение политика к тому, что происходит в мире и в стране с тем, чтобы привлечь к ним внимание своих избирателей, для которых эти элементы политической картины мира также воспринимаются как «болевые точки» [Amossy, 1999].

При этом одна и та же лексическая единица, представляющая концепт, может в контексте выступления, помимо своего исходного, понятийного, нейтрального лексического значения приобретать как положительную, так и отрицательную коннотации.

В своем исследовании мы рассмотрели высказывания нескольких французских политиков, участвовавших в президентских выборах 2017 года: экс-президентов Николя Саркози и Франсуа Олланда, лидеров партий Жана-Люка Меланшона и Марин Ле Пен, «ветерана» французской политики Алена Жюппе, Франсуа Фийона и др.

Методом сплошной выборки из речей, опубликованных на сайтах, и в электронных версиях газет нам удалось составить лексико-концептуальное поле наиболее частотных лексем, отражающих наиболее важные для

политиков концепты. Для **Марин Ле Пен** в качестве кандидата на пост главы государства в рассматриваемый период характерен следующий набор концептов: DANGER, PEUPLE, ETHIQUE, LIBERTES, GEOPOLITIQUE, DEMOCRATIE.

Квантитативный анализ позволяет выявить ключевой концепт *DANGER* (опасность), который в контексте дискурса М. Ле Пен соотносится с концептами *PEUPLE* (народ), *ÉTHIQUE* (этический), *LIBERTÉS* (свободы), *GÉOPOLITIQUE* (геополитический), *DÉMOCRATIE* (демократия). Логика взаимоотношений этих концептов сводится к главному политическому контексту («нарративу»), характерному для этого политика: **«Существующая геополитическая политика не соответствует этическим нормам, угрожает народу Франции, свободе и демократии».**

Одним из важных концептов президентской гонки 2017 года был концепт ПЕРЕМЕНЫ (*ALTERNANCE*). Этот концепт был выражен поразному кандидатами на пост президента, о чем свидетельствуют следующие данные (Таблица 2):

Таблица 2.

Доминирующие номинации концепта ПЕРЕМЕНЫ в речи кандидатов в президенты Франции (2017)

<i>Номинация</i>	<i>Значение</i>	<i>Политик</i>
la seule alternative	<i>единственная альтернатива</i>	Jean-Luc Mélenchon
la vraie alternance / le changement de logiciel	<i>настоящие перемены / смена программного обеспечения</i>	Marine Le Pen
la révolution	<i>революция</i>	Nicolas Sarkozy,
		Emmanuel Macron
la « rupture »	<i>слом, разрыв</i>	François Fillon

Характерно, что идея перемен непременно присутствует на любых политических выборах и во всех политических программах. Например, концепт *ALTERNANCE* стал главным политическим лозунгом двух

победивших ранее президентов: Николя Саркози – «*La Rupture!*» (2007) и Франсуа Олланда – «*Le changement, c'est maintenant!*»²¹ (2012).

Ингерентный имидж **Марин Ле Пен**, который она нарисовала для себя, – это «Последователь Де Голля»:

«La présidentielle, c'est la relation directe entre le candidat et le peuple. [...] C'est ainsi que la Ve République s'est construite et c'est ainsi que le peuple peut enfin se choisir un dirigeant qui défende ses intérêts»
[<https://www.facebook.com/MarineLePen/?nr>]

(«Президентские выборы – это прямая связь между президентом и народом [...]. Так создавалась V-я республика, только так французский народ может выбрать себе руководителя, защищающего интересы своего народа»).

Острые социальные и политические проблемы и кризисы вызывают к жизни концепты, которые также становятся «лейтмотивом» любой политической риторики. В период 2007 – 2017 гг. таким концептом стал концепт **IMMIGRATION** (ИММИГРАЦИЯ). Причем, оценочная коннотация, которую приобретает лексема, номинирующая концепт, может быть как *нейтральная*, так и *положительная*, и *отрицательная*.

Концепт ИММИГРАЦИЯ в политической концептосфере Франции связывается в первую очередь с именами и высказываниями правых политиков, которые, как правило, становятся предметом *критического лингвополитического анализа* персонального дискурса (ср. [Гаврилова, 2015а; Dijk, 2015; Fairclough, 2018]).

Многочисленные факты конфликтов поведенческого характера, приверженность мигрантов к своим культурным и религиозным ценностям и атрибутам, угроза террористических актов, которые неоднократно потрясли Францию за это время, – все это приводит к тому, что каждый политик вынужден высказаться по данной проблеме. Лексико-семантическое поле

²¹ «Перемены уже сегодня!»

(ЛСП) концепта ИММИГРАЦИЯ также варьируется от высказывания к высказыванию, включая элементы, которые по-разному характеризуют возникшую в последнее десятилетие социополитическую ситуацию во Франции, связанную с проблемами беженцев, вопросами адаптации иммигрантов к реалиям Франции, нежеланием ассимилироваться в культуру и традиции принимающей их страны.

Проанализировав выступления и высказывания политиков во время президентских выборов 2017 года мы установили, что некоторые кандидаты либо вовсе не видят в растущем количестве мигрантов угрозы для Франции (Ж.-Л. Меланшон, Ф. Олланд), либо рассматривают и положительные, и отрицательные факторы (А. Жюппе), либо рассматривают это явление исключительно негативно (Н. Саркози, М. Ле Пен).

Различие между речевыми портретами политиков заключается в том, что, по нашим подсчетам, тема иммиграции занимает 12-е место в тематике речей Марин Ле Пен (ср. ниже Рисунок 5), 66-е место в тематике Н. Саркози, 105-е место у А. Жюппе, 551-е у Ф. Олланда и 3102-е место в тематике высказываний Ж.Л. Меланшона [Alduy, 2017: 131].

Анализ выступлений М. Ле Пен показал лексико-семантическое поле (ЛСП) концепта ИММИГРАЦИЯ в делокутивном имидже лидера «Национального объединения»²². Следующая облачная диаграмма демонстрирует связанные номинации концепта [Alduy, 2017: 131] (Рисунок 5):

²² Le Rassemblement National (RN) – партия М. Ле Пен, бывший «Национальный фронт» (FN)

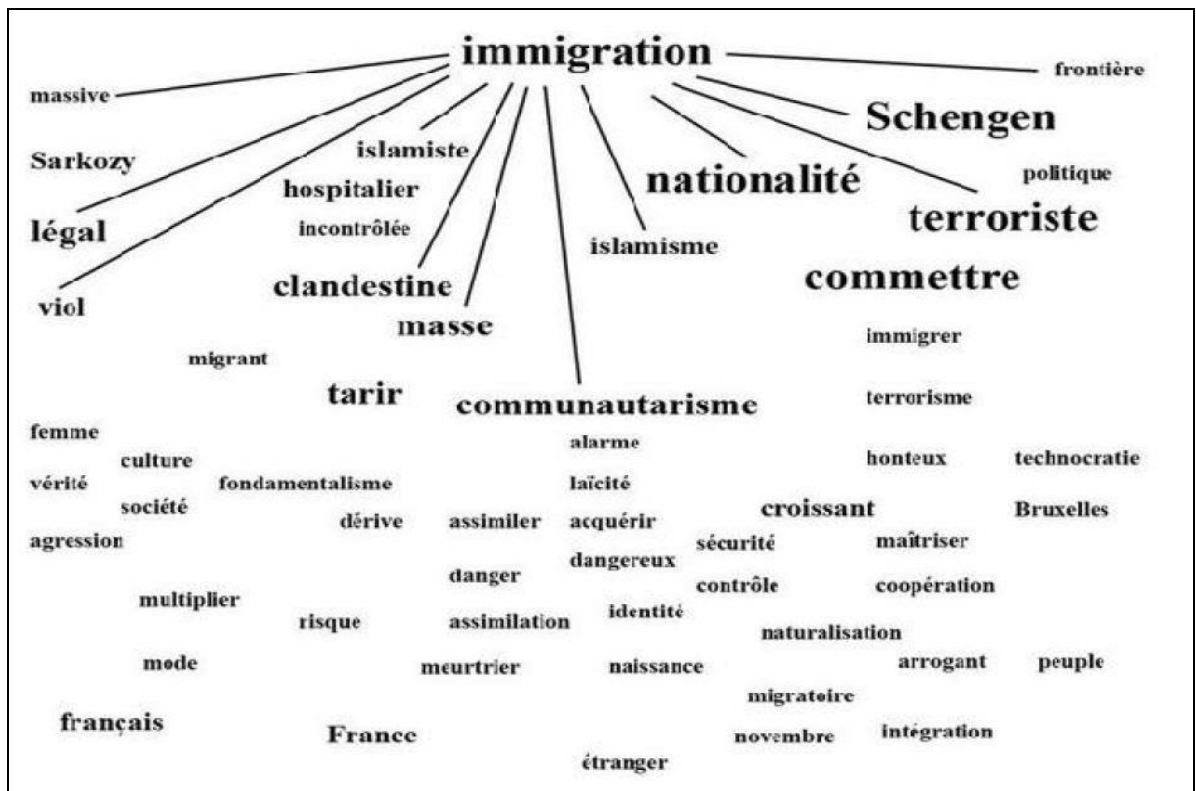

Рисунок 5. ЛСП «ИММИГРАЦИЯ» в речевом этосе Марин Ле Пен

3.1.2. Фразеопаремия как средство политической концептуализации

Классическим объектом спонтанной критической лингвополитологии становятся изречения основателя правой партии «Национальный фронт» («НФ») Жана-Мари Ле Пена (см. выше). Известный журналист и писатель, политический деятель, который выдвинул свою кандидатуру на президентские выборы в 2022 году, Эрик Земмур (Éric Zemmour) также подвергся острой критике прессы за «идеи расистского характера» в его публикациях: «*L'islam est incompatible avec la laïcité, avec la démocratie, avec la République laïque. L'islam est incompatible avec la France*» [Zemmour, 2016: 122] («Ислам несовместим со светскостью, с демократией, с Республикой. Ислам несовместим с Францией»).

Общим местом стала критика председателя пришедшей на смену «НФ» партии «Национальное объединение» (Rassemblement national, с 2018г.) Марин Ле Пен с её знаменитой фразеопаремией: «*Les prières de rue? Une "Occupation" sans "blindé", ni "soldats", mais "une occupation tout de même*»

(10.12.2010, en meeting à Lyon) (Намаз прямо на улице? Это «Оккупация» (исторический период во Франции 1940-1944), без танков и солдат, но все равно оккупация).

Мемом стал предвыборный лозунг Марин Ле Пен: «*Rendre aux français leur pays et leur argent!*» (Marine Le Pen, 2021-2022) («Вернуть французам их страну и их деньги!»).

В **Приложении II** диссертации мы приводим публикацию на странице одного из блогов: «*Le vrai visage de Marine Le Pen, résumé en deux petites phrases datées d'il y a 48 heures*» (Истинное лицо Марин Ле Пен, выраженное в двух «фразочках» 48 часов назад). Это иллюстрация достаточно предвзятого критического лингвополитологического анализа высказываний Марин Ле Пен. Дело в том, что доминантой ингерентного имиджа Марин Ле Пен давно стал концепт БЕЗОПАСНОСТЬ, в частности, проблемы криминализации общества и юридического статуса правоохранительных структур. Но очередную полемику вызвали два её высказывания по поводу перестрелки жандармов с цыганскими беженцами: «*Ces événements très graves sont un symptôme de l'ensauvagement insupportable de notre société*» (Эти серьезные события являются симптомом невыносимого одичания нашего общества) и «*Ce drame est la conséquence de l'effondrement du RESPECT dû aux forces de l'ORDRE... Les effectifs de forces de l'ORDRE doivent être augmentés!*» (Эта драма есть следствие упадка УВАЖЕНИЯ к силам ПОРЯДКА... Личный состав правоохранителей нужно увеличивать! – выделено в тексте – А.Я.).

Автор критической заметки расставляет *свои* концептуальные акценты, якобы вытекающие из высказываний Ле Пен. Вот некоторые концептуальные дискурсивные слоты его когнитивно-дискурсивной интерпретанты: «Autrement dit. Le problème, c'est l'obéissance» (Иначе говоря, речь идет о подчинении). «Marine Le Pen nous dit qu'il faut réapprendre à obéir, à respecter le pouvoir, à renforcer l'ordre en place et à privilégier la lutte contre l'insécurité civile et non contre ses causes» (Марин Ле Пен говорит нам, что нужно снова

научиться подчиняться, уважать власть, укреплять порядок, вместо того чтобы отдать первенство борьбе с социальной нестабильностью граждан и её причинами). Метафорическая гипербола «*L'ensauvagement insupportable de notre société*» связывается с «дикарями»-цыганами, которые всегда подвергались гонениям, притеснениям, геноциду». Приводятся фотографии детей – узников концлагерей, цифра – 200 000 цыган, уничтоженных в Европе в 1939-1942 гг., слова нацистского вождя Гимmlера, главы СС, призывающего уничтожить кочевые народы как «дикарей, угрожающих обществу («sauvages (...) menaçant la société») и т.д. Таким образом, не семантика высказываний М. Ле Пен делает из слов политика так называемые «фразочки», а *интерпретация* этих высказываний политически ангажированным журналистом, который опирается на стереотипный этос критикуемого политика. Смысл ППФП определяет не семантическое и референциальное значение высказываний, а их контекстуальная значимость, целиком зависящая от интенциональности интерпретатора.

Концептуальный анализ корпуса исследованных нами фразеопаремий французского политического дискурса позволил выделить ядерную зону концептосферы ППФП. В неё входят традиционные для внутренней и внешней политической жизни и экономики концепты: ПОЛИТИКА (МЕЖПАРТИЙНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ / ВЫБОРЫ, ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ); КРИЗИС (СПАД): ЭКОНОМИЧЕСКИЙ / САНИТАРНЫЙ / ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ и т.д.; БЕЗРАБОТИЦА; МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА; ИММИГРАЦИЯ; МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ; КАЧЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ (МАССМЕДИА) и др. [Якушева, 2022а].

Однако далеко не все высказывания, затрагивающие эту актуальную тематику, становятся меморизованными меметическими фразеопаремиями. Для этого необходимо, чтобы интерпретанта ППФП несла в себе признаки положительной или отрицательной (девиантной) фасцинативности и оценочности либо в *плане содержания* (расизм, аморальность, цинизм, карьеризм, беспринципность vs «ум, честь и совесть» оратора и т.д.), либо в

плане выражения (риторическая маркированность, аномальность, эрративность, экспрессивность, остроумие, языковая креативность, языковая игра и т.д.) (ср. [Канашина, 2021]).

Последний параметр определяет, каким образом форма выражения соотносится с объективизируемым концептом, т.е. соответствует ли сказанное политиком по форме и по содержанию тем или иным критериям в представлении (концептосфере и языковой картине мира) интерпретатора/ов.

Из вышесказанного следует, что интерпретанта, как правило, выражается эксплицитно в комментариях журналистов или обыденных лингвополитологов (в интернет-сетях, мессенджерах). Иногда аксиологическая интерпретанта остается имплицитной (см. ниже).

Например, высказывания политиков, объективирующие концепт JEUNESSE (МОЛОДЕЖЬ / МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА), отличаются различными характеристиками, свойственными политическому языку (*langue de bois*), и, характеризуя при этом своего автора и привлекая внимание медиасферы и общества, становятся фразеопаремией.

Однако «геном» политического канцелярита действует так, что из всех характеристик в ППФП превалируют неинформативность, банальность, информативная нерелевантность:

(1) ППФП: **Martine Aubry** (28.06. 2011): «*Nos jeunes sont énergiques et créatifs*» (Наша молодежь энергична и креативна). – Комментарий журналиста: «*Un incontournable. Ça le fait plus, effectivement, que: «Les jeunes sont mous et sans imagination»* (Не поспоришь. Не скажешь же: «Все молодые – рохли без воображения») [Le Monde, 2011]. – Интерпретанта: *банальность плана содержания и плана выражения, информативная иррелевантность.*

(2) ППФП: **Valérie Pécresse** (4.06.2011): «*La fraude aux examens ne sera pas tolérée*» (Нарушения правил экзамена недопустимы) [AFP, 2011]. – Интерпретанта та же. Без комментария.

(3) ППФП: **Martine Aubry** (25.08.2011): «*L'école doit être au service des enfants et le rôle des enseignants doit être revalorisé*» (Школа должна служить

детям, а роль учителей нельзя недооценивать). – Комментарий: «*Une déclaration qui ne mange pas de pain. De Marine Le Pen à Olivier Besancenot, tout le monde sera d'accord!*» [Le Parisien, 2011] (Заявление не претендует на оригинальность. Все согласятся – от Марин Ле Пен до Оливье Безансно²³).

(4) ППФП: **Ségolène Royal** (15.09. 2011): «*Il faut reconstruire l'escalier social*» (Нужно реконструировать социальную лестницу). – Комментарий: «*Il n'y avait plus d'argent pour l'ascenseur?*» (France 2, 2011) (А на социальный лифт денег не хватило?). – Интерпретанта: ироническая антитеза и подмена двух понятийных стереотипов: «социальная лестница» и «социальный лифт». (В смысле «карьерный рост» применимо второе понятие-клише, неудачно переработанное в ППФП С. Руаяль).

Тем не менее, в фокусе внимания медиасферы оказываются и ППФП, передающие действительно конструктивную концептуализацию французской ШКОЛЫ в контексте обсуждаемых событий:

(5) ППФП: **Barbara Lefebvre, enseignante et essayiste** (06.09.2021) (Барбара Лефебр, преподаватель и эссеист – в публичной полемике с Э. Макроном): «*L'école ne doit pas être gérée comme une entreprise privée!*» [Figaro Vox, 2021] (Школой нельзя управлять как частным предприятием!).

Ядерной зоной концептуальности французской политической фразеопаремии является политическая рефлексия, выраженная в высказываниях, имеющих объектом самовалоризацию актора политической деятельности, критическую оценку политических противников, отношение политического класса и электората (как правило, с номинацией «французы» и «Франция»).

Эта фокусная концептуализация разных слотов концепта ПОЛИТИКА происходит на текущем событийном фоне, который представляется некоей переменной при константной доминанте положительной самопрезентации [Гришаева, 2009] и уничтожения (уничтожения) политических противников (см. [Шейгал, 2000]).

²³ Французский политический и профсоюзный деятель радикального левого толка.

Именно эта иррелевантность, вызванная прежде всего нарушением максим скромности, такта, эмпатии, этики, публичной деонтологии и т.д. [Ларина, 2009; Brown, Levinson, 1978; Leech, 2014], определяет (де)текстуализацию, меморизацию и медиатизацию политической фразы, вхождение ее в разряд политической фразеопаремии. В качестве иллюстрации концептуализации политики в ППФП французского политического класса приведем таблицу на базе корпуса политических квазиафоризмов «*Parlez-vous le politique: Le politique en version sous-titrée*» (Говорите ли вы по-политически: Язык политики в версии с субтитрами) [Wattier, 2011] (Таблица 3). Мы прибегаем к приему *бинарной концептуальной оппозиции*, вскрывающей субъективный характер концептуализации в ППФП французских политиков, направленных прямо или косвенно на **стратегию самовалоризации** [Гришаева, 2009]:

Таблица 3.

Вербализация политической концептосферы в жанре ППФП

Автор	ППФП	Комментарий прессы (КП) и внутренняя форма (ВФ)
Фрейм: ‘Я в политике’		
François Hollande 11/09/11, Le Journal du dimanche	<i>Il faut se valoriser soi même</i> (Нужно поднимать себе цену)	КП: <i>Parce que je le vauх bien. La méthode L'Oréal</i> (“Потому что я так хочу”. Рекламный девиз <i>L'Oréal</i>)
Ségolène Royal 06/05/2011, Le Monde.	<i>J'analyse froidement la situation [...] J'ai regardé si quelqu'un était meilleur que moi</i> (Я холодно оцениваю ситуацию... И я оценила, есть ли кто-то лучше меня)	КП: <i>Sous-entendu: "Ça a été vite vu, ils ne m'arrivent pas à la cheville, ces nuls..."</i> (Подтекст: «Это было очевидно: они и в подметки мне не годятся»)
Arnaud Montebourg France Inter, 17/08/11.	<i>Ma modestie, elle est réelle!</i> (Моя скромность очевидна)	ВФ: нарушение максимы скромности

Luc Chatel 01/06/11	<i>Nous croyons en l'avenir de notre École</i> (Мы верим в будущее нашей школы)	КП: <i>C'est rassurant</i> (Это обнадеживает)
Nicolas Sarkozy 04/05/11 L'Express	<i>Je suis en questionnement perpétuel sur ce que je fais, je ne m'interroge pas sur mon image</i> (Я постоянно слежу за своими делами, а не за своим имиджем)	КП: <i>On l'avait tous remarqué</i> (Да, мы все это заметили)
Фрейм: 'Я и Франция'		
Ségolène Royal 02/08/11, Europe 1	<i>Je sais être désignée par les Français</i> (Я умею быть избранным французами)	ВФ: нарушение максимы скромности
Nicolas Sarkozy, 16/01/2011, Le Figaro	<i>Les Français ne me rejettent pas</i> (Французы не отвергают меня)	ВФ: нарушение максимы скромности
Nicolas Hulot 04/07/11, AFP	<i>Je ne suis pas un illuminé, j'ai entendu le message</i> (Меня не осенило, я услышал голос).	ВФ: гипербола, пафос, божественная метафора, нарушение максимы скромности
Martine Aubry 05/09/11, France 2.	<i>Je ne suis pas là seulement pour bien gérer la France, mais aussi pour réinventer l'avenir</i> (Я здесь не только, чтобы управлять Францией, но чтобы придумывать будущее)	КП: <i>Allô, Merlin l'enchanteur</i> (Алло, это волшебник Мерлин?) ВФ: нарушение максимы скромности
Thierry Mariani (2018)	<i>Il faut vraiment mettre de côté ces guerres d'égo et les petites phrases et vraiment revenir à la hauteur du débat politique que la France mérite</i> (Нужно оставить эти стычки личных амбиций и громкие слова, а подняться на уровень политических дебатов, достойных Франции)	ВФ: пафосность, назидательность, смысловой оксюморон («нужно оставить громкие слова»)
Nicolas Sarkozy	<i>La France qui souffre et dont</i>	КП: <i>Jouer sur le sentiment</i>

(2006)	<i>on ne parle jamais</i> (Страдающая Франция, о которой мы не говорим никогда)	<i>de relégation de l'électeur, ça marche toujours</i> (Играть на чувствах избирателя – беспроегранный вариант) ВФ: пафосность, назидательность, гипербола
Martine Aubry 22/05/11, France2	<i>J'ai envie d'être utile à la France</i> (Мое желание – служить Франции)	ВФ: пафосность самовалоризации
Фрейм: 'Я и избирательная кампания'		
François Bayrou 125/06/11, Libération.	<i>Une campagne présidentielle, c'est un véritable Karcher. Cela enlève le maquillage</i> (Президентская кампания – настоящая автомойка. Она смывает всю косметику)	КП: ... <i>qui doit y aller un peu fort dans sa salle de bains... A bien fait de ne pas faire esthéticienne</i> (Лучше, чем в ванной. Да и к косметологу ходить не надо)
Nicolas Sarkozy à Jean-Louis Borloo , cité par Le Figaro, 22/07/11.	<i>Une présidentielle peut être une promotion, mais aussi une lessiveuse</i> (Президентские выборы – это, может быть, и повышение, но и головомойка)	КП: <i>Peut-être, mais l'essentiel, comme pour le baril de Skip, c'est de bien se vendre</i> (Но главное, как для барреля нефти, хорошо котироваться)
Dominique Voynet 20/08/11, 20 minutes.fr.	Une campagne présidentielle, c'est bestial et inhumain (Президентская кампания – это нечто животное, бесчеловечное)	КП: <i>C'est masochiste, aussi: elle a été candidate deux fois (1995 et 2007). Fais-moi mal?</i> (А еще это мазохизм: сама дважды выдвигалась в кандидаты. Типа сделай мне больно?)
Jean-Pierre Raffarin 01/09/11, LeMonde.fr	<i>La deuxième campagne n'est jamais magique</i> (Выбираться во второй раз уже не так феерично)	КП: <i>Parce que la première peut l'être? 2012, c'est pas Disneyland?</i> (А в первый было так? А что теперь уже не похоже на Диснейленд?)

Jean-Marc Ayrault 07/09/11, Europe 1	<i>Une campagne, c'est une épreuve!</i> (Выборы – это испытание)	КП: <i>Acceptons-là avec courage mes frères. Amen!</i> (Примем же его мужественно, братья. Аминь!)
Pierre Moscovici sur Twitter, 03/09/11.	<i>J'aime les campagnes électorales... C'est grave, docteur ?</i> (Я люблю избирательные кампании. Доктор, это что-то серьезное?)	ВФ: юмор, самоирония
Jean Louis Borloo 31/05/11, La Voix du Nord	<i>Je veux présenter ma candidature pour gagner</i> (Я выдвигаю свою кандидатуру, чтобы победить).	КП: <i>Évidemment, annoncer qu'on présente sa candidature pour perdre, ce serait original</i> (Очевидно, выдвинуть кандидатуру, чтобы проиграть было бы оригинальнее)
Jean-Louis Borloo (2011)	<i>J'ai eu plein de convergences avec le Président</i> (У нас было много общего с Президентом)	КП: <i>Pour ne pas avouer qu'on se déteste</i> (Чтобы не признаваться, что друг друга терпеть не могут)
Jean-Pierre Raffarin (Twitter, 2012)	<i>J'ai eu une longue conversation cordiale avec Nicolas Sarkozy</i> (У меня состоялся сердечный разговор с Н. Саркози)	
Фрейм: 'Дорогие французы ...: 66 млн членов моей семьи'		
Manuel Valls, 07/06/11	<i>La colère des Français est grande encore</i> (Гнев французов еще велик)	ВФ: пафос возвышенной аргументации
Jean-Marc Ayrault, 06/07/11, AFP	<i>La presse devrait s'intéresser aux problèmes des Français</i> (Пресса должна заниматься проблемами французов)	КП: <i>La presse ne s'intéresse qu'à l'inutile, c'est bien connu</i> (Известно, что прессу интересует всякая ерунда)
Ségolène Royal, 14/08/11, Le	<i>Les Français sont intelligents et donc fatigués des effets</i>	ВФ: лесть в адрес

Parisien.	<i>d'annonce</i> (Французы умны и устали от всяких обещаний)	аудитории – традиционная тактика политика
François Hollande, 09/06/11, Le Parisien.	<i>Je dois être celui qui mettra l'État au service du quotidien des Français</i> (Я тот, кто поставит государство на службу французам)	ВФ: пафосная валоризация
Фрейм: 'Оппозиция: МЫ и ОНИ'		
Christine Albanel (в Национальной Ассамблее) (2011)	<i>Je suis accablée par toutes les caricatures qui cherchent à présenter l'Hadopi²⁴ comme une sorte d'antenne de la Gestapo</i> (Меня достали все эти карикатурные изображения КАПИ как филиала гестапо)	ВФ: сравнение, которое стоило автору места в правительстве
Thierry Mariani (2011)	<i>C'est plus facile de pacifier la Libye que l'UMP²⁵</i> (Легче установить мир в Ливии, чем в СНД)	КП: <i>Donnant incidemment l'ordre de grandeur du problème</i> – (Слегка обозначить величие задачи)
Christian Estrosi Lors d'une réunion publique à Nice 17/06/11	<i>Le problème des socialistes, ce n'est pas les primaires, c'est leurs idées qui sont primaires</i> (Проблема социалистов – не первый тур выборов, а интеллект первоклассников)	ВФ: игра слов, омонимия прилагательного « <i>primaire</i> » (первичный/примитивный)
Marc-Philippe Daubresse, 28/06/11, Canal +	« <i>Elle a de la ténacité, elle a du courage... mais elle a quand même des défauts. Elle ment comme elle respire!</i> →» (У нее есть настойчивость, смелость, но у нее есть и	КП: <i>Juste un petit détail</i> (Так, мелочь)

²⁴ Hadopi – la Haute Autorité pour la diffusion des œuvres et la protection des droits sur internet (Комиссия по авторским правам в Интернете – КАПИ)

²⁵ Union pour un mouvement populaire, UMP (Союз за народное движение, СНД)

	недостатки. Она врет, как дышит. – О достоинствах М. Обри)	
Martine Aubry 28/07/11, RTL	<i>Le président de la République s'occupe plus de sa courbe de popularité que de la courbe du chômage</i> (Президент республики интересуется больше ростом своей популярности, чем ростом безработицы)	ВФ: параллелизм, антитеза
Фрейм: 'Журналисты и медиа – это всё из-за НИХ'		
Nicolas Hulot 13/07/11, RTL	Quand on a l'habitude de plonger avec des requins sans cage, il n'y a pas grand-chose qui vous impressionne (Когда привыкаешь плавать с акулами без клетки, не многое может еще впечатлить)	КП: <i>Quoique les Verts, parfois, ça fait peur!</i> (Хотя «зеленые» иногда умеют напугать)
Chantai Jouanno 27/12/10, Libération	<i>Mes propos ont été déformés à la suite d'une rencontre informelle avec les journalistes</i> (Мои слова были искажены, они были сказаны в присутствии журналистов неофициально)	КП: <i>Formule générique universelle pour démentir une affirmation péremptoire</i> (Стандартная формула для опровержения слов, сказанных вполне однозначно)
Eric Woerth (2017)	<i>Je me suis retrouvé pris en otage, pris au piège d'une interview, à charge</i> (Я оказался заложником, в западне, не на интервью, а в осаде)	КП: <i>Confondant le plateau de TF1 et le bureau du juge d'instruction. "Si j'avais su, j'aurais pas venu"</i> (Немножко перепутал студию ТВ1 с кабинетом следователя. «Знал бы, не пришел»)

Nadine Morano 10/07/11 («Le Journal du dimanche»)	<i>Tous les politiques sont des victimes potentielles d'Internet qui peut se transformer en déversoir à insultes</i> (Все политики – потенциальные жертвы Интернета, который превращается в сточную канаву оскорблений)	ВФ: гипербола, самоуничижительная жалоба
---	---	--

Нельзя не заметить ироничную тональность интерпретативных комментариев авторов сборника к приведенным фразеопаремиям. Именно ироническая интерпретация, насмешка, «стёб» (*banter*) [Brown, Levinson, 1987: 221-222; Leech, 2014: 82, 144] становятся главной аксиологической тональностью [Карасик, 2008; 2011; Матвеева, 2011] вторичной интерпретанты ППФП, которая отражает отношение обыденной и массмедийной критической лингвополитологии к плану содержания и плану выражения персональной фразеопаремии и превращает политические фразы в **паремические малапропизмы**. Поэтому часть малапропизмов отличается прямой агональностью (речевая агрессия, «хейт») [Воронцова, 2006], а часть – косвенной, опосредованной гелотогенной агональностью [Алферов, Якушева, 2018; Апресян, 2003; Воронцова, 2018; Тамразова, 2021; Якушева, 2022].

В том и в другом случае *триггером* меморизации и меметизации потенциальных малапропизмов становится *речезыковая аномалия* (девиация) [Апресян, 1990; Арутюнова, 1987], проявляющаяся на уровне:

- плана выражения (троп, фигура, эрратема);
- плана содержания (абсурд, парадокс, псевдореферентность, трюизм);
- плана употребления (нарушение постулатов общения и т.п.).

3.1.3. Риторико-прагматические черты внутренней формы ППФП

Интенциональное употребление неконвенциональных речезыковых форм, как правило, относится к **ингерентному имиджу** и имеет целью фасцинативное воздействие на аудиторию (*метафора, острота* – «*bon mot*»,

креативное словотворчество). Ингерентный имидж политика можно назвать *риторическим имиджем*, отражающим его «риторическую личность» [Колесникова, 2015] (см. тж. выше).

Иногда эти же *риторико-стилистические* креативные речезыковые средства употребляются спонтанно, неосознанно. Но для аудитории (спонтанной лингвополитологии и лингвоперсонологии) они становятся метаязыковыми аксиологическими триггерами, привлекающими внимание интерпретаторов, которые мысленно помещают то или иное высказывание в разряд (жанр) ППФП, формируя таким образом адгерентный делокутивный имидж политика.

Семантико-риторический анализ **плана выражения** ППФП приводит к констатации активного использования в ней тропов и фигур:

– **метафора:**

– **анималистическая:**

(1) «*Pour traverser le désert, vous choisissez un chameau [comprendre Borloo] pas une chèvre [Morin]*» (Чтобы пересечь пустыню, вы выберете верблюда [т.е. Жана-Луи Борлоо], а не козу [т.е. Эрве Морена]) – **Jean-Christophe Lagarde**, 10/09/11.

(2) «*Martine Aubry a un côté mante religieuse qui ne me plaît pas ! Il suffit de s'afficher avec elle pour être considéré comme digéré. Je suis fondamentalement indigeste*» (В Мартине Обри есть что-то от самки богомола, что мне не нравится. Она готова переварить каждого, кто встанет рядом с ней. Но я абсолютно неперевариваемый) – **Jean-Luc Mélenchon**, 26/03/11, Le Figaro.

(3) «*La présidentielle, ce n'est pas une course de cheval, c'est un enjeu majeur et je compte bien m'impliquer*» (Выборы президента – это не скачки на лошадях, это серьезный вызов, который я принимаю) – **Bertrand Delanoë**, 31/05/11, Le Grand Journal, Canal +.

– **производственная:**

«*Nous avons failli trouver du gaz de schiste*» – **Jean-François Copé**,

29/05/11, *Le Journal du dimanche*, à propos de la profondeur de ses désaccords avec Fillon («Мы чуть не докопались до сланцевого газа» – Ж.Ф. Копе о глубине разногласий с Ф. Фийоном).

– **медицинская:**

«*Ce qu'il faut pour la gauche en 2020, c'est un bon chirurgien du cœur pour la finance*» (В 2020 году левым нужен кардиохирург по финансам) – **Jean-Luc Mélenchon**, 26/03/19

– **морбиальная:**

«*Il y a trois ans, le PS était un cadavre sur le dos*» (Три года назад Социалистическая партия была валяющимся трупом) – **Martine Aubry**, 22/05/11, France 2 («Три года назад» председателем СП был Ф. Олланд).

– **антитеза:**

(1) «*Ce ne sont pas les bruits de l'UMP qui posent problème; ce sont les silences du gouvernement*» (Проблема не в шумных разборках в СНД, проблема в молчании правительства) – **Jean-Pierre Raffarin** (2011);

(2) «*J'entends ceux qui manifestent, mais j'entends aussi ceux qui ne manifestent pas*» (Я слышу тех, кто выходит на манифестации, но я слышу и тех, кто на манифестации не выходит) – **Dominique de Villepin** (2016);

– **аллюзия:**

«*Et Bousquet chez Mitterrand?*» (А как же Буске у Миттерана?) – традиционная парентеза во французском парламентском репликативном дискурсе [Попова, 2019] – упрек в адрес социалистов в сомнительных связях с некоторыми политическими акторами (отсылка к Рене Буске (René Bousquet), который тесно общался с президентом Миттераном, при этом в прошлом подозревался в связях с немцами во время Оккупации [Institut François Mitterrand – URL]).

Демагогия и банальность ППФП – основные характеристики «политического языка» – занимают первое место в жанре малапропизма в политической фразеологии:

- **трюизм:**

(1) «*L'agriculture n'est pas une activité comme les autres*» (Сельское хозяйство – это особенная отрасль) – **Nicolas Sarkozy** (2011).

(3) «*Les gens ne sont pas sots*» (Люди не дураки) – **Laurent Fabius**, 17/08/11, RTL.

(4) «*Parfois, la vie change...*» (Иногда жизнь меняется) – **Cécile Duflot**, 11/10/11, France Inter.

(5) «*La drogue, c'est quelque chose qui est dangereux sur le plan de la santé*» (Наркотики – это то, что вредит здоровью) – **Claude Guéant**, 08/06/11, Europe 1.

(6) «*Le cancer brise trop de vies*» (Рак ломает жизни) – **Nicolas Sarkozy**, 27/06/2011, conférence de presse à l'Élysée.

– **ассонанс:**

«*Il faut que le cœur se brise ou se bronze. Et le mien s'est bronzé*» (Сердце либо сгорает, либо загорает. Мое загорело) – **Marine Le Pen**, 23/06/11, France 2.

– **гипербола:**

«*La politique, c'est un hachoir!*» (Политика – это мясорубка) – **Dominique de Villepin**, 19/06/11.

– **литота:**

«*Je ne suis pas fermé à la réflexion*» (Я склонен к размышлению) – **François Bayrou**, 20/06/11, France Inter.

– **афористический каламбур:**

«*Il faut donner du temps au temps*» (Нужно дать время времени) – **François Mitterrand** 15/03/1982.

– **острота:**

«*Sarkozy avait dit que tout serait possible pendant son mandat. Il l'a prouvé*» (Саркози сказал, что во время его мандата все возможно. Он доказал это) – **François Hollande**, 25/09/14.

Иллокутивный аспект ППФП дифференцируется спонтанной лингвополитологией не просто на выделяемые традиционно речевые акты

(ассертивы, декларативы, промиссивы и т.д. [Серль, 1986], но воспринимается сквозь призму оценочной интерпретации, коррелируя с концепцией речевых жанров [Дементьев, 2010]):

– **правоучения, прописные истины:**

(1) «*Le principe même de la rumeur, c'est qu'elle n'est pas fondée sur des faits, sinon c'est une information*» (Сам принцип слухов в том, что они не опираются на факты, иначе это уже информация) – **Michel Sapin**, 11 /07/11, FR Télé.

(2) «*Nous devons être exigeants en terme de morale publique*» (Мы должны быть требовательны к понятию морали) – **Martine Aubry**, 22/05/11.

(3) «*Nous devons dominer l'argent, sinon l'argent nous dominera*» (Мы должны управлять деньгами, иначе деньги будут управлять нами) – **François Hollande**, 27/08/11.

(4) «*Le salaire des fonctionnaires, c'est l'argent de leur travail*» (Зарплата чиновников – это плата за их труд) – **Henri Guaino**, 01/06/11, Europe 1.

(5) «*La dette, c'est un vrai problème et il faut s'y attaquer*» (Долг – это настоящая проблема, и необходимо ее решать) – **Laurent Fabius**, 17/08/11, [RTL].

– **лозунг:**

«*Nous sommes le peuple, nous sommes le monde, nous sommes l'intelligence*» (Мы – народ, мы – мир, мы – разум) – **Jean-Luc Mélenchon**, 29/06/11.

– **инвектива:**

«*À présent, à gauche, pourquoi choisir, pour entrer dans la saison des tempêtes, un capitaine de pédalo comme Hollande?*» (Сегодня, когда мы входим в шторм, зачем нам такой капитан педального катамарана, как Олланд?) – **Jean-Luc Mélenchon**, 12/11/11.

Таким образом, опредмеченные высказывания политиков функционируют в двух режимах – «он-лайн» и «офф-лайн» [Кибрик, 2015].

В представлении «офф-лайн» цитаты политика становятся ППФП – эмблематичными знаками, персональными фразеопаремиями, меморизируемыми, собираемыми и распространяемыми, меметизируемыми в обыденной лингвополитологии (ср. *черномырдинки, macronneries*), которые создают противоречивый речевой имидж, «фразеологический портрет» политического деятеля.

Аккумулируясь и повторяясь, ППФП представляют собой прецедентные метаречевые феномены, характеризующиеся Ю.Н. Карауловым как:

«1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 2007: 216].

3.1.4. Интеракциональность и контекстуальность внутренней формы ППФП как следствие (де)текстуализации

В современной французской политической лингвистике справедливо отмечается: «Le roi avait deux corps, l'Homme officiel a deux voix, la sienne propre, personnelle, privée, et celle de sa fonction, publique» (У короля было два тела, у политика – два голоса – собственный, личный, и общественный, публичный) [Deias, 2020:2]. Персональный политический речевой имидж всегда имеет двойное прочтение: как имидж человека-политика и как имидж политика-политика. Несмотря на то, что между этими полюсами существуют различные вариации доминирования то одной, то другой ипостаси, именно успешный баланс между «человеком» и «политиком» создает уместное, *релевантное* в той или иной общественной ситуации высказывание.

В нашей работе ключевое понятие *релевантности высказывания* трактуется, вслед за Г.Е. Поповой, как категория, объединяющая «все

условия успешности высказывания в контексте речевого взаимодействия, которые в свою очередь определяют внутреннюю интерпретацию высказывания как речезыкового знака» [Попова, 2019: 15]. Отклонения от релевантности – это те или иные *девиации* и *аномалии* в плане выражения и/или в плане содержания политического высказывания (ср. [Алферов, 2020a]). Такие аномалии приводят к определенным метаязыковым оценочным интерпретациям, которые имплицитно фиксируются языковым сознанием и эксплицитно комментируются в обыденной и/или научной лингвополитологии [Алферов, Якушева, 2018].

При этом персональный имидж политика лежит в основе формирования коллективного образа политической группы, партии, всего политического класса страны. Классик политической лингвистики П. Бурдьё отмечал:

«Un homme officiel est un ventriloque qui parle au nom de l'Etat: il prend une posture officielle – il faudrait décrire la mise en scène de l'officiel —, il parle en faveur et à la place du groupe auquel il s'adresse, il parle pour et à la place de tous, il parle en tant que représentant de l'universel» [Bourdieu, 1991: 204].

К речезыковым средствам формирования ингерентного делокутивного имиджа политика мы относим речевую креативность субъекта, в частности, словотворчество (окказионализмы / авторские неологизмы [Якушева, 2012]), игру слов, каламбур и др. тропы (метафоры и т.д.), а также юмор политика.

Все эти средства проявляются в риторической личности политика (умения и навыки воздействия на аудиторию, восприятие личности в совокупности его этоса, логоса и пафоса) [Колесникова, 2015], которая ориентирована на **сознательный выбор языковых средств**, лексических и фразеологических форм, создающих «речевую маску», изменяя её в зависимости от целей и обстоятельств коммуникации [Шпильман, 2006: 56].

Риторическая личность во многом ориентирована на создание и поддержание ингерентного имиджа, воплощающегося в ярких высказываниях. Швейцарская журналистка Н. Ламон (Nicole Lamon),

специалист по PR-технологиями в парламентских структурах, на вопрос «*Que font mieux les hommes politiques depuis qu'ils disposent de formations en communication?*» (Чего достигают политики, получившие образование по коммуникативным техникам?), ответила: «*Ils savent faire des petites phrases*» («Умеют говорить лаконично и афористично» – досл. «делать фразочки»), добавив, что они научаются выражать свои мысли в «коротких форматах» по 15-20 секунд [Krieg-Planque, 2011: 19].

Фразеологизация политического высказывания определяется его интеракциональной внутренней формой, которая представляет собой «сложную макрокомпонентную структуру, состоящую из образного, мотивировочного, оценочного, эмоционального и культурного компонентов» [Баранов, 2013]. Интеракциональность ППФП заключается в том, что средой, порождающей политическую фразу, является полемическое речевое взаимодействие политических акторов.

На основе проведенного анализа предвыборных президентских дебатов во Франции (см. Материал исследования) мы выявили контекстную составляющую образования ППФП в ходе «он-лайн»-дебатов. В «он-лайн» дебатах стратегия цитирования оппонента выступает в качестве манипулятивной стратегемы, разновидности аргументативной уловки (fallacy) *ad personam* [Тамразова, 2021], поэтому часто становится предметом обсуждения и осуждения в метаязыковых пикировках оппонентов:

(1) «*Ne jouons pas à ce petit jeu des citations*» (V. Giscard d'Estaing vs F. Mitterrand, 1981) [Débat de l'entre-deux-tours] (Не будем играть цитатами) ;

(2) «*Vous avez l'art de la caricature fondée sur l'exploitation des **petites phrases**, monsieur Mitterrand* (J. Chirac vs F. Mitterrand, 1988) [Débat de l'entre-deux-tours] (У вас дар к карикатурному манипулированию «*фразочками*» – выделено нами – А.Я.);

(3) «*N. Sarkozy: ... je n'irais pas jusqu'à vous dire ce qu'à dit de vous Laurent Fabius ?*

F. Hollande: *Pff, allez, vous avez toujours un socialiste qui vous sert de référence, hein, ça c'est aussi votre méthode ; vous avez déjà cité Martine Aubry, maintenant Manuel Valls, maintenant Laurent Fabius ! Est ce que vous voulez que je vous serve les noms de tous les responsables de droite qui ont dit du bien de vous. Parce que je pourrais pour votre service un certain nombre...»* (N. Sarkozy vs F. Hollande, 2012) [Débat de l'entre-deux-tours] (Н. Саркози: Я не стану повторять то, что говорил о вас Л. Фабиус... Ф. Олланд: Фи, это у вас тактика такая – цитировать кого-то из социалистов. <...> Хотите я назову имена тех «правых», кто говорил много хорошего в ваш адрес...).

В речевой интеракции «он-лайн» ингерентный и адгерентный имидж переплетаются. Роль цитирований высказываний оппонента состоит не только в дискредитации *ad personam* и создании негативного адгерентного делокутивного имиджа объекта-оппонента [Тамразова, 2021], но и составляет часть ингерентного имиджа самого субъекта, прибегающего к такой стратегии адверсативного (критического) цитирования (ср. «Кто обзывается, тот так и называется»). Так, в дебатах Олланд–Саркози (2012) Ф. Олланд использовал тактику косвенного аргумента – обвинения Н. Саркози в допущенных злоупотреблениях и ошибках – в форме противопоставления (антитезы) «Я-ТЫ»: *«Moi, président de la République, je ne traiterai pas mon premier ministre de collaborateur. Moi, président de la République, je ne participerai pas à des collectes de fonds pour mon propre parti dans un hôtel parisien* [Débat de l'entre-deux-tours] – (Я как президент республики не назову своего премьер-министра предателем. Я как президент республики не буду участвовать в сборе средств для своей партии в частном отеле Парижа). Многократное повторение эмфазы *«Moi, je»*, как применение пафосной риторической тактики, стала мемом и, с подачи Н. Саркози, вошла в адгерентный имидж Ф. Олланда, пополнив «иконостас» его многочисленных прозвищ (см. [Якушева, 2014]).

Ярким примером детекстуализации и меметизации политического высказывания служит ставшая мемом ППФП Валери Жискар д'Эстена в

адрес Ф. Миттерана на предвыборных президентских визави-дебатах в 1974 году «*Vous n'avez pas, monsieur Mitterrand, le monopole du coeur*» (У вас нет, г-н Миттеран, монополии на сердечность).

Контекстуальной составляющей («когнитивной контекстуальной моделью», по Т.А. ван Дейку [Dijk, 2020]) президентских дебатов «Эстен – Миттеран» стал *адгерентный этос* кандидата и действующего на тот момент президента В. Жискара д'Эстена – правого политика, сильного экономиста, расчетливого и «холодного» человека. В одном из телеинтервью он сам признавал этот сложившийся адгерентный имидж-стереотип. Как отмечает К. Кербрат:

«On me fait parfois le reproche d'être quelqu'un de froid. Je crois que ce n'est pas vrai. Je crois que je suis quelqu'un de réservé comme sans doute, d'ailleurs, beaucoup d'entre vous. Mais vous savez que les gens réservés ne sentent pas moins que les autres. C'est pourquoi, dans cette campagne, j'ai dit que je voulais regarder la France au fond des yeux, mais je voudrais aussi atteindre son coeur» [Kerbrat-Orecchioni, 2012: 29]) (Меня иногда упрекают в холодности. Думаю, это не так. Полагаю, что я сдержанный человек, как многие из вас. Но, знаете, сдержанные люди чувствуют не меньше других. Поэтому в этой <предвыборной> кампании я хочу посмотреть в глаза Франции, прикоснуться к её сердцам).

Можно предположить, что такая «сердечность» была частью PR-стратегии политконсультантов д'Эстена (ср. [Giscard d'Estaing, 1988]), которую он применил во время теледебатов с Миттераном – социалистом, *априори* радеющим за социальную справедливость и борьбу с крупным капиталом.

В ходе дебатов Ф. Миттеран высказался за справедливое распределение национального богатства, заявляя, что: «*si c'est presque une question d'intelligence, c'est aussi une affaire de coeur*» (если это почти всецело вопрос холодного разума, это еще и «вопрос сердца» = сердечности / отзывчивости / сочувствия). И тогда Жискара д'Эстен произносит свою тираду:

«*Tout d'abord je trouve toujours choquant et blessant de s'arroger le monopole du cœur. Vous n'avez pas Monsieur Mitterrand, le monopole du cœur! Vous ne l'avez pas... J'ai un cœur comme le vôtre qui bat à sa cadence et qui est le mien. Vous n'avez pas le monopole du cœur*» [Face à face, 2002: 47] (Во-первых, я считаю бестактным и обидным, когда присваивают себе монополию на сердце (сердечность). У вас нет, г-н Миттеран, монополии на сердечность. Нет её у вас... У меня такое же сердце, как и у вас, которое бьётся с такой же частотой, как и ваше).

Однако, судя по *ретроактивности* (анафора, повтор) реплики Жискара [Борисова, 2007; Дюбуа, 1986; Kerbrat-Orecchioni, 2002; 2012] и по воспоминаниям самого д'Эстена («*Le Pouvoir et la Vie*»), эта реплика не была заготовкой, а была импровизацией, благодаря которой, по его словам, он остался президентом республики в 1974г. [Giscard d'Estaing, 1988; France TV info, 2020].

Концептуальный и семантически-прагматический анализ дебатов позволяет заключить, что ППФП Жискара д'Эстена, действительно, потрясла французов («*phrase choc*»), приписывающих холодность и расчетливость этосу технократа д'Эстена.

Контекстуально-риторический анализ находит в ней свойства фигур (метафора и реприза с вариациями, параллелизм и контраст, антанаклазис: *cœur* – сердце/сердечность) (ср. [Желтухина, 2004]), миметическую игру на диалогическое неформальное сближение (преамбула «*je vais vous dire quelque chose*», оппозиция 1-2 лица *Je/vous* и косвенное обращение к универсальной конклюдивной аудитории – французам), аргументативную маркированность: *je trouve, d'abord* и *alors*, аксиологические аффективы: *choquant, blessant*.

В ответ на эту декларацию Миттеран произносит тихое и неударное *Sûrement pas* (Нет, конечно). И тогда д'Эстен переходит от упрека к утверждающему обвинению, обращенному к Миттерану, но адресованному французам («*aux Français*», «*pour les autres*»):

VGE : ... et ne parlez pas aux Français de cette façon si blessante pour les autres. Alors concernant ce qui a été fait au cours des dernières années <...> donc, monsieur Mitterrand, personne n'a le monopole du coeur, monsieur Mitterrand. Personne n'a le monopole de la justice [Face à face, 2002: 65] (... и не говорите с французами в такой обидной манере. Что до того, что было сделано за последние годы... так, г-н Миттеран, ни у кого нет монополии на сердечность, г-н Миттеран. Ни у кого нет монополии на справедливость).

ППФП *Vous n'avez pas le monopole du cœur* вошла в золотой фонд политических фразеопаремий и приобрела характеристики прецедентного однофразового текста, подвергаясь полной или неполной, прямой или косвенной, аллюзивной цитации (ср. [Гудков, 1999; Моисеенко, 2015]).

Помимо диалогизма внутренней формы ППФП, наблюдается и функциональный внутрижанровый диалогизм, когда устанавливается диалогическая кореференция между произнесенной ППФП, ставшей мемом, и ее дискурсивными «клонами» и трансформациями:

– диалогизм и прецедентность:

ППФП Сеголен Руаяль «*Il y aura du ménage à faire. Et ce n'est pas plus mal que ce soit une femme qui soit élue pour faire le ménage. Un bon coup de balai et hop !*» (Надо будет сделать уборку. И чтобы прибраться, нужна женщина-президент. Махнула веником – и вжик) явилась откликом на фразу Лорана Фабиуса, выразившего сомнения по поводу выдвижения кандидатуры Руаяль на пост президента в 2007г.: «*Mais qui va garder les enfants?*» (А кто за детьми присмотрит?).

Таким образом, ППФП могут содержать или не содержать в себе триггеры гелотогенности (нонсенс, абсурд, алогизмы, языковые аномалии и др. девиации в плане содержания/выражения). Однако их публикуемые подборки чаще всего рассчитаны на гелотогенный эффект (кроме афоризмов «со смыслом» [Тангир, 2007]), причем, смех здесь выполняет амбивалентную функцию: *конфликтогенную* (насмешка усиливает критику и выступает как ликоущемляющий акт) и *конфликтотцидную* (смех снижает

степень конфликта, выступая средством митигации агональности) [Алферов, Якушева, 2018]. Но чаще всего «фразочки» содержат произвольные триггеры аномальности (гелотогенной или диффамирующей).

3.2. Малапропизмы в адгерентном имидже французского политического класса

Обращаясь к французским ППФП-малапропизмам, мы получили два корпуса исследования: во-первых, корпус самих ППФП, отмеченных медиасообществом (журналисты, собиратели мемов, читатели блогов и т.д.) как «знаковые», то есть имиджеобразующие («имагогенные» [Тамразова, 2020]). Этот критерий «отмеченности», т. е. медийного резонанса и факта меметизации, является определяющим в причислении высказывания политика к феномену ППФП. Нами был составлен параллельный корпус, представляющий малапропизмы и комментарии к ним. Второй корпус отражает адгерентный имидж политика, причем, сами «комментарии» трактуют иногда «безобидные», «ординарные» фразы как малапропизмы.

Здесь, несмотря на семасиологический подход к ППФП как элементу политического дискурса вообще, выделяются количественно и качественно малапропизмы, принадлежащие главным персонажам политического Олимпа – президентам V-й Республики.

Одним из первых изданных во Франции собраний антифоризмов были высказывания и «фразочки» Ж. Ширака, или «ширакизмы» [La Chiracophobie, 2021]. Нужно отметить, что тональность отношения к высказываниям Жака Ширака, как и к речениям российского государственного деятеля Виктора Степановича Черномырдина («черномырдинки») в нашей стране, не носит сугубо отрицательной оценки. Это, скорее, можно рассматривать как «политический фольклор» – забавные высказывания, вызвавшие в контексте своего произнесения какие-то чувства аудитории к «харизме» данного политического персонажа.

Так, в 1981 году Ж. Ширак на передаче на канале *Antenne 2* после долгого ожидания (не зная, что уже идет трансляция) заявил: «*Qu'est-ce qui arrive à la 2, il faut faire chauffer l'appareil?*» (Что происходит с А-2? Нужно раскопегарить ваш паровоз?). Эта фраза стала национальным мемом [La Chiracophobia].

Меметизация паремических малапропизмов как знаковых высказываний-мемов, по мнению Г.Г. Молчановой, обусловлена как формальными, так и функциональными аспектами [Молчанова, 2018]. Это, с одной стороны, компактность и ударность фразы-пуанты (ср. phrase choc [<https://fr.wiktionary.org/wiki/phrase-choc>]), а с другой стороны, – «парольная функция» и символизация [Там же].

Таким образом, когнитивно-прагматическая характерология и типология средств формирования ингерентного и адгерентного политического имиджа составляет нетривиальную перспективу политической лингвоперсонологии в её ингерентном и адгерентном интеракционально-дискурсивном представлении.

Большинство высказываний и окказионализмов Ж. Ширака составляют собрание «антиафоризмов», формирующих имидж французского политика. Эти речения имеют разные причины быть помещенными в памятный список. Некоторые из них ситуативны и понятны только в связи с историей их произнесения. Другие, действительно, содержат в себе все свойства афоризма – автономность смысла, философское обобщение, юмор, суггестивное, неосознанное воздействие

Как отмечалось выше, французские журналисты, продолжая традицию создания делокутивного портрета политика, на сайте Французского Пресс-клуба (Press Club de France)²⁶ проводят ежегодный конкурс «Юмор и политика» (Humour et Politique) на лучший политический малапропизм – фразу политика, произвольно или непроизвольно ставшую юмористическим мемом. Победитель награждается призом. В 2016 году первое место занял

²⁶ Press Club de France – URL: <http://www.pressclub.fr>.

действующий президент Франции Франсуа Олланд, который (надо отдать должное его чувству юмора) лично явился на церемонию за наградой и произнес речь, достойную профессионального пародиста.²⁷ Его многочисленные подмеченные журналистами «фразочки» назвали «олондризмами» (*hollanderies*). ППФП Ф. Олланда часто отражают чувство юмора автора: «*Quand on fait un mini-sommet, on a forcément de mini-conclusions*» («Когда мы проводим мини-саммиты, мы обязательно имеем мини-результаты») или (о своём предшественнике Н. Саркози): «*Il a gouverné pendant cinq ans, il connaît les erreurs à éviter. La preuve, il les a toutes commises*»²⁸ (Он правил пять лет и хорошо знает, каких ошибок нужно избегать. Тем более, что он их все сам совершил).

Другие ППФП Олланда вызывают откровенную насмешку аудитории, в частности:

(1)

«*L'afflux des migrants est une situation exceptionnelle qui va durer*».

«*Parfois les mous peuvent atteindre la perfection* ».

«*Entre ceux qui ne veulent rien faire et ceux qui veulent tout défaire, nous, nous allons bien faire*».

«*Ça va mieux ; même la météo va mieux !*» [François Hollande].

Приток мигрантов – это исключительная ситуация, которая станет повседневностью.

Иногда неудачники могут достичь совершенства.

Между теми, кто не хочет ничего делать, и теми, кто хочет все переделать, мы будем продолжать это делать.

Положение в стране улучшается, даже погода налаживается.

Неуместность или абсурдность изречений политиков становится настоящей народной забавой французов, особенно журналистов, которые и в печатных СМИ устраивают конкурсы на лучший квазиафоризм (*petite phrase*)

²⁷ De Flanby à Pingouin ... tous les surnoms de F. Hollande. URL : <http://yvonne92110.centerblog.net/12275/hollande> (дата обращения 09.09.18).

²⁸ Press Club de France – URL: <http://www.pressclub.fr>. (дата обращения 09.09.2021).

своей политической элиты. Специальный ежегодный приз присуждается членами жюри – юмористами и журналистами – за самую нелепую ППФП, намеренную (ингерентную) или ненамеренную (адгерентную).

Многие приведенные в нашей работе ППФП становились лауреатами подобных конкурсов в разные годы. Среди многочисленных номинированных малапропизмов можно процитировать некоторые. Например:

(2) «*Les centristes sont tellement nombreux qu'on en trouve toujours un avec lequel être d'accord*» (Jean-Pierre Raffarin, Le Figaro Magazine 16/04/16) (Центристов так много, что обязательно найдется тот, с кем можно договориться);

(3) «*L'égalité homme-femme est une condition indispensable à la réussite de la lutte contre le dérèglement climatique*» (Ségolène Royal, министр экологии 02/12/15) (Равенство между мужчиной и женщиной есть неременное условие победы в борьбе с климатическими катаклизмами)²⁹.

Если в первой фразе механизм иронической интерпретации основан на логической инференции 'расширение понятия' и превращает юмор в ингерентную имиджевую черту субъекта, то во второй – смешным является нарушение логической связи (что вообще характерно для большинства малапропизмов Сеголен Руаяль).

«Антифоризмы» французских политиков являются неотъемлемой частью их деловитивного имиджа, характеризуя их то как блестящих остряков, то как косноязычных бюрократов, говорящих на своем, как его называют французы, канцелярском «деревянном языке» (*langue de bois*).

Часто они являются откровенными недоразумениями, оговорками или грубыми «ляпами»:

²⁹ COP21 : un nouveau projet d'accord présenté en milieu de journée https://www.lemonde.fr/cop21/article/2015/12/08/femmes-entreprises-ttf-le-recap-de-la-cop-jour-9_4827385_4527432.html

(4)

Patrick KANNER à propos de Michel Platini:
«Sa fin de carrière est aujourd'hui terminée»

Патрик Каннер о Мишеле Платини:
Окончание его карьеры сегодня закончилось

(5)

«La France est un pays ami de la Corse» France Info 18/01/16
Jean-Guy TALAMONI, Président de l'Assemblée Corse

Франция – дружественная Корсике страна*
Жан-Ги Таламони, председатель Ассамблеи Корсики
* Корсика – департамент Франции

(6)

«Mon intelligence est un obstacle»
Bruno LE MAIRE

Мне мешает мой интеллект
Брюно Ле Мэр

Иногда произнесенные высказывания не вполне соответствуют выполняемым обязанностям и занимаемым постам. Так, **министр культуры** Розелина Башло (Roselyne BACHELOT), лауреат премии Пресс-клуба 2021, заявила:

(7)

« Comme disait mon grand-père, mieux vaut avoir des gens dans sa tente et qui pissent dehors, que l'inverse »
Le Monde 11/2/21

Как говорил мой дед, лучше терпеть в своей палатке людей, которые справляют нужду снаружи, чем наоборот»

На фоне санитарного кризиса и ограничительных мер по поводу разворачивающейся пандемии отмеченные Пресс-клубом антифоризмы приближаются к жанру черного юмора. Так, мэр Ниццы Кристиан Эстрози (Christian ESTROSI) произнес следующее:

(8)

Naturellement on peut toujours dire que le confinement arrive trop tard mais cela sera encore plus tard dans 15 jours ». BFM TV 23/03/21

Конечно, можно говорить, что мы поздно объявили локдаун, но через две недели это было бы еще позже

Политические антиафоризмы демонстрируют тонкости политической борьбы, коллизии отношений как внутри политической элиты, так и отношения между политической элитой и гражданским обществом:

(9)

«Les centristes sont tellement nombreux qu'on en trouve toujours un avec lequel être d'accord». Jean-Pierre RAFFARIN	Центристов настолько много, что обязательно найдется тот, с кем можно договориться
--	--

(10)

«L'égalité homme-femme est une condition indispensable à la réussite de la lutte contre le dérèglement climatique». Ségolène ROYAL	Равенство между мужчиной и женщиной есть необходимое условие победы в борьбе с климатическими бедствиями
---	--

(11)

«Une croissance nulle conforte nos objectifs en matière de croissance» Michel SAPIN, Ministre de l'Economie et des Finances	Отсутствие роста служит нашим целям по увеличению роста Мишель Сапэн, министр экономики и финансов
---	---

Многочисленные высказывания, ставшие мемами, характеризуют отношения политиков между собой. Они полны иронии, сарказма, даже откровенного цинизма и дискредитации:

(12)

Nicolas SARKOZY à propos de François Baroin : «Il a du talent ; pour quelqu'un qui ne travaille pas, il a fait une belle carrière» Le Point 12/05/16	Николя Саркози о Франсуа Баруэне: У него талант; для человека, который не работает, он сделал блестящую карьеру
---	--

(13)

« Le Ps ne travaille jamais pour rien ; surtout quand il travaille». Jean-Marie LE GUEN	Социалисты никогда не работают впустую, особенно, когда они работают
---	--

Иногда внимание французского Пресс-клуба привлекают яркие антиафоризмы зарубежных политиков.

Так, в 2015 году лучшим зарубежным мемом был признан антиафоризм Д. Трампа:

(14)

«*Je connais bien le monde ouvrier ; j'en ai licencié des milliers*» ; | *Я прекрасно знаю мир рабочих, я тысячи их уволил*

Таким образом, делокутивные портреты политиков создаются ими самими, но в большей степени зависят от внешней интерпретации их высказываний в средствах массовой коммуникации. С одной стороны, такое средство формирования имиджа, как делокутивный портрет, может стать разрушительным оружием в руках оппозиции, а с другой, – юмор, который заложен в интерпретации прецедентных высказываний, таких как антифоризмы, снимает напряжение между политическим классом и гражданским обществом [Алферов, Якушева 2018]. Интересные примеры такой агональной интерпретации содержит цитируемый выше сборник «перлов» французских политиков «*Parlez-vous le politique: Le politique en version sous-titrée*» [Wattier, Picard, 2011], цитаты из которого приводятся в нашем переводе:

(1) Цитата: «*Nous avons travaillé deux heures et quart*» («Мы работали два часа пятнадцать минут»). Политик: François Baroin, 10/08/11, à la sortie de la réunion «de travail» sur la situation économique et financière (Франсуа Баруэн на выходе с «рабочего совещания» об экономическом и финансовом кризисе в стране). Комментарий авторов : «*Pour bien montrer qu'au gouvernement, on n'hésite pas à consacrer à la crise un quart d'heure supplémentaire. C'est rassurant* ». (Сказано, чтобы показать, что в правительстве готовы всегда и без колебаний посвятить проблемам кризиса лишние четверть часа. Это обнадеживает) [Wattier, Picard, 2011: 71];

(2) Цитата: «*Je me bats pour un avenir que j'offre aux français*» («Я сражаюсь за будущее, которое подарю французам»). Политик: Marine Le Pen, 23/06/11, France 2 (Марин Ле Пен, телеканал France 2). Комментарий авторов: *L'Altruiste* (Альтруистка) [Wattier, Picard, 2011: 57];

(3) Цитата : «*Une campagne présidentielle, c'est bestial et inhumain* » («Президентские выборы – это что-то животное, бесчеловечное »). Политик:

Dominique Voynet, 20/08/11, 20 minutes.fr. (Доминик Вуане, интернет-издание 20 minutes.fr.). Комментарий авторов: C'est masochiste, aussi: elle a été candidate deux fois (1995 et 2007). Fais-moi mal ? (А еще это мазохизм: сама была кандидатом дважды (в 1995 и 2007). Типа «сделай мне больно»?) [Wattier, Picard, 2011: 145].

Учитывая, что язык политики и политиков во Франции является предметом не только лингводискурсивного и специального лексикографического рассмотрения [Абабий, 2019], но и постоянно обсуждается в текущей прессе, недостатка в самих ППФП и комментариях к ним нет. Кроме того, время от времени появляются специальные журналистские и лингвистические исследования [Mayaffre, 2021; Thalès, 2017], посвященные языку отдельных политиков, так или иначе пополняющие корпус нашего исследования. Лидирующим в этом списке со времен президента Ш. Де Голля является Эммануэль Макрон, речевой имидж которого формировался в течение всего срока его президентства и даже ранее – в бытность советником Ф. Олланда и министром экономики в кабинете М. Вальса.

3.3. Малапропизмы в ингерентном и адгерентном имидже Э. Макрона

Будучи министром экономики, Макрон запустил “мем” фразой, адресованной молодому безработному: «*Le meilleur moyen de se payer un costard, c'est de travailler*»³⁰ – *Лучший способ купить костюм – работать*, за что получил характеристику «незрелого политика» [Figaro 2017] и хэштеги #Costardgate (*Костюмгейт* по аналогии с Уотергейтом) и #UnTshirtpourMacron (*МайкадляМакрона*) в Твиттере.

Адгерентный делокутивный имидж Макрона изобилует ППФП. На примере этих «макронизмов» («macronneries») мы рассмотрим некоторые

³⁰ URL: https://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2016/05/27/25001-20160527_ARTFIG00392-emmanuel-macron-le-meilleur-moyen-de-se-payer-un-costard-c-est-de-travailler.php

механизмы меметизации ППФП как фразеопаремической составляющей французского медийно-политического дискурса.

Прежде всего отметим, что адгерентный делокутивный имидж вторичен и произведен от ингерентного имиджа, то есть определенного когнитивно-дискурсивного стиля «субъекта говорящего» (ср. [Brackett, 2004; Hagège, 1985]).

Формируемый такими персональными речениями адгерентный имидж политиков зависит от того, как эти фразы будут восприняты в гражданском обществе, прежде всего, в СМИ и среди представителей политической элиты.

Как уже отмечалось, «образ» политика (адгерентный имидж) фиксируется в его субстандартном ониме – прозвище [Фененко, 2019; Якушева, 2014].

Макрон получил свой «ник» – «Jupiter» (“*Jupiter planete gazeuse*”). В случае Макрона вердикт, вынесенный в его адрес, однозначен – высокомерие (*arrogance*) как психокогнитивная доминанта его «эмоционального интеллекта» [Brackett, 2004].

Высказывания-мемы Э. Макрона получили название «макронизмов». ППФП дискурса Макрона многочисленны. Приведем лишь некоторые с уточнением контекста их порождения.

«*Gaulois réfractaires au changement*» (Галлы, не поддающиеся переменам). Это высказывание (Дания, июнь 2018) сравнивает лютеранцев-датчан (*peuple luthérien*), открытых к преобразованиям, с «галлами, сопротивляющимися переменам») ³¹. Эта ироничная фраза Макрона в её ингерентном прочтении (интенциональность автора) не была ни надменной, ни агрессивной. По словам оправдывающегося за неё Макрона, это была «попытка юмора» («*un trait d'humour*»), которая была расценена большинством французов как «высокомерная и презрительная» («*Les*

³¹ Le Monde, 29 août 2018 URL: https://www.lemonde.fr/emmanuel-macron/article/2018/08/29/emmanuel-macron-compare-les-francais-a-des-gaulois-refractaires-au-changement_5347766_5008430.html

“*Gaulois*” vont se faire un plaisir de répondre à son arrogance et à son mépris!» – *Marine Le Pen*³². – «”Галлы” припомнят ему это презрение и высокомерие» – *Марин Ле Пен*. (Пророчество сбылось: той же осенью «Галлы» надели «жёлтые жилеты») [Алферов, Якушева, 2018].

В основе отрицательной адгерентной интерпретации этого малапропизма лежит тот факт, что слова Макрона были произнесены в присутствии датской королевы и прозвучали неуместно (нерелевантно), так как нарушили один из постулатов общения – «не принижай себя перед посторонними» [Попова, 2019].

И.Г. Тамразова отмечает:

«Самоирония предполагает *взаимную эмпатию* со стороны адресата, которой, к сожалению, Э. Макрон не может похвастаться: его высказывания, увы, получают *эристическую* интерпретацию (что связано с интенциональной и психологической «установкой» его аудитории)» [Тамразова, 2021].

Реплика, вырванная из контекста, становится поводом для серьёзной медийной дискредитации имиджа президента со стороны оппозиции [Гришаева, 2009].

*Des gens qui réussissent et des gens qui ne sont rien*³³ (Есть успешные люди, а есть ничтожества). Фраза была однозначно воспринята как высокомерная. Хотя сам Макрон в контексте обращения к молодым французам призывал их стать успешными, отталкиваясь от реалий жизни. Французы опять приняли это высказывание «на свой счёт» (не без помощи журналистов и оппонентов президента).

³² Le Monde, 29 août 2018 URL: https://www.lemonde.fr/emmanuel-macron/article/2018/08/29/emmanuel-macron-compare-les-francais-a-des-gaulois-refractaires-au-changement_5347766_5008430.html

³³ Figaro–2017. «Illettrés», «fainéants», «bordel»... de Bercy à l'Élysée, le langage choc de Macron / Le Figaro, 5.10.2017. URL : <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2017/10/05/25001>

*Un pognon de dingue (sur les minima sociaux)*³⁴ (Сумасшедшие «бабки» на социальные выплаты). Эта фраза, ставшая достоянием СМИ, не предназначалась широкой публике, а была высказана в разговоре с министрами и случайно попала в запись. Макрон на самом деле сетовал, что социальные выплаты, хоть и требуют «сумасшедших бабок», «не вытащат никого из бедности». Такие случаи достаточно часты во французской медиасреде. Высказанные в частной беседе, предназначенные, по определению. Х. Перельмана, «частной аудитории», такие «фразочки» становятся достоянием общественности («универсальной аудитории») [Perelman, 1983], дискредитируя их автора.

Например, фраза Э. Макрона *Je ne céderai rien ni aux fainéants, ni aux cyniques, ni aux extrêmes* – «Я не уступлю ни лентяям, ни циникам, ни экстремистам» – была воспринята крайне отрицательно французами и особенно политическими противниками президента Франции. Вот отрывок из последовавших в адрес Макрона обвинений в презрении и высокомерии [Якушева, 2022] (Таблица 4):

Таблица 4.

Адгерентная интерпретация ППФП политическими оппонентами

ПОЛИТИК	ВЫСКАЗЫВАНИЕ
<u>Marine le Pen</u>	«Gramsci disait "Le vieux monde se meurt, le nouveau tarde à apparaître, et dans le claire obscure surgissent les monstres". <u>Nous y sommes</u> » – Грамши говорил: «Старый мир умирает, новый мир не спешит родиться, и в этом безвременье появляются монстры. Вот к этому мы и пришли»
<u>Martine Aubry</u>	«Les français sont des fainéants! Quel mépris, quelle ignorance!» – Французы – лентяи! Какое презрение и какое невежество»

³⁴ URL: <https://www.lefigaro.fr/flash-actu/2018/06/13/97001-20180613FILWWW00015-macron-on-met-un-pognon-de-dingue-dans-des-minima-sociaux-les-gens-sont-quand-meme-pauvres.php>

Понять ингерентный имидж Макрона, его речевую интенцию в каждом конкретном случае может только непредвзятый человек, не обремененный «когнитивными предубеждениями» (cognitive bias) в виде «ненависти к власти имущим» или институциональной «неприязни к политическим противникам» [Попова, 2019]. Однако политический дискурс априори публично агонален [Charaudeau, 2005; 2015]. Вырванные из контекста, не всегда отрефлексированные, спонтанные – высказывания становятся медийным поводом для нападок оппонентов, предметом общественного порицания, средством диффамации деловитивного имиджа политика.

Одним из факторов меметизации паремических малапропизмов становится нарушение максимы отношения [Grice, 1979], то есть иррелевантность такого выражения или высказывания как повод для агональной интерпретации. Так, известное самоироничное изречение Э. Макрона о «галлах, не поддающихся преобразованиям» («*gaulois réfractaires au changement*»), произнесенное в присутствии королевы Дании, нарушило одну из максим принципа речевой деонтологии: «не критикуй себя при посторонних». Этим не преминули воспользоваться оппоненты. По мнению М. Ле Пен, Макрон выказал французам своё «высокомерие и презрение»: «...il méprise les Français depuis l'étranger! Les "Gaulois" vont se faire un plaisir de répondre à son arrogance et à son mépris!». «Галлы», действительно, так и восприняли «в штыки» юмор Макрона, особенно те, кто спустя месяц надел «желтые жилеты».

Приведем обобщающую таблицу ППФП Макрона, составленную по одному из параметров нашего анализа – нарушению принципа коммуникативной релевантности [Попова, 2019], вбирающего в себя, по теории Д. Спербера и Д. Уилсона [Sperber, Wilson, 1995], все постулаты Принципа Кооперативности Г.П. Грайса [Grice, 1979], постулаты вежливости Дж. Лича [Leech, 2014], П. Браун и Левинсона [Brown, Levinson, 1978].

Любая ППФП, попадающая в список мемов-малапропизмов нарушает эти принципы, к которым, на основе проводимого анализа, добавляются и

новые постулаты политической речевой (риторической) деонтологии (Таблица 5):

Таблица 5.

Нарушение релевантности как смысловая база ППФП

«Petite phrase»	Малапропизм (перевод)	Нарушаемый постулат релевантности
<i>Gaulois réfractaires au changement</i>	<i>Галлы, не поддающиеся переменам</i>	Не брани себя перед посторонними = не критикуй свой народ (в присутствии иностранцев)
<i>La meilleure manière de se payer un costard, c'est de travailler</i>	<i>Лучший способ купить себе костюм (costard – арго.) – работать</i>	Не отвечай на реальные «проблемы» собеседника обобщающими фразами, не унижай собеседника (максима такта)
<i>Des gens qui réussissent et des gens qui ne sont rien</i>	<i>Есть успешные люди, а есть ничтожества</i>	Помни, что обобщающие оценки люди могут принять на свой счёт
<i>Un pognon de dingue (dans les minima sociaux)</i>	<i>Сумасшедшие «бабки» (на соц. пособия)</i>	Не адресуй «универсальной аудитории» то, что релевантно для «частной» аудитории

Персональная политическая фразеопаремия становится «эмблемой», воплощающей делокутивный (а также когнитивный) образ политического деятеля. Например, обороты и высказывания Э. Макрона не сходят во Франции со страниц СМИ и Интернета, став широко известными: *poudre de perlimpinpin*, *gaulois réfractaires*, «*Je ne céderai rien, ni aux fainéants, ni aux cyniques, ni aux extrêmes*» и др. И.Г. Тамразова отмечает:

«(Само)ирония Макрона не является ни надменной, ни агрессивной. Наоборот, она могла бы быть интерпретирована как подчеркивающая (эвоцирующая) *упорство галлов* времен Римской Империи («Астерикс и Обеликс») или немецкой оккупации (Сопротивление), вошедшее в легенды. Но эти *эвокации* остались нереализованными. Контекстуально слова Макрона в присутствии датской королевы прозвучали неуместно (нерелевантно), так

как нарушили один из постулатов общения – «не принижай себя перед посторонними» [Тамразова, 2020: 50].

При этом нарушение максим речевого взаимодействия достаточно неоднозначно, как и субъективная нерелевантность высказывания [Попова, 2019]. Негативная оценка, как мы видим, зависит от интенциональности интерпретатора.

В приведенном примере самоирония Макрона предполагала *взаимопонимание* и эмпатию со стороны аудитории, но этого не случилось в силу отрицательного делокутивного имиджа действующего президента Франции, сложившегося в обществе благодаря массмедиа [Comment Macron... – URL]. Совокупный делокутивный имидж рождает его карикатурное визуальное воплощение на основе реальных цитат (Рисунок 6):

Рисунок 6. Макрон пишет письмо французам (Le Canard enchaîné. 2018):

«Макрон: Дорогие ... лузеры (?), погромщики (?), лентяи (?), неграмотные (?), ничтожества (?) ... Брижит: Попробуй просто: Французенки, французы».

На основании исследования и приведенных примеров мы приходим к выводу, что в основе образования (меморизации) и меметического

функционирования малапропизма лежит прагмасемантический сдвиг – *шифтинг*, поднимающий первичную семантику высказывания через агональную интерпретанту до мифологизированного оценочного значения – отрицательного (Макрон) или положительного (Де Голль) и *блендинг*, объединяющий оба значения в одном фразеотексте.

Таким образом, в результате применения **когнитивно-семиотического и функционально-прагматического метода** дескрипции и экспликации феномена малапропизма нами были выявлены внутренние механизмы образования и функционирования данного фразеопаремического разряда политической фразеологии. Исследование показало, что интерпретативные механизмы вторичного семиозиса формируют фразеологический разряд политических малапропизмов, превращая окказиональные высказывания политиков (квазиафоризмы) во вторичные фразеотексты-демотиваторы, используемые в прецедентном употреблении (вторичное цитирование) с фокусированием прагматического смысла. Функционал малапропизмов располагается между двумя полюсами: эристическая политическая дискредитация vs людическая ироническая насмешка. Дальнейшее исследование малапропизмов позволит установить деривационные типы их образования, связанные с нарушением принципа релевантности речевого взаимодействия (см. тж. [Якушева, 2022]).

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

1. Семиотическая сущность делокутивного имиджа имеет две стороны: интенционально-рефлексивную и интенционально-интерпретативную. Первая формирует *ингерентный имидж* политической персоналии, вторая – *адгерентный делокутивный имидж* – то, как воспринимаются и интерпретируются высказывания (или речевое поведение в целом) политика.

2. Интенциональность говорящего не совпадает с интерпретацией аудитории, которая отражается и закрепляется в средствах массовой коммуникации. Вторичная интерпретация исходной политической фразы становится первичной для малапропизма, превращая его в демотиватор

[Якоба, 2015], который в совокупности с его этимологией – высказыванием политика – можно рассматривать как однофразовый «текст-блендинг» в соединении его прецедентного и актуального употребления (в том или ином контексте).

3. Политическая фразеопаремия отражает идеологическую составляющую *делокутивного* имиджа (концептосферы) политика. Политик как «персональный концепт» с определенным концептуальным содержанием отражается в своем делокутивном имидже, который формируется определенной медиаполитической «концептуальной областью».

4. Анализ политических выступлений показывает частотность тех или иных лексических средств, составляющих речевой портрет политического деятеля. Часто употребляемые лексические единицы представляют те концепты – единицы языковой картины мира, которые отражают **концептуальную картину мира политика и её доминанты**.

5. Смысл ППФП определяет не семантическое и референциальное значение высказываний, а их контекстуальная значимость, целиком зависящая от интенциональности интерпретатора.

6. Концептуальный анализ корпуса исследованных нами фразеопаремий французского политического дискурса позволил выделить ядерную зону концептосферы ППФП. В неё входят традиционные для внутренней и внешней политической жизни и экономики концепты: ПОЛИТИКА (МЕЖПАРТИЙНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ / ВЫБОРЫ, ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ); КРИЗИС (СПАД); БЕЗРАБОТИЦА; МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА; ИММИГРАЦИЯ и др.

7. Паремические малапропизмы содержат признаки девиантности в плане выражения или в плане содержания (расизм, цинизм, банальность, языковая аномальность и т.д.), объектом оценки выступает как концептуальное содержание, так и форма его выражения.

8. Ядерной зоной концептуальности французской политической фразеопаремии является политическая рефлексия, выраженная в

высказываниях, имеющих объектом самовалоризацию актора политической деятельности, критическую оценку политических противников, отношение политического класса и электората (как правило, с номинацией «французы» и «Франция»).

9. Ироническая интерпретация и насмешка становятся главной аксиологической тональностью вторичной интерпретанты ППФП-малапропизма, которая отражает отношение обыденной и массмедийной критической лингвополитологии к плану содержания и плану выражения персональной фразеопаремии. *Триггерами* меморизации и меметизации потенциальных малапропизмов становятся *речезыковые аномалии* (девиации), проявляющиеся на уровне плана выражения (троп, фигура, эрратема), плана содержания (абсурд, парадокс, псевдореферентность, трюизм) и плана употребления (нарушение постулатов общения и т.п.).

10. Семантически-риторический анализ плана выражения ППФП приводит к констатации активного использования в ней тропов и фигур: метафора (анималистическая, производственная, морбиальная и др.); гипербола, антитеза, аллюзия, трюизм, ассонанс и др.

11. Помимо диалогизма внутренней формы ППФП, наблюдается и функциональный интертекстовый диалогизм, устанавливающий диалогическую кореференцию между произнесенной ППФП, ставшей мемом, и ее дискурсивными трансформациями.

12. Семиотически политическая фразеопаремия представляет собой языковой знак с доминантной оценочно-прагматической интерпретантой, довлеющей над его первичной (денотативной) семантикой.

13. Базовыми когнитивными механизмами политической фразеопаремии выступают меморизация и меметизация как результат вторичной концептуализации и категоризации, воплощенных в медийной и обыденной лингвополитической текстуализации.

14. Когнитивной основой формирования паремического малапропизма становится нарушение *обобщенного принципа релевантности* речевого взаимодействия.

15. Политическая фразеопаремия делится на историзмы и оценочные малапропизмы. В основе меметизации малапропизма лежат такие характеристики, как аномальность плана выражения и/или плана содержания; гелотогенность; актуальность, ситуативность; имагогенность (формирование имиджа); полифония, провокативность и интерпретативная манипуляция.

16. Функциональная типология французских малапропизмов опирается на их когнитивные и прагмасемантические критические дискурсивные доминанты интерпретативной интенциональности: пропозициональную, иллюкутивную, аргументативную, интерперсональную, дискурсивную девиацию в плане выражения и/или плане содержания.

17. Исследования индивидуального или группового речевого портрета в политическом дискурсе направлены на идентификацию структуры и системных факторов формирования речевого имиджа политика или политиков, создаваемого как самими политическими субъектами, так и их окружением – соратниками и противниками, СМИ и сетевыми интернет-коммуникациями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политическая лингвоперсонология получает все новые и новые импульсы развития, поднимая проблемы коммуникации внутри политических элит и между политическим классом и обществом. Методология критического анализа дискурса позволяет по-новому акцентировать некоторые аспекты изучения деловитивного имиджа политиков, рассматриваемого на примере французской медиаполитической коммуникации.

Проведенное исследование позволило обнаружить и утвердить теоретический статус до сих пор системно не исследованного в лингвистике явления – персональной политической фразеопаремии (ППФП) – высказывания политика, которое приобретает *узуальную значимость* в политическом и общественно-политическом дискурсе. Исследование основывалось на принципах критической политической лингвистики и политической лингвоперсонологии. Первой характерологической особенностью ППФП является её *метаязыковой статус*, определяемый принадлежностью к обыденной лингвополитологии и лингвоидеологии: высказывание политика становится предметом внимания, обсуждения (интерпретации) и оценки со стороны общества посредством тиражирования в средствах массовой коммуникации. Термин, предложенный в работе, – **персональная политическая фразеопаремия** – позволил, с одной стороны, уйти от использования обыденных или квазинаучных номинаций рассматриваемого феномена («ляп», «афоризм», «перл», «petite phrase», «bon mot» и т.д.). С другой стороны, удалось не только обозначить интегральные и дифференциальные признаки данной фразеологической единицы, позволяющие ей войти в разряд политической фразеологии, но и установить ее самостоятельный статус в ряду смежных понятий и терминов (фразема, афоризм, паремия и др.). В исследовании установлена универсальность данной функциональной единицы в узусах различных лингвокультур в достаточно широком временном диапазоне и в пространстве современного

общественно-политического медийного дискурса. Жанрообразующие черты данного фразеопаремического феномена определяются разнообразием форм тиражирования данной единицы в качестве предмета обыденной лингвополитологии (сборники, цитатники, интернет-мемы, устный фольклор и т.д.). Культурологическая и общественно-политическая значимость данного дискурсивного жанра имеет вариативный и амбивалентный характер.

В общем разряде ППФП был выделен кластер **фразеопаремий с демотивационной интерпретантой**, ставших предметом функционально-иллюстративного анализа и обозначенных в работе термином «**паремические малапропизмы**».

В ходе исследования с высокой степенью достоверности была подтверждена гипотеза о том, что *политический авторизованный дискурс подвержен атомизации: имеет способность распадаться на отдельные фрагменты (фразы), которые сами становятся определенного рода фразеологическим текстом идеологической и персонологической функциональности*. Таким образом, в результате исследования был доказан лингвистический статус исследуемого языкового феномена, получившего следующее определение:

Политическая персональная фразеопаремия есть эманация политического дискурса, социально значимая, текстуализованная и меморизованная монофрастическая структура (однофразовый текст), устойчиво воспроизводимая (меметизируемая), изначально отмеченная четкой авторской принадлежностью (авторизованностью), получающая дополнительную субъективную оценочную интерпретацию, прямо или косвенно характеризующую её автора.

Функционально-жанровым пространством, порождающим ППФП, является политический канцелярит (*langue de bois*), отличающийся клишированностью, семантической размытостью (псевдореферентностью), пафосностью, суггестивной импозицией, *идеологической идиоматичностью*:

размытые ментальные модели рождают семиотически «непрозрачные» знаки-эмблемы (клише), отражающие конвенциональные ментальные стереотипы, отличающиеся идиоматичностью формы плана содержания (семантической непрозрачностью и переинтерпретацией).

В результате проведенного исследования выявлена особенность, отличающая персональные политические фразеопаремии от афоризмов и собственно паремий, – непреходящий дискурсивный статус фразеопаремий, их принадлежность к дискурсивной фразеологии: такие элементы тесно связаны с социополитическим дискурсом, вне которого либо не существуют, либо только впоследствии, в диахронии языкового узуса, становятся частью общей (транс)национальной фразеологии, паремиологии и афористики, в более или менее продолжительной меморизации (*черномырдинки, макронизмы* и т.п.).

Нами были установлены категориальные признаки персональной политической фразеопаремии, как то: социополитическая актуальность, концептуальность; аргументативность; персуазивность; вторичный семиозис – реинтерпретация и полифония; в том числе, и нарушение моральных и социополитических норм, постулатов речевого взаимодействия, аномальность плана выражение и/или плана содержания; оценка имиджа (аксиологическое *личностное* фокусирование), имагогенность (формирование имиджа), деинституализация и десакрализация; ситуативность; спорадическая гелотогенность, провокативность, интерпретативная профанация малапропизмов; медийность и жанровость (популярность, востребованность).

Основными дискурсивными функциями персональных политических фразеопаремий являются референциально-информационная (фактуально-цитатная), аргументативно-интертекстовая (прецедентная), мотивационная (экспрессивно-оценочная положительная), демотивационная (экспрессивно-оценочная отрицательная), персуазивно-воздействующая: гелотогенная и/или агональная (диффамационная) (см. ниже Рисунок 7).

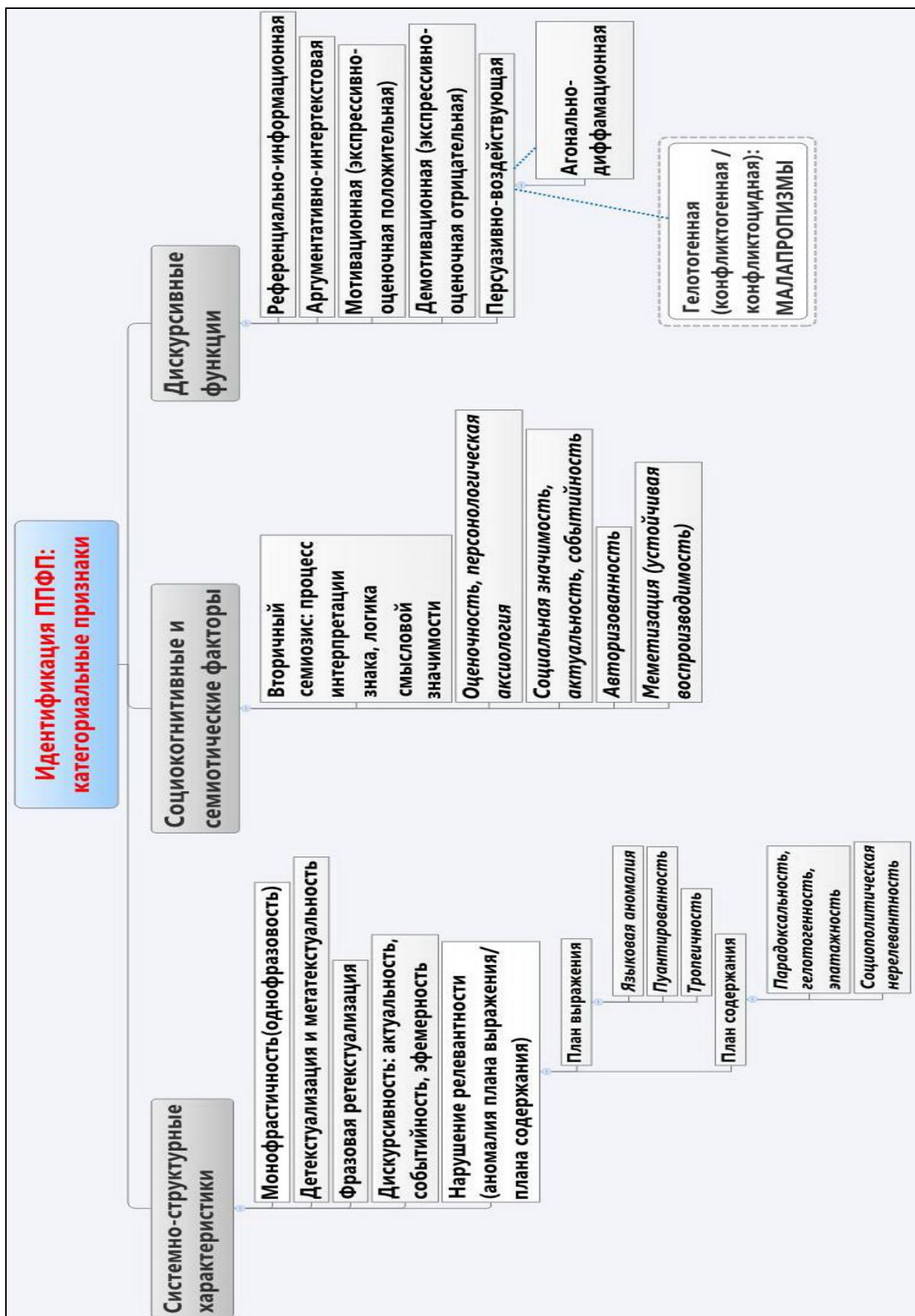

Рисунок 7. Концептуально-понятийная карта дискурсивной персональной политической фразеопаремии

Главной отличительной чертой рассматриваемых языковых проявлений выступает их прагматическая значимость для употребления «здесь и сейчас». Прагматика речи отражает ситуативность употребления и интерпретации высказываний [Гак, 1995]. Семантика ППФП отходит на второй план. Значение приобретает либо сама необычная форма, либо различные языковые аномалии (нарушение нормы). Во всех случаях употребления ППФП привлечение внимания адресата сопровождается его оценочной реакцией, эмоциональным импульсом, вызываемым инновационной языковой формой. Как выявил анализ корпуса высказываний, политическая фразеопаремия (ПФП) делится на историзмы и оценочные малапропизмы. Использование метода прагмалингвистического контекстуального анализа показало, насколько велика роль прагматики фоновых знаний в оценке релевантности прецедентных высказываний.

Таким образом, для понимания *актуального политического дискурса* в его интерпретативную смысловую составляющую имманентно встраивается как интенциональность и понимание самого интерпретатора-адресата, так и персонализация (паспортизация), то есть авторская принадлежность текста-дискурса.

Важной составляющей обыденной критической лингвополитологии является юмористическая, смеховая интерпретация ППФП, воспринимаемых как **фразеологические малапропизмы**. Малопропизмы амбивалентны и выполняют в политике и медиапространстве как конфликтогенную, так и конфликтоцидную функции. В основе таких фразеопаремических форм лежит либо явная, либо привнесенная интерпретатором аномалия плана выражения или плана содержания.

Проведенное исследование показало, что делокутивный имидж политиков – это не только область исследования профессиональной лингвоперсонологии, но и предмет пристального внимания социума, во многом определяющий противоречивость взаимоотношений политического класса и гражданского общества. В зависимости от политической

интенциональности амбивалентность ППФП может стать орудием диффамации и дискредитации политического противника, либо, наоборот, эффективным средством создания положительного имиджа политического деятеля.

Использованный в исследовании методологический подход, который включает когнитивно-семиотический анализ дискурса и критический дискурс-анализ, позволил установить, что в основе формирования жанра политической фразы лежат процессы когнитивной природы, связанные с меморизацией и мемотизацией синтаксических единиц политического языка. Когнитивно-семиотические процессы, связанные с фразеосемиотикой, концентрируются в интерпретанте – смыслообразующей доминанте малапропизма как семиотического феномена. На материале французского медийного пространства проведен прагма-когнитивный анализ политических малапропизмов, даны их структурные и функциональные характеристики, раскрыта их гелотогенная и эристическая телеология. Мы пришли к выводу, что когнитивная, семиотическая и функциональная природа малапропизма зиждется на механизмах коммуникативно-когнитивной релевантности, что подтверждается речезыковым материалом.

Проведенное исследование показало, что малапропизмы прежде всего формируют делокутивный имидж политического субъекта.

Делокутивный имидж политиков – это не только область исследования профессиональной лингвоперсонологии, но и предмет пристального внимания социума, во многом определяющий противоречивость взаимоотношений политического класса и гражданского общества. В зависимости от политической интенциональности, амбивалентность ППФП может стать орудием диффамации и дискредитации политического противника, либо, наоборот, эффективным средством создания положительного имиджа политического деятеля.

Разработанная концепция разряда дискурсивных фразеологизмов, выявление их категориальных признаков, их функций и жанрового

потенциала применима в дальнейших исследованиях различных однофразовых текстов с большей или меньшей степенью идиоматичности в рекламе, в повышении эффективности воздействия в профессиональных дискурсах, в политической пропаганде и СМИ, в когнитивно-компьютерной обработке и парцелляции полимодальных текстовых массивов разных жанров и разной семиотической природы (СМИ, социальные сети, блогосфера и т.д.).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абабий, В.Н. Общественно-политические неологизмы в современном французском языке: дис. ... канд. филол. наук / В.Н. Абабий. – Воронеж, 2019. – 198 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Фраземосемиозис как процесс лингвокреативного мышления / Н.Ф. Алефиренко // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2017. №2. – С 50-73.
3. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремиология / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. – М.: Флинта, 2018. – 344 с.
4. Алпатов, В.М. В защиту канцелярита / В.М. Алпатов. // Жанры речи. 2018. № 4 (20). – С. 254–260.
5. Алферов, А.В. Интеракциональный дейксис / А.В. Алферов. – Пятигорск: ПГЛУ, 2001. – 300 с.
6. Алферов, А.В. На пути к грамматике речи: интеракциональные категории высказывания / А.В. Алферов // Язык и действительность: сборник научных трудов памяти В.Г. Гака. – М.: Ленанд-УРСС, 2007. – С. 457–461.
7. Алферов, А.В., Якушева, А.В. Релевантность и эристичность политической коммуникации: паремические малапропизмы / А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова, Г.Е. Попова, И.Г. Тамразова, А.В. Якушева // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2018. – № 3. – С. 183-187.
8. Алферов, А.В. Интеракциональная когнитивная семиотика: понятийные составляющие метода (интерпретанта, релевантность, ad hoc-концепты) / Алферов А.В., Кустова Е.Ю., Попова Г.Е., Тамразова И.Г. // Вестник Пятигорского государственного университета. 2020а. № 3. – С. 30–36.
9. Алферов, А.В. Ad-hoc концепты и французская политическая персонология / Алферов А.В., Кустова Е.Ю. // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2020б. Т.16. № 4 (50). – С. 55–66.

10. Алферов, А.В. Интеракциональная интерпретанта как семиотическая основа делиберативной концептуализации / Алферов А.В., Кустова Е.Ю., Курашенко И.Р. // *Universum Romanum*. Материалы VI Международной научно-практической конференции. 2020в. – С. 94-99.
11. Антонова, О.Н. Антипословицы как средство функциональной модификации медиадискурса (на материале прессы Великобритании и США) / О.Н. Антонова // *Вестник Самарского государственного университета*. 2010. № 3 (77). – С. 96–101.
12. Апресян, В.Ю. Имплицитная агрессия в языке / В.Ю. Апресян // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции "Диалог-2003". Российский НИИ искусственного интеллекта, 2003.* – С. 32-35
13. Апресян, Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции / Ю.Д. Апресян // *RES PHILOLOGICA. Филологические исследования.* – М.; Л.: Наука, 1990. – С. 50–71.
14. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика. Том I. / Ю.Д. Апресян. – М: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 472 с.
15. Аристотель. Риторика / Аристотель // *Античные риторики* / Пер. Н. Платоновой. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 358 с.
16. Арустамян, Ж.Р. Имплицитность как интеракциональная категория и механизмы её реализации во французском языке: на материале малого фольклорного жанра анекдота / Ж.Р. Арустамян: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011. – 23 с.
17. Арутюнова, Н. Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой картины мира) / Н. Д. Арутюнова // *Вопросы языкознания.* – 1987. – № 3. – С. 3–19.
18. Бабина, Л.В. Об особенностях демотиватора как полимодального текста / Л.В. Бабина // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – Тамбов: Грамота, 2013 № 2 (20). – С. 28–33.

19. Баранов, А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) / А.Н. Баранов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1990. – 48 с.
20. Баранов, А.Н. Идиоматичность и идиомы / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1996. – №5. – С.51-63.
21. Баранов, А.Я. Тип метафорической модели как критерий выделения идиом / А.Я. Баранов, Д.О. Добровольский // Диалог 99: труды Междунар. семинара. – М.: Изд-во РАН, 1999. – С. 7-10.
22. Баранов, А.Н. Аспекты теории фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – Москва: Знак, 2008. – 656 с.
23. Баранов, А. Н. Понятие модели внутренней формы идиом // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. статей. Сибирский федеральный университет. 2013. Т.4. №4. – С 14-17.
24. Баранов, А.Н. Дескрипторная теория метафоры / А.Н. Баранов. – Москва: Языки славянской культуры (ЯСК), 2014. – 630 с.
25. Барт, Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: семиотика, поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс: Универс, 1994. – С. 72–130.
26. Баско, Н.В. Фразеология политического дискурса в аспекте межкультурной коммуникации // Политическая лингвистика. №5 (65). 2017. – С. 175-180.
27. Бахтин, М.М. Слово в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 72–323.
28. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 444с.
29. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
30. Береговская, Э.М. Стилистика однофразового текста: на материале русского, французского, английского и немецкого языков / Москва.: ЛЕНАНД, 2015. – 334 с.

- 31.Беданоква, З.К. Эвокативность как когнитивно-семиотическая и речезыковая форма (на примере российской рекламы) / З.К. Беданоква: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Тверь, 2018. – 44 с.
32. Богин, Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов / Г.И. Богин: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ленинград, 1984. – 32 с.
- 33.Болдырев, Н.Н. Интерпретирующая функция языка / Н.Н. Болдырев // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). – С. 11–16.
- 34.Болдырев, Н.Н. Социокультурный контекст интерпретации мира и формирования дискурса / Н.Н. Болдырев, О.Г. Дубровская // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2016, том 75, № 1. – С. 29–39.
- 35.Болдырев, Н.Н. Концептуальная деривация как основа вторичной языковой интерпретации / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. 2018а. № 33. – С. 37–42.
- 36.Болдырев, Н. Н. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия / Болдырев Н. Н., Григорьева В. С. // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018б. № 4. – С. 15-24.
- 37.Борботько, В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике / В.Г. Борботько. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 288с.
- 38.Борисова, И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И.Н. Борисова. – М.: URSS, 2007: ООО Ленанд. – 317 с.
- 39.Борисова, М.Ю. Русский афоризм: языковые, речевые и неречевые аспекты конфликтности / М.Ю. Борисова // Балтийский гуманитарный журнал. Т. 6. № 1 (18). 2017. – С. 16–20.
- 40.Бородинова, В.А. Ляпы и перлы политиков. Смешные фразы политиков всех времён. – Екатеринбург: Издательские решения, 2017. – 15 с.
- 41.Бочина, Т.Г. Диалогичность русской паремии // Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в

- дискурсе и тексте. Пословица и языковая картина мира / Под ред. О.В. Ломакиной. М., 2015. – С. 26–47.
- 42.Бредис, М.А. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование / М.А. Бредис, О.В. Ломакина, В.М. Мокиенко // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. – С. 34–43.
- 43.Будаев, Э.В., Чудинов, А.П. Метафора в политической коммуникации. Москва: Флинта, 2014. – 248 с.
- 44.Будко, Д.А. Политический юмор как объект исследования в политической науке (на примере политического анекдота) / Д.А. Будко // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2015. Вып. 3. – С. 70–82.
- 45.Булгакова, Н.Е. Прозвища как средство речевой агрессии в политическом дискурсе // Человек и язык в коммуникативном пространстве. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. Вып.7. – С. 14–19.
- 46.Бурдые, П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдые // THESIS, 1993, вып. 2. – С. 137–150.
- 47.Бурдые, П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992) / П. Бурдые. – Москва: Дело, 2017. – 718 с.
- 48.Ваганова, Е.Ю. Афоризм как тип текста в аспекте интертекстуальности: На материале немецкого языка / Е.Ю. Ваганова: дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2002. – 261 с.
- 49.Вежбицка, А. Дескрипция или цитация / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика. – М.: Прогресс, 1982.– С. 237–262.
- 50.Вепрева, И.Т. «Мы их в сортире замочим», или Штрихи к риторическому портрету В.В. Путина // Политический дискурс в России: 1996–2006: хрестоматия. – М.: Диалог–МГУ, 2007. – С. 102–105.

51. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 140–161.
52. Волков, А.А. Курс русской риторики: учебное пособие / А.А. Волков. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2015. – 544 с.
53. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280с.
54. Воронцова, Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход / Т.А. Воронцова: дис. ... д-ра филол. наук. – Челябинск, 2006. – 298 с.
55. Воронцова, Т.А. Квазиагрессия в межличностном общении / Т.А. Воронцова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. – Челябинск: ЧГУ, 2018. – С. 5-8.
56. Гавра, Д. П. Категория имиджа в современной коммуникативистике // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 4. – С. 29-43.
57. Гаврилова, М.В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Санкт-Петербург, 2005. – 38 с.
58. Гаврилова, М.В. Ключевые концепты русского политического дискурса «народ», «власть», «Россия» в инаугурационных выступлениях российских президентов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2006. Т. 2. № 1. – С. 98–108.
59. Гаврилова, М.В. Критический дискурс-анализ: современное состояние и перспективы развития // Политическая лингвистика. 2015а. № 1(51). – С. 265-267.
60. Гаврилова, М.В. Политическая лингвистика в России: как языковеды читают политические тексты // Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии. – М.: Изд-во "Аспект Пресс", 2015б. – С. 433 – 444.

61. Гаврилова, М.В. Лингвистический анализ выступлений главы государства: тематика, направления и методы исследования / М.В. Гаврилова // Политическая наука, 2017, № 2. – С. 54–72.
62. Гак, В.Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте / В.Г. Гак // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М.: 1995, № 4. – С. 47–55.
63. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
64. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин - М.: 1981. – 102 с.
65. Гвоздев, В.В. Место пословиц как структурно-семантических образований в языке / В.В. Гвоздев: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1983. – 207 с.
66. Голев, Н.Д. Обыденная лингвополитология: проблемы и перспективы // Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2011. – С. 66–68.
67. Голев, Н.Д. Обыденный политический дискурс: метаязыковой и металингвистический аспекты // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). – С. 30–37.
68. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: Канон-пресс-Ц, 2000. – 304 с.
69. Гофман, Э. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу. – М.: Смысл, 2009. – 319 с.
70. Гришаева, Л.И. Языковые средства конструирования имиджа субъекта в политической коммуникации: коллективная монография / Л.И. Гришаева, О.В. Катанова и др. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2009. – 319 с.
71. Гришаева, Л.И. Медиатекст: стратегии – функции – стиль: коллективная монография / Л.И. Гришаева, А.Г. Пастухов, Т.В. Чернышова. – Орёл: Орловский государственный институт искусств и культуры, полиграфическая фирма «Горизонт», 2010. – 226 с.

72. Гришаева, Л.И. Парадоксы медиалингвистики / Л.И. Гришаева. - Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. – 295 с.
73. Гришаева, Л.И. Теория межкультурной коммуникации: проблемы, подходы, анализ / Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова. – Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2018. – 505 с.
74. Гришаева, Л.И. Имя собственное в медиапространстве как объект лингвистического исследования / Л.И. Гришаева // Имя собственное в медиа пространстве. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. – С. 6–26.
75. Гришаева, Л.И. Варьирование текста в коммуникации / Л.И. Гришаева. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. – 291 с.
76. Гришечко, О.С. Языковая идеология: теория описания и практика воплощения / О.С. Гришечко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 2. – Тамбов: Грамота, 2017. – С. 62-65.
77. Грушевская, Т.М. Политический газетный дискурс: (Лингвопрагматический аспект) / Т. М. Грушевская: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2002. – 43 с.
78. Гудков, Д.Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков: дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 1999. – 400 с.
79. Гусейнов, Г.Ч. Рипарография / Г.Ч. Гусейнов // Постскрипtum: Литературный журнал. Вып. 1 (6), 1997. СПб.: Феникс, 1997. – С.143-167.
80. Гусейнов, Г.Ч. Д.С.П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х / Г.Ч. Гусейнов. – М.: Три квадрата, 2004. – 272 с.
81. Гусейнов, ГЛ. Карта нашей родины: идеологема между словом и телом / Г.Ч. Гусейнов. – М.: «О.Г.И», 2005. – 216 с.
82. Гуторенко, Л. С. Комические креолизованные Интернет-мемы в русско-, испано- и англоязычной виртуальной коммуникации: лингвистический аспект и социокультурные особенности: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2019. – 391 с.

83. Дейк, Т. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. ван Дейк. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
84. Дементьев, В.В. Теория речевых жанров. – М.: Знак, 2010. – 600 с.
85. Дементьев, В.В. Речежанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи / В.В. Дементьев. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2016. – 396 с.
86. Демьянков, В.З. Совместное знание vs. общее или разделенное знание // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – С.174-175.
87. Демьянков, В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – С. 32–43.
88. Дзялошинский, И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии / И.М. Дзялошинский. – Москва: НИУ ВШЭ, 2012. – 571 с.
89. Дмитриев, А.В. Смех: социофилософский анализ / А.В. Дмитриев, А.А. Сычев. – М.: Альфа-М, 2005. – 592 с.
90. Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. – Москва: АСТ: CORPUS, 2013. – 509 с.
91. Доронина, С.В. «Насмешка» в зеркале обыденного метаязыкового сознания / С.В. Доронина // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Томск: Изд-во ТГПУ, 2009. Ч. 2. – С. 202–213.
92. Дубровская, О. Г. Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Тамбов, 2015. – 42 с.

93. Дюбуа, Ж. Общая риторика / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клинкаенберг и др. – М.: Прогресс, 1986. – 392 с.
94. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев. – М.: КомКнига, 2006. – 248 с.
95. Желтухина, М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2004. – 358 с.
96. Зарецкая, Е.Н. Риторика. Теория и практика речевой коммуникации / Е.Н. Зарецкая – М: Дело, 1999. – 480 с.
97. Земская, Е.А. Клише новояза в языке постсоветского общества / Е.А. Земская // Вопросы языкознания 1996. № 3. – С. 23–31.
98. Золотых, Л.Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики на материале русского языка / Л.Г. Золотых: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Белгород, 2008. – 45 с.
99. Зуев, К.В. Идеологизация языка в политических, авангардистских и научных текстах начала XX века / К.В. Зуев: дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2005. – 192 с.
100. Иванов, Е. Е. Лингвистика афоризма: учебно-методическое пособие / Е.Е. Иванов. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 156 с.
101. Иванов, Е.Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки / Е.Е. Иванов // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Вып. 11. №4. – С. 459–706.
102. Ильясова, С.В. Языковая игра в СМИ и рекламе: опыт сопоставительного анализа / С.В. Ильясова // Русский язык и активные процессы в современной речи: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – М.; Ставрополь: Илекса: Сервис школа, 2003. – С. 404-408.
103. Имшеницкая, И. Креатив в рекламе / И. Имшеницкая. – М.: Изд-во «РИП-холдинг», 2004. – 174 с.
104. Ирисханова, О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О.К. Ирисханова. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.

105. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. - Омск: Омский Госуниверситет, 1999. – 285с.
106. Канашина, С.В. Стилистические особенности пунктуационных средств в англоязычных интернет-мемах / С.В. Канашина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2021. Т. 18, № 3. – С. 22–27.
107. Карамова, А.А. Современный политический дискурс (конец XX – начало XXI вв.): дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2013. – 411 с.
108. Карамова, А.А. Политическая фразеология: определение понятия и типология // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). №7 (16). 2015. – С. 38-41.
109. Кара-Мурза, С.Г. Идеология и мать ее наука / С. Кара-Мурза. -- М.: Алгоритм, 2002. – 253 с.
110. Карасик, В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность / В.И. Карасик // Филология. Краснодар, 1994. – С. 2–7.
111. Карасик, В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.
112. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
113. Карасик, В.И. Дискурсивная персонология // Язык, коммуникация и социальная среда. 2007. №5. – С. 78-86.
114. Карасик, В.И. Коммуникативная тональность / В.И. Карасик // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2008. № 4. – С. 20-29.
115. Карасик, В.И. Концептуализация насмешки в языковом сознании/ В.И. Карасик // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. № 13. – С. 119-129.
116. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 6-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 264 с.
117. Кибрик, А.А. Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика / Сост.: А.А. Кибрик и др. М.: Языки славянской культуры, 2015. – 843 с.

118. Кириллов, А.Г. Политический нарратив: структура и прагматика (на материале современной англоязычной прессы) / А.Г. Кириллов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2007. – 23 с.
119. Козицкая, Е.А. Смыслообразующая функция цитаты в поэтическом тексте. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. – 140 с.
120. Ковалева, Л. В. Фразеологизация как когнитивный процесс / Л.В. Ковалева. – Воронеж: изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. –182 с.
121. Колесникова, Л.Н. Риторическая личность как видовое понятие языковой личности / Л.Н. Колесникова // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). № 7 (16), 2015. Филологические науки. – С. 41–44.
122. Королькова, А.В. Русская афористика в контексте фразеологии / А.В. Королькова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Елец, 2006. 34 с.
123. Красин, Ю.А. Становление гражданского общества. Российская головоломка / Ю.А. Красин // Полис. 2012. № 2. – С. 120–121.
124. Крячков, Д.А. Языковой афоризм как средство репрезентации говорящего в американском политическом дискурсе: На материале избирательной кампании 2000 г.: дис. ... канд. филол. наук. - Москва, 2002. – 287 с.
125. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
126. Кубрякова, Е.С. К определению понятия имиджа // Е.С. Кубрякова. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. – М.: Знак, 2012. – С. 167–180.
127. Ларина, Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации / Т.В. Ларина. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 512 с.
128. Латышев, Ю.В. Феномен юмора в социально-информационном взаимодействии: Теоретико-методологический анализ / Ю.В. Латышев: дис. ... канд. философских наук. – Новосибирск, 2003. – 147 с.

129. Левин, И.Б. "Политический класс" и гражданское общество в современной России/ И.Б. Левин // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии / Под ред. Т. Заславской. М.: Интерпракс, 1997. – С. 132–137.
130. Леви-Строс, К. Мифологии. В 4-х тт. Том 3. Происхождение застольных обычаев / К. Леви-Строс – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 461 с.
131. Леонтьева, Т.В. Новая общественно-политическая фразеология в русском языке: тенденции развития / Т.В. Леонтьева, А.В. Щетинина // Русистика. 2022. Т. 20. № 2. – С. 186–202.
132. Логинова, П.Г. Анализ лингвокогнитивных особенностей политического дискурса Эммануэля Макрона // Преподаватель XXI век. Том: 2. № 2, 2019. – С. 360–372.
133. Лотман, Ю.М. Текст в тексте / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3-х томах. Т.1. – Таллин, 1992. – 472 с.
134. Малышева, Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. №4 (30). – С. 32–40.
135. Матвеева, Т.В. Тональность / Т.В. Матвеева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2011. – С. 549–551.
136. Матыцина, М.С. Критический дискурс-анализ: теоретико-методологические подходы / М.С. Матыцина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 206–216.
137. Мечковская, Н.Б. Жанры афористики и градация высказываний по степени идиоматичности / Н.Б. Мечковская // Жанры речи. Вып. 6. 2009. – С. 79–111.
138. Моисеенко, Л.В. Лингвокогнитивные основы теории прецедентности: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2015. – 403 с.

139. Моисеенко, Л.В. Популистский политический дискурс: диагностические признаки и лингвокогнитивные приемы создания / Л.В. Моисеенко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18. № 2. – С. 105-117.
140. Моисеенко, Л.В. Некоторые особенности стереотипизации негативных аспектов образа власти / М.Ю. Воронин, Л.В. Моисеенко, М.А. Викулина // Социально-политические науки. 2020а. Т. 10. № 5. – С. 13-19.
141. Моисеенко, Л.В. Имиджелогия и формирование образа России в зарубежных СМИ / Л.В. Моисеенко // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения. Сборник материалов IX Международной научной конференции. В 2-х частях. Москва, 2020б. – С. 175-177.
142. Мокиенко, В.М. Антипословицы русского народа: словарь / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. – СПб.: Нева, 2005. – 573 с.
143. Мокиенко, В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. №3. 2010. – С. 67–80.
144. Молчанова, Г.Г. Когнитивная коммуникация и транзакционные подходы к устойчивым вербальным символам // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. – Москва: Университетская книга, 2018. – С. 6–14.
145. Мочалина, К.Н. К определению понятия «идиома» в отечественной и зарубежной лингвистике / К.Н.Мочалина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 13, №2(3), 2011. – С. 680–685.
146. Муфф, Ш. К агонистической модели демократии // Логос, 2 (42), 2004. – С. 180–197.
147. Неретина, С.С. Концепты политической культуры / С.С. Неретина, А. Огурцов. – М.: ИФ РАН, 2011. – 276 с.

148. Нерознак, В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В.П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод. Сборник научных трудов. – Москва: МГЛУ, 1996. – С. 112–116.
149. Никифорова, Л.Ю. Психологический анализ репрезентации личности политического лидера в средствах массовой коммуникации: дис. ... канд. психол. наук / Л.Ю. Никифорова. – Санкт-Петербург, 2003. – 136 с.
150. Овчинникова, И.Г. Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности / И.Г. Овчинникова: дис. ... д-ра филол. наук. – Санкт-Петербург, 2002. – 382 с.
151. Огнева, Е.А. Особенности функционирования фразеослоя в дискурсивных формациях // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры: сб. науч. тр. по итогам 4-й Международной научной конференции по когнитивной фразеологии (г. Белгород, 26-27 марта 2019 г.) / Отв. ред. Н.Ф. Алефиренко, Е.Г. Озерова, К.К. Стебунова. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2019. – С. 448–453.
152. Ожегов, С.И. О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка) // С.И. Ожегов. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М.: Высшая школа, 1974. – С. 182–219.
153. Ольшанский, Д.В. Политический PR. – СПб.: Питер, 2003. – 544 с.
154. Островская, Т.А. Лингвосемиотика дискурса элиты. Монография / Т.А. Островская. – Майкоп: Изд-во Адыгейского госуниверситета, 2015. – 306 с.
155. Патрушева, Е.В. Лингвокультурологический и функционально-прагматический аспекты афоризмов в политическом дискурсе: на материале публичных выступлений В.В. Путина и Дж. Буша мл.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2011. – 22 с.
156. Пермяков, Г.А. От поговорки до сказки. Заметки по общей теории клише / Г.А. Пермяков – М.: Наука, 1970. – 239 с.

157. Пефтиев, В.И., Бойчук, Е.И. Специфика идиолекта Э. Макрона в контексте его политической деятельности // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). – С. 104–112.
158. Пирс, Ч.С. Логические основания теории знаков. СПб.: «АЛЕТЕЙЯ», 2000. – 350 с.
159. Попова, Г.Е. Релевантность речевой интеракции: аспектуальная и жанровая типология. – Пятигорск: Изд-во «ПГУ», 2019. – 368 с.
160. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – М.: Издательство «Лабиринт», 1999. – 300 с.
161. Радбиль, Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие: Монография / Т.Б. Радбиль. – М.: Флинта, 2012. – 322 с.
162. Разуваев, В.В. Политический смех в современной России / В.В. Разуваев. – М.: ГУ ВШЭ, 2002. – 262 с.
163. Режабек, Е.Я. Мифомышление (когнитивный анализ) / Е.Я. Режабек. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.
164. Рогова, К.А. Теория текста как сфера изучения речи / К.А. Рогова // Мир русского слова. 2009. №2. – С. 7–13.
165. Рождественский, Ю.В. Теория риторики / Ю.В. Рождественский. – М.: Добросвет, 1997. – 597 с.
166. Романова, Т.В. Коммуникативный имидж и речевой портрет современного политика // Политическая лингвистика. 2009. № 27. – С. 109–117.
167. Романова, Т.В. Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности: Монография/ Т.В. Романова. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2019. – 120 с.
168. Саблина, М.В. Цитата и цитирование в текстах современных российских газет: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 2011. – 17 с.

169. Савицкая, Т.Н. Интернет-мемы как феномен массовой культуры / Т.Н. Савицкая // Культура в современном мире. 2013. №3. – С. 3–7.
170. Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552с.
171. Седых, А.П. К вопросу об идиополитическом стиле В.В. Путина // Политическая лингвистика. 2016. № 55. – С. 35–41.
172. Серль, Дж. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Серль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.18 – М.: Прогресс, 1986. – С. 242–263.
173. Сковиков, А.К. Власть и гражданское общество: диалог взаимодействия / А.К. Сковиков // Фундаментальные исследования. 2014. № 12-12. – С. 2668–2672.
174. Соковнин, В.М. Фасцинология: пролегомены к науке о чарующей, доминантной и устрашающей коммуникации животных и человека / В.М. Соковнин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 400с.
175. Соссюр, Ф. Заметки по общей лингвистике. – М.: «Прогресс», 1990. – 275 с.
176. Степанов, Ю.С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики; философии, искусства) / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1985. – 335 с.
177. Стернин, И.А. Коммуникативное поведение и коммуникативная личность носителя языка / Куркина А.С., Стернин И.А. // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2018. Вып. 3 (39). – С. 112-127.
178. Строганов, В. Б. Технологии политической манипуляции в интернете: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2020. – 23 с.
179. Тамразова, И. Г. Речевая персонология: эристическая тональность и имидж политика // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2020. Т. 16. Вып. 2 (48). – С. 48-54.

180. Тамразова, И. Г. Эристические речевые практики: опыт дискурсивной риторики. Кросс-культурное исследование речевой агональности и языковой трансгрессии. – Москва: Московский Политех, 2021. – 442 с.
181. Тангир, К.М. Русские антиномичные афоризмы: речезыковые аспекты конфликтности и парадоксальности: дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2007. – 415 с.
182. Тарасова, А.Н. Этнос как когнитивно-дискурсивная категория (на материале французского языка) // Вестник МГЛУ. 2013. № 10. – С. 201–209.
183. Тармаева, В.Д. Когнитивная природа фразеологического парадокса в английском языке / В.Д. Тармаева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 1997. – 21 с.
184. Тартыгашева, Г.В. Демагогия – форма деформации общественно-политической жизни / Г.В. Тартыгашева // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2010. № 3(46). – С. 144–160.
185. Телегина, В.А. Средства выражения оценки в характеристике политической элиты: на материале современной французской прессы: дис. ... канд. филол. наук / В.А. Телегина. – Белгород, 2021. – 200 с.
186. Телия, В.Н. Основные значения идиом как единиц фразеологического состава языка // Словарь образных выражений русского языка / под ред. В. Н. Телия. – М.: Отечество, 1995. – С. 10-16.
187. Телия, В. Н. Русская фразеология. – М.: Школа "Языки рус. культуры", 1996. – 284 с.
188. Туманова, Е.О. Афоризм во фразеологии и фразеологизм в афористике современного немецкого языка: лингвокультурологический аспект / Е.О. Туманова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2012. – 22 с.
189. Тюпа, В.И. Актуальность новой риторики для современной гуманитарной науки / В.И. Тюпа. // Коммуникативные стратегии

- культуры и гуманитарные технологии. – СПб.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2007. – С. 9–74.
190. Умеренкова, А.В. Вероятностное прогнозирование и эффект обманутого ожидания // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2009. №1 (5). – С. 81-85.
191. Фелицына, В.П. Русские пословицы, поговорки, крылатые выражения: Лигвострановедческий словарь / В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров. – М.: Рус. яз., 1980. – 240 с.
192. Фененко, Н.А. Merkozy, Sarkoland, Hollande и другие неологизмы французского политического медиапространства / Н.А. Фененко, В.Н. Абабий // Имя собственное в медиа пространстве. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. – С. 27-67.
193. Фрейд, З. Остроумие и его отношение к бессознательному / З. Фрейд. – Москва: «Университетская книга», 1997. – 319 с.
194. Фуко, М. Археология знания. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
195. Хазагерев, Г.Г. Политическая риторика / Г.Г. Хазагерев. – М.: Никколо-Медиа, 2002. – 313 с.
196. Худяков, А.В. Лингвокогнитивные особенности президентского дискурса конца XX – начала XXI веков: на материале дискурсов президентов России и Франции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Мытищи, 2018. – 22 с.
197. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика. Учебное пособие. / А.П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
198. Чудинов, А.П. Лингвополитическая персонология: методологические основы и методики анализа / Никифорова М. В., Чудинов А. П. // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2017. № 1. – С. 22-29.
199. Чудинов, А. П. Российская лигвополитическая персонология: исследование дискурса политических лидеров / А.П. Чудинов, Е.А.

- Нахимова, М.В. Никифорова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 1. – С. 14-31.
200. Шагеева, А.А. Когнитивные функции цитаты в естественнонаучном тексте: На материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. – 216 с.
201. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка: учебное пособие для студентов филологических факультетов / Н.М. Шанский. – Изд. 7-е. – Москва: ЛЕНАНД, 2015. – 271 с.
202. Шаховский, В.И. Мейотические формы отклонения от истины / В.И. Шаховский, С.С. Тахтарова // Логический анализ языка: Между ложью и фантазией. – Москва: Изд-во «Индрик», 2008. – С. 334–343.
203. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000. – 431 с.
204. Шейпак, С.А. Языковая личность и дискурсивный этос // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. III. – С. 204–210.
205. Шелестюк, Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования / Е.В. Шелестюк. – Челябинск: Энциклопедия, 2008. – 229 с.
206. Шестов, Н.И. Политический миф теперь и прежде. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 412 с.
207. Шмелева, Е.Я., Шмелев, А.Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр / Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 144 с.
208. Щедровицкий, Г.П. Философия. Наука. Методология / Г.П. Щедровицкий. – М.: Школа Культуры Политики, 1997.– 656 с.
209. Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. [Текст] / У. Эко. - СПб: Симпозиум, 2007. – 502 с.
210. Шпильман, М.В. Коммуникативная стратегия "речевая маска": на материале произведений А. и Б. Стругацких / М.В. Шпильман: дис. ...

- канд. филол. наук. – Новосибирск, 2006. – 229 с.
211. Якоба, И.А. Власть дискурса медийного пространства в борьбе за номинацию // Вестник Томского государственного университета. Филология/ 2015/ №3 (35). – С. 122-134.
212. Якушева, А.В. Современные тенденции французской неологии в сетевых средствах массовой информации / А.В. Якушева // Вестник ЧелГУ. Филология Искусствоведение. 2012. Вып. 69. № 23 (277). Челябинск: ЧелГУ. – С. 142–148.
213. Якушева, А.В. К семантике политического текста: антропонимы в функциональной среде сетевых средств массовой информации / А.В. Якушева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. Выпуск 6/2. – С. 237–239.
214. Якушева, А.В. Фразеопаремическое портретирование французской политической элиты / А.В. Якушева // Политическая лингвистика. 2022. № Вып. 4 (94). – С. 101-108.
215. Alduy, C. Ce qu'ils disent vraiment. Les politiques pris aux mots. P.: Le Seuil, 2017. – 477 p.
216. Amossy, R. L'éthos au carrefour des disciplines : rhétorique, pragmatique, sociologie des champs // Images de soi dans le discours. La construction de l'éthos. / R. Amossy (dir.). – Lausanne: Delachaux et Niestlé, 1999. – P. 129–156.
217. Amossy, R. La présentation de soi. Ethos et identité verbale. Paris: PUF, 2010. – 235 p.
218. Amossy, R. Stéréotypes et clichés: langue, discours, société / Ruth Amossy, Anne Herschberg. – Paris: Armand Colin, 2016. – 127 p.
219. Amedegnato, S., Sramski, S. Parlez-vous petit nègre? Enquête sur une expression épilinguistique / S. Amedegnato, S Sramski. – Paris: Ed. L'Harmattan, 2003. – 136 p.
220. Achard-Bayle, G. Linguistique populaire? / Achard-Bayle, G. et Paveau, M.-A. (dir.) // Pratiques, Metz, Cresef, n°139-140, 2008. – 142 p.

221. Benveniste, E. L'appareil formel de l'énonciation / E. Benveniste // *Langages*, № 217, 1970. – P.12–18.
222. Bernstein, J. H. Folk Concepts // *21st Century Anthropology: A Reference Handbook* / Ed. H. J. Birx. 2010. – P. 848-855.
223. Blackmore, S. The power of memes // *Scientific American*, 283, 2000. – P. 52–61.
224. Bonenfant, M. Le même numérique: étude sémiotique des réseaux à partir des concepts de trace et d'indice M. Bonenfant // *Réseaux sociaux, réseaux sociosémantiques et phénomènes de communication*. 2014. № 12. – P. 27-42.
225. Boudard, A. La Méthode à Mimile. L'argot sans peine / A.Boudard, L.Etienne. – P. : Le Pré aux Clercs, 1990. – 369 p.
226. Bourdieu, P. Genèse et structure du champ religieux / P. Bourdieu // *Revue française de Sociologie*. 12, 1971. – P. 295–334.
227. Bourdieu, P. Language and Symbolic Power / P. Bourdieu. – Polity Press, 1991. – 291 p.
228. Brackett, M.A. Emotional intelligence and its relation to everyday behavior / Brackett M.A., Mayer J.D., Warner R.M. // *Personality and Individual Differences*, 36, 2004. – P. 1387–1402.
229. Brasart, P. Petites phrases et grands discours: Sur quelques problèmes de l'écoute du genre délibératif sous la Révolution française // *Mots*, 1994, n° 40. – P. 106-112.
230. Brodie, R. Virus of the Mind. The New Science of the Meme / R. Brodie. – UK: HayHouse, 2009. – 249 p.
231. Brown, P., Levinson, S. Universals in language usage: politeness phenomena // *Questions and Politeness. Strategies in Social Interaction* / E.N. Goody (ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1978. – P. 56–310.
232. Caillat, D. La place du discours rapporté dans les débats politiques télévisés: Thèse de Doctorat en Sciences du langage. Lyon, 2016. URL: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-03483134>

233. Carston, R. Metaphor: Ad Hoc Concepts, Literal Meaning and Mental Images / R. Carston // *Proceedings of the Aristotelian Society. New Series*, Vol. 110. 2010. – P. 295–321.
234. Casasanto, D. All Concepts are Ad Hoc Concepts / D. Casasanto, G. Lupyan // *The Conceptual Mind: New directions in the study of concepts*. E. Margolis & S. Laurence (Eds.) Cambridge: MIT Press, 2015. – P. 543–566.
235. Charaudeau, P. *Le discours politique. Les masques du pouvoir*. – Paris: Vuibert, 2005. – 256 p.
236. Charaudeau, P. *Charisme quand tu nous tiens. Les paradoxes du charisme en politique // Notes de Campagne (un regard sémiologique)*. 2012. URL: <http://www.patrick-charaudeau.com/Charisme-quand-tu-nous-tiens-Les.html/>
237. Charaudeau, P. *Humour et engagement politique*. – P.: Lambert, 2015. – 221 p.
238. Chekmenev, D.S., Yakusheva, A.V. Electoral case of designing socio-political discourse in russian public policy / D.S. Chekmenev, E.A. Soloveva, M.A. Dyakonova, S.A. Mihienko, A.V. Yakusheva // *Lecture notes in networks and systems*. T.198. Springer Nature Switzerland, 2021. – C. 195-204.
239. Chomsky, N. *Language and politics*. – Montreal, NY: Black rose books, 1988. – 779 p.
240. Chosson, M. *Parlez-vous la langue de bois? Petit traité de manipulation à l’usage des innocents*. – Paris: Points, 2007. – 256 p.
241. Clodong, O., Clodong, N. *Politiques et langue de bois*. – Paris: Eyrolles, 2006. – 116 p.
242. Deias, D. *De Casse-toi pov’con à Jair Bolsonaro: la confusion des scènes dans le discours politique à l’ère de la communication numérique // Revue Algérienne Des Sciences Du Langage*. Vol. 5. n°: 2, 2020. – P. 1-12.
243. Denquin, J.-M. *Vocabulaire politique / “Que sais-je”*. – Paris: PUF, 1997. – 128 p.

244. Desproges, P. Dictionnaire superflu à l'usage de l'élite et des bien nantis. Paris : Editions du Seuil, 1985. – 145 p.
245. Dijk, van T.A. Discourse semantics and ideology / T.A. van Dijk // Discourse & Society. Vol. 6, No. 2.1995. – P. 243–289.
246. Dijk, van T.A. Critical Discourse Analysis // The Handbook of Discourse Analysis / Eds. D. Tannen, H.E. Hamilton, D. Schiffrin. – Wiley-Blackwell, 2015. – P. 466–485.
247. Dijk, van T.A. Socio-cognitive discourse studies / T.A. van Dijk // The Routledge handbook of critical discourse studies / Ed. J. Flowerdew; J.E. Richardson. – New York, NY: Routledge, 2020. – 637 p.
248. Dominicy, M. Discourse Evocation: Its Cognitive Foundations and Its Role in Speech and Texts // Utterance Interpretation and Cognitive Models / Philippe De Brabanter, Mikhail Kissine (Ed.). – UK: Emerald Group Publishing Limited, 2009. – P. 179–209.
249. Durnova, A. Les approches discursives des politiques publiques. Introduction / A. Durnova, Ph. Zittoun // Revue française de science politique. 2013/3. Vol.63. – P. 569–577.
250. Eggs, E. Ethos aristotélien, conviction et pragmatique moderne / E. Eggs // R. Amossy (éd.), Images de soi dans le discours. La construction de l'ethos. – Paris: Delachaux & Niestlé, 1999. – P. 31–59.
251. Fairclough, N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language / N. Fairclough. – London-New York: Routledge, 2010. – 608 p.
252. Fairclough, N. A procedural approach to ethical critique in CDA / N. Fairclough, I. Fairclough // Critical Discourse Studies. 2018. 15 (2). P. 169–185.
253. Fiala, P. Pour une approche discursive de la phraséologie // Langage et société, n°42, 1987.– P. 27-44.
254. Fonagy, I. He is only Joking: Joke, Metaphor and Language Development / I. Fonagy // Hungarian Linguistics / ed. by F. Kiefer. – Amsterdam, 1982. – P. 31–108.

255. Foucault, M. Dits et Ecrits 1954–1988 / M. Foucault. – P.: Gallimard, 1994. V. 1–4.
256. Gautier, A. Les mêmes langagiers: Propagation, figement et déformation. Introduction / A. Gautier, G. Siouffi // Travaux de linguistique. Les mêmes langagiers : Propagation, figement et déformation. № 73, 2016. – P. 7–25.
257. Grice, H. P. Logique et conversation // Communications, 30. – Paris: Seuil, 1979. – P. 57–72.
258. Hagège, C. L'homme de paroles / C. Hagège. – Paris: Fayard, 1985. – 314 p.
259. Halliday, M.A.K. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning / M.A.K. Halliday. – London: Edward Arnold, 1978. – 256 p.
260. Haselton, M.G. The paranoid optimist: An integrative evolutionary model of cognitive biases / M.G. Haselton, D. Nettle // Personality and Social Psychology Review. 10(1). 2006. – P. 47–66.
261. Haugh, M. Examining conceptualizations of communication / M. Haugh, Liddicoat A. J. // Australian Journal of Linguistics. 2009. Vol.29. P.1-10.
262. Iduy, C. Ce qu'ils disent vraiment. Les politiques pris aux mots / C. Alduy. – Paris: Le Seuil, 2017. – 477 p.
263. Kerbrat–Orecchioni, C. L'énonciation. De la subjectivité dans le langage // C. Kerbrat–Orecchioni. – P.: A. Collin, 2002. – 404 p.
264. Kerbrat-Orecchioni, C. Analyser du discours: le cas des débats politiques télévisés / C. Kerbrat-Orecchioni // SHS Web of Conferences. 2012. 1. – P. 25–42.
265. Kerbrat-Orecchioni, C. Les débats de l'entre-deux tours des élections présidentielles françaises. Constantes et évolutions d'un genre. Paris: L'Harmattan, 2017. – 372 p.
266. Krieg-Planque, A. Formules et lieux discursifs: propositions pour l'analyse du discours politique / A. Krieg-Planque // Semen.Revue de sémiolinguistique des textes et discours, Besançon, Presses Universitaires de Franche-Comté, avril 2006. № 21. – P. 19–47.

267. Krieg-Planque, A. Les "petites phrases" en politique / Krieg-Planque A., Ollivier-Yaniv C. // Communication et Langages. 2011. № 168. – P. 17–22.
268. Krieg-Planque, A. La “novlangue” : une langue imaginaire au service de la critique du “discours autre” // Branca-Rosoff S. et al., L’ Hétérogène à l'oeuvre dans la langue et les discours. – Limoges: Lambert-Lucas, 2012. – P. 69-83.
269. Krieg-Planque, A. Le traitement du “figement” par des locuteurs ordinaires : le sentiment linguistique d’ “expression toute faite” dans des contextes de critique du discours politique // Le figement en débat. Figement linguistique et figement interprétatif, n°159-160, 2013. – P. 189-203.
270. Krieg-Planque, A. Langue de bois / A. Krieg-Planque // Publictionnaire. Dictionnaire encyclopédique et critique des publics. Mis en ligne le 12 septembre 2017. – URL: <http://publictionnaire.humanum.fr/notice/langue-de-bois/>.
271. Krieg-Planque, A. Les instruments de la critique politique et sociale comme objets pour l’étude des idéologies langagières: l’exemple d’un «Atelier de désintoxication de la langue de bois» / A. Krieg-Planque // Circula. Revue d’idéologies linguistiques. 2018. № 7. – P. 29–50.
272. Leech, G. N. The Pragmatics of Politeness / G. N. Leech. – Oxford: University Press, 2014. – 345 p.
273. Le Séac'h, M. La petite phrase: d'où vient-elle? Comment se propage-t-elle? Quelle est sa portée réelle? – Paris: Eyrolles, 2015. – 269 p.
274. Le Seac'h, M. Les petites phrases d'Emmanuel Macron: Ce qu'il dit, ce qu'on lui fait dire. Independently Published, 2022. – 148 p.
275. Maingueneau, D. L'ethos, de la rhétorique à l'analyse du discours / D. Maingueneau // Problèmes d'ethos. Pratiques, n° 113-114, 2002. – P. 55–68.
276. Maingueneau, D. Auteur et image d’auteur en analyse du discours [En ligne] / D. Maingueneau // Ethos discursif et image d’auteur / Argumentation et Analyse du Discours. №3. 2009. – URL : <http://journals.openedition.org/aad/660>

277. Maingueneau, D. Les phrases sans texte / D. Maingueneau. – Paris: A. Colin, 2012. – 184 p.
278. Maingueneau, D. Aphorisation et cadrage interprétatif / D. Maingueneau // *Redis: Revista de estudos do Discurso*. №2, 2013. – P. 100–116.
279. Maingueneau, D. Retour critique sur l'ethos / D. Maingueneau // *Langage et société*. 2014/3, n° 149. – P. 31–48.
280. Mann, W.C. Functions of Language in Two Frameworks / W.C. Mann, C. M.I.M. Matthiessen // *Word*. 42(3): 24. 1990. – P. 1–21.
281. Mann, W.C. Thompson, S.A. Rhetorical structure theory: Toward a functional theory of text organization / W.C. Mann, S.A. Thompson // *Text. Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. 1988. T. 8. №. 3. – P. 243–281.
282. Martirnez–Manrique, F. On the Psychological Reality of Minimal Propositions / F. Martirnez–Manrique A. Vicente // *Utterance Interpretation and Cognitive Models / Philippe De Brabanter, Mikhail Kissine (Eds.)*. – UK: Emerald Group Publishing Limited, 2009. – P. 1–21.
283. Mayaffre, D. Macron ou le mystère du verbe. Ses discours décryptés par la machine. Paris: Editions de l'Aube, 2021. – 344 p.
284. Mercury, Th. Petit lexique de la langue de bois. De quelques concepts et faux repères, Paris, Ed. L'Harmattan, 2001. – 200 p.
285. Mustajoki, A. A speaker-oriented multidimensional approach to risks and causes of miscommunication /A. Mustajoki // *Language and Dialogue/* – № 2:2. – 2012. – P. 216–243.
286. Nicolaï, R. Langue de bois et politiquement correct. – UPPR. 2017. – 79 p.
287. Oléron, P. Argumentation. "Que sais-je". – Paris: PUF, 1987. – 125 p.
288. Paré, J. Le Code des tics. Guide de la langue de bois, du jargon, des clichés et des tics tendance dans le monde du journalisme, de la politique et de la publicité. – Montréal: Ed. Le Boréal, 2006. –168 p.

289. Perelman, Ch. *Traité de l'argumentation. La nouvelle rhétorique* / Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca. – Bruxelles: Ed. De l'Université de Bruxelles, 1983. – 734 p.
290. Reboul, O. *La rhétorique. "Que sais-je"*. – Paris: PUF, 2018. – 125 p.
291. Récanati, F. *La transparence de l'énonciation*. – P.: Seuil, 1979. – 215 p.
292. Recanati, F. *Indexicality, context and pretence* / F. Recanati // Burton-Roberts (ed.), 2007. – P. 213–229.
293. Robrieux, J.-J. *Eléments de rhétorique et d'argumentation*. – Paris: Dunod, 1993. – 225p.
294. Searle, J.R. *L'Intentionnalité. Essai de philosophie des états mentaux*. – P.: Minuit, 1985. – 292 p.
295. Seoane, A. *Petite phrase* // *Publictionnaire. Dictionnaire encyclopédique et critique des publics*. – URL: <http://publictionnaire.huma-num.fr/notice/petite-phrase/>
296. Seoane, A. *La «petite phrase»: une catégorisation méta-agissante en discours* // *Mots: Les langages de la politique. Les petites phrases*. №117. 2018. – P. 91-106.
297. Sériot, P. *La langue de bois et son double* // *Langage et Societe*. 1986. 35(1). –P. 7-32.
298. Shenhav, S.R. *Political Narratives and Political Reality* // *International Political Science Review*. 2006. 27 (3). – P. 245–262.
299. Schieffelin, B.B. *Language Ideologies: Practice and Theory* / B.B. Schieffelin, K.A. Woolard, P.V. Kroskrity. – New York: Oxford University Press, 1998. – 338 p.
300. Sperber, D., Wilson, D. *Relevance: Communication and Cognition*. Oxford; Cambridge: MA, 1995. – 338 p.
301. Sperber, D. *Rudiments of Cognitive Rhetoric* / D. Sperber // *Rhetoric Society Quarterly*, 37:4, 2007. – P. 361-400.
302. Sperber, D. *Speakers are honest because hearers are vigilant. Reply to Kourken Michaelian* / D. Sperber // *Episteme*, 10, (1), 2013. – P. 61–71.

303. Stegu, M. Linguistique populaire, language awareness, linguistique appliquée: interrelations et transitions / M. Stegu // Pratiques. 2008. № 139/140. – P. 81–92.
304. Talmy, L. Attention Phenomena / L. Talmy // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics ed. by Dirk Geeraerts and Hubert Cuyckens. Oxford University Press, 2007. – P.264–293.
305. Thom, F. La Langue de bois. – Paris: Julliard, 1987. – 225 p.
306. Idy, C. Ce qu'ils disent vraiment. Les politiques pris aux mots / C. Alduy. – Paris: Le Seuil, 2017. – 477 p.
307. Woolard, K. Language Ideology as a Field of Inquiry / K. Woolard // Language Ideologies: Practice and Theory. – N.Y.: Oxford University Press, 1998. – P. 3-47.
308. Zvolenszky, Z. Inferring Content: Metaphor and Malapropism // Croatian Journal of Philosophy. Vol. 15, Issue 2, 2015. – P. 163–182.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ

309. Гак, В.Г. Французско-русский фразеологический словарь / Гак В.Г., Кунина И.А. и др. / Под ред. Я.М. Рецкера. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963. – 1112 с.
310. Гак, В.Г. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / В.Г.Гак, Л.А. Мурадова и др. – М.: Рус. яз.-Медиа, 2005. –хх, 1625 с.
311. Леонтьева, Т.В. Идеографический словарь русской социальной лексики: общество и человек / Т.В. Леонтьева. – Екатеринбург: Ажур, 2018. – 553 с.
312. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
313. НФРС – Гак, В.Г., Ганшина, К.А. Новый французско-русский словарь / В.Г. Гак, К.А. Ганшина. – М.: «Русский язык», 1993. – 1194 с.

314. Сковородников, А.П. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / А.П. Сковородников. – М.: ФЛИНТА, 2011. – 480 с.
315. ФРФС – Гак, В.Г., Мурадова, Л.А. Новый Большой французско-русский фразеологический словарь. / В.Г. Гак, Л.А. Мурадова и др.; под. ред. В.Г. Гака. М.: Рус. яз.-Медиа, 2005. – XX, 1625 с.
316. ФЭС – Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л. Ф. Ильичев. – Москва: Сов. энциклопедия, 1983. – 839 с.
317. Щетинина, А.В. Идеографический словарь русской социальной лексики: государство, власть, внутренняя политика / А.В. Щетинина. – Екатеринбург: Ажур, 2018. – 768 с.
318. Végoc, D. Dictionnaire des citations politiques. Paris: La maison d'éditions LME, 2011. – 256 p.
319. Cassell's French-English / English – French Dictionary. London- NY: Cassell LTD, 1977. – 655 p.
320. Cellard, J., Rey, A. Dictionnaire du français non conventionnel / J. Cellard., A. Rey. – P.: Masson Hachette, 1991. – 1015 p.
321. COD – The Concise Oxford Dictionary. - Oxford Clarendon Press, 1984. – 1260 p.
322. DFC: Dictionnaire du français contemporain. Réd. J. Dubois. - P.: Librairie Larousse, 1987. – 1664 p.
323. Dictionnaire des citations de langue française. – P.: Editions de la Seine, 1990. – 459 p.
324. Petit Larousse illustré / Réd. C. Augé. – P.: Librairie Larousse, 1995. – 1777 p.
325. Stoyanne, D. Petit glossaire de la guerre civile yougoslave / D. Stoyanne. – Paris–Lausanne: L'Age d'homme / Institut Serbe de Lausanne, 1994. – 55 p.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ЭНЦИКЛОПЕДИИ, СЛОВАРИ СПРАВОЧНИКИ

326. Викицитатник. Wikiquote. – URL: <https://fr.wikiquote.org/wiki/>

327. Citationpolitique.com. Dictionnaire des citations politiques. – URL: <http://cqcounter.com/www/citationpolitique.com.html>
328. Publictionnaire: dictionnaire encyclopédique et critique des publics. – URL: <http://publictionnaire.huma-num.fr/notice/petite-phrase/>
329. Power Thesaurus. https://www.powerthesaurus.org/_search?q=soundbites+buzzwords&google=1
330. Toupictionnaire: le dictionnaire de politique: Néologismes en politique. – URL: https://www.toupie.org/Dictionnaire/a_neologismes.htm.
331. TLFi: Trésor de la langue Française informatisé (Corpus électronique) – URL: <http://www.atilf.fr/tlfi>, ATILF - CNRS & Université de Lorraine.
332. Urban Dictionary.Com. – URL: <https://www.urbandictionary.com/>
333. Wikipédia. – URL: <https://fr.wikipedia.org/wiki/Wikipédia>

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

334. AFP, 2011. – URL: <https://www.afp.com/en/news-hub>.
335. AFP, 2018. «Pour Macron, les aides sociales coûtent un «pognon de dingue» sans résoudre la pauvreté», Paris, Le Monde, 2018. URL: https://www.lemonde.fr/emmanuel-macron/article/2018/06/13/pour-macron-les-aides-sociales-coutent-un-pognon-de-dingue-sans-resoudre-la-pauvrete_5313870_5008430.html. Site consulté le 02/12/2019.
336. Comment Macron critique les Français quand il est à l'étranger. – URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=2&v=3_6hDHIYSNg& (дата обращения 09.05.2022).
337. De Flanby à Pingouin: tous les surnoms de F. Hollande. – URL: <http://yvonne92110.centerblog.net/12275/hollande> (дата обращения 09.09.21).
338. Débat de l'entre-deux-tours. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v>
339. Deias, D. Petites phrases politiques en temps de pandémie // The Conversation, 15 mai 2020. – URL: <https://theconversation.com/petites-phrases-politiques-en-temps-de-pandemie-138880>.

340. Desproges, P. Dictionnaire superflu à l'usage de l'élite et et des bien nantis. Paris : Editions du Seuil, 1985. –145 p.
341. Emmanuel Macron – <https://www.topito.com/top-mots-vocabulaires-macron-traduits> (дата обращения 05.09.2021).
342. Emmanuel Macron – cest-un-peu-le-candidat-plexiglas-estime-marine-le-pen <http://www.europe1.fr/politique/emmanuel-macron-cest-un-peu-le-candidat-plexiglas-estime-marine-le-pen-2901908> (дата обращения 05.09.2021).
343. Europe-1, 2009: Rédaction Europe1.fr 11h35, le 19 avril 2009. – URL: <https://www.europe1.fr/politique/Villepin-il-y-a-un-risque-revolutionnaire-en-France-240512>
344. Face à face. Le débat télévisé au second tour de l'élection présidentielle (1974-1995). Textes rassemblés. – Paris: Éditions du Boucher, 2002. – 305 p.
345. Figaro Vox, 2021. – Lefebvre, B. Recrutement des enseignants: «L'école ne doit pas être gérée comme une entreprise privée !».Publié le 06/09/2021. – URL:<https://www.lefigaro.fr/vox/societe/recrutement-des-enseignants-l-ecole-ne-doit-pas-etre-geree-comme-une-entreprise-privee-20210906>
346. France TV info, 2020 – «Mort de Valéry Giscard d'Estaing : "le monopole du cœur", "au revoir"... ces phrases cultes de l'ancien président » [archive], sur Franceinfo, 3 décembre 2020. – URL: https://www.francetvinfo.fr/politique/mort-de-valery-giscard-d-estaing/vous-n-avez-pas-le-monopole-du-coeur-cinq-phrases-cultes-de-valery-giscard-d-estaing_4205029.html
347. Giscard d'Estaing, V. Le Pouvoir et la Vie. Vol. 1 / V. Giscard d'Estaing. – Paris: Compagnie 12, 1988. – 401 p.
348. Institut François Mitterrand. Les relations de François Mitterrand et René Bousquet. – URL: <https://fresques.ina.fr/miterrand/fiche-media/Mitter00296/les-relations-de-francois-mitterrand-et-rene-bousquet.html>
349. La Chiracophobie, sport national. – Libération. URL: <https://www.Chiracophobie> &oq=Chiracophobie&aqs=chrome=UTF-8 (дата обращения 05.09.2021).

350. Le Canard enchaîné – URL: [http:// lecanard enchaine. free.fr/](http://lecanardenchaine.free.fr/).
351. Le Figaro Vox – URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/>
352. Le Figaro, 2016 – URL: <https://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2016/05/27/25001-20160527ARTFIG00392-emmanuel-macron-le-meilleur-moyen-de-se-payer-un-costard-c-est-de-travailler.php>
353. Le Monde – URL: <https://www.lemonde.fr/>.
354. Le Monde, 2011 – URL: https://www.lemonde.fr/politique/portfolio/2011/07/21/au-ps-la-valse-des-petites-phrases-assassines_1220658.html
355. Le Monde, 2012. – Les moments clés du débat Hollande-Sarkozy (Le Monde.fr | 03.05.2012 à 07h47 • Mis à jour le 03.05.2012 à 13h01) – URL : https://www.lemonde.fr/election-presidentielle-2012/article/2012/05/03/les-moment-cles-du-debat-hollande-sarkozy_1694468_1471069.html
356. Le Monde, 2020 – URL: <https://www.lemonde.fr/politique/article/2020/03/16/nous-sommes-en-guerre-retrouvez-le-discours-de-macron-pour-lutter-contre-le-coronavirus.html>
357. Le Parisien – URL: <https://citation-celebre.leparisien.fr/auteur/jean-marie-le-pen>.
358. Le Parisien, 2011. – URL: <https://www.leparisien.fr/doubs-25/>.
359. Le Point – Режим доступа: URL: <https://www.lepoint.fr/> (дата обращения 05.05.2021).
360. L'Echo – URL: <http://www.lecho.be/actualite/>
361. Les moments clés du débat Hollande-Sarkozy (Le Monde.fr | 03.05.2012 à 07h47 • Mis à jour le 03.05.2012 à 13h01) – URL : https://www.lemonde.fr/election-presidentielle-2012/article/2012/05/03/les-moment-cles-du-debat-hollande-sarkozy_1694468_1471069.html (дата обращения 05.09.2021).
362. Les mots du pouvoir. Dictionnaire du prêt-à-penser. – Paris: «Droits devant»-Editions, 1995. – 92 p.

363. Linyer, G. Dictionnaire de la langue de bois en politique. Pour ne pas voter idiot – Paris: 1995. – 214 p.
364. Nicolas Sarkozy "Vous en avez assez de cette bande de racailles, on va vous en débarrasser", Paris, INA, 2005. – URL : <https://www.ina.fr/video/I09166721>. Site consulté le 03/12/2019.
365. PolitiTweet. – URL: <https://polititweet.org/tweets?account=1976143068>
366. Press Club de France – Pressclub.fr. – URL: <http://www.pressclub.fr>.
367. Ruhlmann, J. «Bon mot» et «petite phrase»: la politique pour tous // Revue des deux mondes. 26 janvier, 2017. – URL: <https://www.revuedesdeuxmondes.fr/bons-mots-et-petites-phrases-la-politique-pour-tous/>
368. Thalès, S. Le Petit Macron de la langue française: Décryptage savoureux des formules, mots rares et expressions de notre Président (Perles). Paris: Tut-Tut, 2017. –172 p.
369. The NOW Corpus (News on the Web). Available at: <https://www.english-corpora.org/now/> (accessed: 22.10.2022).
370. Urban Dictionary.Com Available at: <https://www.urbandictionary.com/> (accessed: 22.10.2022).
371. Vilette, R. La langue du capital mise à nu par ses locuteurs mêmes. Décodeur du sabir politico-médiatique / R. Vilette – Paris: Les Nuits rouges, 2009. – 298 p.
372. Wattier, P. Parlez-vous le politique: Le politique en version sous-titrée / P. Wattier, O. Picard. P.: Editions Chiflet & Cie, 2011. – 239 p.
373. Zemmour É. Un quinquennat pour rien. Chroniques de la guerre de civilisations. Paris : Éditions Albin Michel, 2016. – 363 p.
374. Голованова, 2012. – Перлы французских политиков. Les perles des politiques / Персональный сайт Головановой И.С. Опубликовано 16.04.2012. – URL: <http://irgol.ru/perly-frantsuzskih-politikov/>
375. ИПДС– Ильф И., Петров Е. 12 стульев / И. А. Ильф, Е.П. Петров – М.: «Художественная литература», 1981. – 296 с.
376. ИПЗТ – Ильф, И., Петров, Е. Золотой теленок / И.А. Ильф, Е.П. Петров

– Краснодар: «Советская Кубань», 1992. – 288 с.

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ САЙТЫ:

– Alain Juppé – URL: <https://www.facebook.com/AlainJuppe>

– François Hollande – URL: <https://www.facebook.com/francoishollande.fr>

– Jean-Luc Mélenchon – URL: <https://www.facebook.com/JLMelenchon/>

– Marine Le Pen – URL: <https://www.facebook.com/MarineLePen/?nr>

– Nicolas Sarkozy – URL: <https://www.facebook.com/nicolassarkozy/>

ПРИЛОЖЕНИЕ I. ЭТАПЫ ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ МАЛАПРОПИЗМА

ТЕКСТ 1. ДИНАМИЧЕСКОЕ ЦИТИРОВАНИЕ В НАРРАТИВЕ

MACRON AUX PROFESSEURS INQUIETS : "ON NE VOUS METTRA JAMAIS EN SITUATION DE DANGER"

Le président de la République était en visite, ce mardi 5 mai, dans une école de Poissy dans les Yvelines. Objectif : rassurer les parents, les enseignants et les maires en première ligne pour mettre en place le déconfinement.

Marie-Pierre Haddad

publié le 05/05/2020 à 13:38 - mis à jour le 05/05/2020 à 13:58

RTL URL: <https://www.rtl.fr/actu/politique/macron-aux-professeurs-inquiets-on-ne-vous-mettra-jamais-en-situation-de-danger-7800481041>

Rassurer et convaincre. Emmanuel Macron s'est rendu dans une école de Poissy, dans les Yvelines, ce mardi 5 mai. À une semaine de la première phase de déconfinement, les maires et les directeurs d'école sont face à la complexité du déconfinement avec la reprise des cours.

Se voulant rassurant, le président de la République a indiqué aux enseignants inquiets : "*On ne vous mettra jamais en situation de danger*". Lors d'une interview télévisée, Emmanuel Macron a expliqué vouloir "que les choses soient bien organisées partout". "**On ne dira jamais à un enseignant pour qui les conditions ne sont pas remplies : 'Vous devez aller travailler'**".

Le président de la République a ainsi résumé la doctrine du gouvernement : "**Je veux une bonne rentrée plutôt qu'une rentrée en nombre**". "**Dans la vie d'un enfant, rester deux mois à la maison, c'est assez traumatisant**", ajoute le chef de l'État.

*Les maires veulent bien faire, donc il faut leur laisser le temps et la
souplesse
Emmanuel Macron*

Emmanuel Macron a remercié à plusieurs reprises les enseignants et les maires. Aux élus, le président explique "comprendre leurs angoisses, leurs questions et leurs inquiétude". "Ils veulent bien faire, donc il faut leur laisser le temps et la souplesse", ajoute-t-il. Du temps qui ne doit cependant rien changer à l'objectif du chef de l'État.

"Nul ne sait dire combien de temps nous allons avec le virus. On ne peut pas dire pendant des mois et des mois, que le pays ne vit plus, explique-t-il. Maintenant

s'ouvre une nouvelle phase où on doit essayer de maîtriser l'épidémie et vivre dans une nation libre".

Invité de RTL, Karl Olive le maire de Poissy, ville dans laquelle s'est donc rendu Emmanuel Macron a décidé de rouvrir ses écoles, dès le 11 mai. "Nous allons démarrer la semaine prochaine, encore une fois sur la base du volontariat sur les quartiers populaires avec quatre niveaux grande section, CP, CE1 et CE2. Dans les autres quartiers, grandes sections, CP et CE2 (...) Cela va représenter à peine 20% des effectifs traditionnels. Et puis, nous ajusterons. Encore une fois, il faut que nous agissions", a-t-il expliqué.

Combattre le décrochage des élèves

Selon Iannis Roder, professeur d'histoire-géographie en Seine-Saint-Denis, le retard accumulé par certains élèves ne pourra pas être rattrapé. Au micro de RTL, il raconte son expérience depuis le début du confinement, le 17 mars dernier.

"Les enseignants ont cherché à garder le contact avec leurs élèves et on s'est aperçu très vite, là où je travaille en banlieue, que nous n'avions pas de contact avec près d'un tiers de nos élèves. Ils n'ont plus de scolarité depuis". Pour ces enfants, le retour à l'école "est extrêmement importante pour eux" et cela passe par "le présentiel".

ТЕКСТ 2. СЛОВО О СЛОВАХ. МЕТАЯЗЫКОВАЯ ПОЛЕМИКА

CORONAVIRUS : LA PETITE PHRASE DE MACRON QUI PARASITE PHILIPPE

Marie-Pierre Haddad

publié le 05/05/2020 à 15:02

RTL FRANCE, URL: <https://www.rtl.fr/actu/politique/coronavirus-la-petite-phrase-de-macron-qui-parasite-philippe-7800481240>

ÉCLAIRAGE - Le premier ministre s'évertue à mettre en garde contre le risque d'"**écroulement économique**". Tandis qu'Emmanuel Macron *lui ne préfère pas employer "ces grands mots"*.

Une prise de parole parasite ? Emmanuel Macron était en visite, ce mardi 5 mai, dans une école de Poissy dans les Yvelines, à une semaine de la reprise progressive de l'école. Le président de la République a ainsi voulu se rendre au sein des classes respectant les mesures de distanciations physiques et appliquant les gestes barrières.

Au terme de sa visite, Emmanuel Macron a répondu aux questions des journalistes, lors d'une interview télévisée. C'est un chef de l'État au discours conciliant qui est apparu devant les caméras. "**On ne dira jamais à un enseignant**

pour qui les conditions ne sont pas remplies : 'Vous devez aller travailler'", a indiqué le président de la République.

Interrogé sur l'impact économique de la crise, Emmanuel Macron semble avoir pris ses distances avec la ligne évoquée par Édouard Philippe. La veille devant le Sénat, le premier ministre a insisté sur le "coût social et économique colossal" du confinement. **"Le moment est critique, nous ne pouvons pas rester confinés (...) La vie économique doit reprendre impérativement et rapidement, avec des aménagements, avec de la bonne volonté"** a-t-il martelé en mettant en garde contre *"le risque de l'écroulement"* de l'économie française.

Une communication brouillée entre Macron et Philippe ?

Mais Emmanuel Macron préfère répondre : **"Non, je n'ai pas ces grands mots"**. Une phrase qui relance les tensions entre le président et son premier ministre. ***"Une des explications, c'est que le président de la République n'a pas le même cahier des charges que le premier ministre"***, note Vincent Derosier journaliste politique chez RTL. Le chef du gouvernement est chargé de l'organisation du déconfinement et de l'aspect technique.

"Cela fait maintenant quelques semaines que l'Élysée le répète : Emmanuel Macron donne un cap. Face à un Édouard Philippe qui doit gérer la montagne du déconfinement et toutes les contraintes qui y sont liées", ajoute-t-il. Depuis quelques semaines, la communication semble brouillée entre Emmanuel Macron et Édouard Philippe et plus généralement entre l'Élysée et Matignon. L'idée d'un remaniement qui verrait un changement de premier ministre a émergé dans le débat politique, avec l'hypothèse d'un gouvernement d'union nationale.

Il n'y a pas eu d'appels avec des journalistes et pas d'expression de doutes vis-à-vis du premier ministre L'Élysée

Point culminant des tensions : le président de la République aurait appelé des journalistes pour partager son avis divergent, avec celui de son premier ministre, sur le délai accordé aux députés pour voter le plan de déconfinement.

Une information "catégoriquement" démentie par l'Élysée. "Il n'y a pas eu d'appels avec des journalistes et pas d'expression de doutes vis-à-vis du premier ministre", assure un proche conseiller du président. "Cette histoire de vote à reporter ou pas est par ailleurs sans intérêt. Il s'agit d'une déclaration du premier ministre. Ce n'est pas de la compétence de la présidence", explique un membre du cabinet élyséen au Figaro.

La réaction d'Emmanuel Macron ne passera pas inaperçue, dans un contexte où *les couacs et les erreurs de communication se sont accumulés pour l'exécutif*.

ПРИЛОЖЕНИЕ II. ДИСКРЕДИТАЦИЯ ИМИДЖА МАРИН ЛЕ ПЕН С ОПОРОЙ НА ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОПАРЕМИИ

LE VRAI VISAGE DE MARINE LE PEN, RÉSUMÉ EN DEUX PETITES PHRASES DATÉES D'IL Y A 48 HEURES

<http://bloggy.net/2015/08/27/le-vrai-visage-de-marine-le-pen-resume-en-deux-petites-phrases-datees-dil-y-a-48-heures/>

PAR YANNIS YOULOUNTAS · PUBLIÉ 27/08/2015 · MIS À JOUR 27/08/2015

A l'attention de ceux qui nous appellent à baisser la garde contre le FN.

LE VRAI VISAGE DE MARINE LE PEN, RÉSUMÉ EN DEUX PETITES PHRASES DATÉES D'IL Y A 48 HEURES

Suite à une fusillade avec des gendarmes dans un camp de Roms, avant-hier dans la Somme, Marine Le Pen vient de déclarer :

« Ces événements très graves sont un symptôme de l'ensauvagement insupportable de notre société. »

L'ensauvagement insupportable de notre société ? Parle-t-elle du capitalisme libéral ? De la misère galopante ? De l'insécurité sociale ? De la nécessité de se révolter ?

Non, elle parle uniquement de l'insécurité civile des braves gens menacés par des sauvages toujours plus nombreux (qui viennent jusque dans nos bras...) et qui ne sont pas assez sous contrôle de l'État policier.

La phrase suivante le confirme :

« Ce drame est la conséquence de l'effondrement du RESPECT dû aux forces de l'ORDRE... Les effectifs de forces de l'ORDRE doivent être augmentés ! »

Autrement dit. Le problème, c'est l'obéissance.

Marine Le Pen nous dit qu'il faut réapprendre à obéir, à respecter le pouvoir, à renforcer l'ordre en place et à privilégier la lutte contre l'insécurité civile et non contre ses causes.

Quelles causes ? Pour elle, LA cause, c'est

De tous temps, les étrangers, migrants ou nomades ont été qualifiés de barbares, de sauvages et de menaces pour la société, NOTRE SOCIÉTÉ, par l'extrême-droite, et bien au-delà.

Les nomades, en particulier, ont toujours été en première ligne de cette haine. Une haine nourrie par la jalousie des sédentaires contre ceux qu'ils regardent passer.

« (...) eux,

Ce sont les sauvages,

Ils vont où leur désir

Le veut, par dessus monts,

Et bois, et mers, et vents,

Et loin des esclavages.

L'air qu'ils boivent

Ferait éclater vos poumons. »

Jean Richepin, « Les oiseaux de passage »

Chanté notamment par Brassens...

La haine du nomade n'est pas seulement le fait de la réaction, mais aussi du capitalisme, car ce dernier a toujours eu besoin de la sédentarité des populations pour s'établir (même si la précarité et la flexibilité qu'il veut nous imposer nous conduisent parfois à une mobilité de circonstance).

Le génocide d'au moins 200 000 Tziganes en Europe, à partir de l'automne 1939 et surtout de décembre 1942, n'a pas commencé autrement. Le nazisme et ses nombreux complices se sont simplement appuyés sur les préjugés sociaux de plus en plus répandus durant les années qui ont précédé. Le fruit était mûr. Himmler lui-même, chef de la SS et organisateur de la

déportation, avait, en son temps, qualifié les peuples nomades de « sauvages (...) menaçant la société. »

L'autre facilité, qui évita le tracas des enquêtes aux nazis et à leurs complices, c'est le fichage des Roms depuis 1910, dans la plupart des États européens, au prétexte de leur attitude « asociale » et de la « menace » qu'il représentaient soit-disant pour « la société et ses valeurs », à commencer par la propriété et l'obéissance.

Alors, Jacques Sapir, faut-il vraiment baisser la garde contre le FN pour mieux lutter contre la nouvelle forme du capitalisme ?

Yannis Youlountas

Siteweb